ВЛАСТЬ

3

2005

Журнал «Власть» сегодня

Общенациональный политический журнал «Власть» издается на спонсорские средства с августа 1993 года. На его страницах выступают отечественные и зарубежные ученые-аналитики, государственные и общественные деятели, предприниматели и финансисты, дипломаты и военные публицисты различной идеологической ориентации. Редакции удалось привлечь к совместной работе практически все ведущие аналитические центры и академические институты Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Астрахани, Ростова-на-Дону и других регионов России.

Журнал нашел не только своего читателя, свой содержательный курс, но и форму подачи материала. Являясь зеркалом политической, экономической и властных систем России, «Власть» в то же время старается сохранить свой подход и утверждать собственную позицию. Ценности либерализма, консерватизма, демократии и социальной солидарности лежат в ее основе. При этом независимый, профессиональный анализ не означает единомыслия, скорее он предполагает язык диалога, который позволяет системно рассмотреть одно и то же явление. Именно этими критериями руководствуется редколлегия журнала при подборе материалов. Сегодня, когда наиболее крупные средства массовой информации оказались идеологически и материально ангажированы финансово-промышленными группами, выживание независимых экспертно-аналитических изданий становится важнейшим условием сохранения свободной демократической прессы. По нашей информации и редакционной почте, читателями журнала являются представители как самой власти, так и органов государственного управления и в центре, и на местах. Он пользуется спросом в экспертном обществе, в среде профессорско-преподавательского состава вузов России и стран СНГ.

Журнал выходит ежемесячно объемом 10 авторских листов, его индекс в каталоге «Роспечать» 72997. За последний год число подписчиков в России и странах СНГ достигло более 1500 адресатов.

Журнал открыт для всех, кто хочет и может ему помочь сохранить и упрочить свое место в информационной системе современной России. Мы приглашаем к сотрудничеству спонсоров и меценатов. Все предложения будут с благодарностью рассмотрены.

Наш адрес:
103001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 5/1, оф. 619, гостиница «Пекин».
Редакция журнала «Власть». Тел. (095) 209-35-(15... 25), доб. 619.
E-mail: vlast@transpress.ru

ВЛАСТЬ

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАЕТСЯ
С АВГУСТА 1993 ГОДА**

**№ 3'2005
МАРТ**

Содержание

Учредитель – **ООО «Редакция журнала «Власть»**
Издатель – **ЗАО «Издательский дом «Парад»**

Генеральный директор: Александр Дегтярев. **Директор по развитию:** Валерий Зотов.
Технический директор: Петр Иванов. **Верстка:** Галина Немтинова. **Корректура:** Лариса Зимина.

Точка зрения авторов публикуемых материалов необязательно отражает мнение редакции.
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Власть» обязательна.

Журнал зарегистрирован Мининформпечати РФ. Рег. № 0110951 выдан 4 августа 1993 года.
Адрес редакции: 103001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 5/1, оф. 619, гостиница «Пекин».
Телефон (095) 209-35-(15... 25), доб. 619. E-mail: vlast@transpress.ru
Представительство: Санкт-Петербург – Юрий Светов, тел. (812) 352-3137

Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Объем 5,0 п.л. Тираж 1700 экз. Заказ № 5080

В розницу – цена свободная.

Отпечатано с готовых пленок в ФГУП Издательство «Известия»
125994, ГСП-4, Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Контактные телефоны: 200-36-36, 200-30-20

Дмитрий РУБВАЛЬТЕР

РОССИЙСКАЯ НАУКА НАКАНУНЕ РЕФОРМ

Проблемы управления наукой в современном обществе приобретают особое значение. Современная типология стран мирового сообщества берет за основу уже не мощь вооруженных сил, экономические показатели (бедные и богатые страны, индустриальные и сельскохозяйственные и т. п.), а способность продуцировать и реализовывать, внедрять и «выбрасывать» на рынок знания (через систему образования) и реализующие высокие технологии. Страны делятся, с этой точки зрения, на сырьевые, товаропроизводящие, производящие технологии и производящие научные знания и высокие технологии. Страны, принадлежащие к последней группе, одновременно являются мировыми экономическими, технологическими, научными и военными лидерами. Стратегия развития этого комплекса отраслей является стратегией передовых рубежей. Развитие и государственная поддержка высоких технологий становится сейчас актуальнейшей не только экономической, но и политической задачей.

РУБВАЛЬТЕР Дмитрий Александрович – к. э. н., заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова

В течение последнего десятилетия в мире растет интерес к научным исследованиям, прежде всего для обеспечения инновационного развития. Достаточно сослаться на пример Японии. Ведь известно, что японцы считать умеют. Япония до относительно недавнего времени, ориентировавшаяся на закупку лицензий, в последние десять–пятнадцать лет в связи с их дороговизной стала создавать собственные исследовательские лаборатории в США и Западной Европе. При этом на одну материнскую лабораторию в Японии приходится 1,6 подразделения, расположенных в США, 1,1 – в Континентальной Европе, 0,2 – в Великобритании и 1,1 – в других странах. Область исследований– прикладная наука: фармацевтика, бытовая химия, электроника, электротехника, автомобилестроение и сельхозмашиностроение. Основными приоритетами деятельности японских лабораторий в зарубежных странах являлись создание нового продукта, реализация стратегий по глобализации нововведений, повышение конкурентоспособности на местном рынке, использование «научных возможностей» страны размещения.

Налицо широкая интернационализация исследований, дополнительно поддерживаемая «революцией телекоммуникаций» и формированием на базе этого наряду с «глобальной планетарной деревней» и «глобальной исследовательской деревни». Интернационализация охватывает не только академическую и университетскую науку, но и промышленные НИОКР. Так, компании, штаб-квартиры которых находятся в Бельгии и Нидерландах, осуществляют за рубежом более 50% НИОКР, компании Великобритании, Швеции, Швейцарии, Финляндии и Норвегии – от 30 до 40%, компании Германии и Франции – около 15%.

Наиболее заметным институциональным новшеством последнего десяти- пятнадцатилетия является возникновение во многих странах так называемых центров высококачественной науки (ЦВН; англ. centres of excellence). Таковые центры в настоящее

время имеются в Австралии, Бельгии, Канаде, Нидерландах, Финляндии, Японии. Задуманы они как институциональная форма реализации научных приоритетов, от них заведомо требуются международная конкурентоспособность, междисциплинарность на активное участие в инновационном процессе.

Технологические прорывы не позволяют выдержать конкуренцию, если они не встроены в систему непрерывного совершенствования производственных процессов, освоения всего лучшего из мировых достижений науки, техники, бизнеса, управления. С ростом экономической взаимозависимости усиливается и межнациональная конкуренция на рынках технологий, что требует активной государственной поддержки.

Однако инновационные прорывы невозможны без развития науки, прежде всего ее фундаментальной составляющей.

Вообще триада: фундаментальная наука – прикладная наука – инновации требуют адекватного достаточно гибкого управления, что можно наглядно показать на примере наиболее технологически развитой страны в мире – США.

реализации достижений науки непосредственно в «металле». Это достигается посредством применения системы планирование – программирование – бюджетирование и государственных закупок в рамках федеральной контрактной системы.

Российская наука при советской системе имела, безусловно, выдающиеся достижения, являлась, по общему признанию, второй наукой в мире, а по ряду направлений – математике, теоретической и ядерной физике, астрономии и т. д. занимала первостепенные позиции. Однако будучи советской наукой, она унаследовала многие негативные черты дирижиской модели: исследования велись по всем направлениям, независимо от их перспективности и эффективности, следовательно, она была чрезмерно затратной, содержала многие неэффективные направления. По оценкам, на научные исследования, как гражданские, так и оборонные, тратилось до четырех процентов ВВП, что до сих пор не может позволить себе ни одна страна в мире. Следует отметить, что еще при разработке КП НТП СССР на 1991–2010 гг. в 1987–1988 гг., Б. Г. Салтыковым был сделан вывод об избыточности российской науки, в том числе фундаментальной, при достигнутом уровне развития советской экономики.

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста затрат на НИОКР и инновации из федерального бюджета США по направлениям расходования[1]

(в процентах)

Годы	Фундаментальная наука	Прикладная наука	Инновации
1960–1968	13,5	6,8	7,2
1968–1975	5,3	6,2	4,9
1975–1985	11,6	12,5	12,6
1985–1995	7,5	4,0	4,2
1995–1996	1,3	3,3	3,7

Как можно заключить по материалам таблицы, периоды наиболее бурного роста ассигнований на фундаментальную науку с целью создания необходимого задела для формирования прорывных направлений в области техники и технологий сочетаются с периодами ускоренного роста ассигнований на прикладную науку и инновации с целью

[1] В. Федорович, А. Патрон, В. Заварухин «США: Федеральная контрактная система и экономика». М., Наука, 2002, стр. 799

За годы реформ, особенно в период 1992–1996 гг., российская наука подверглась жестоким испытаниям. Кратно от 12 до 16 раз сократились объемы бюджетного финансирования, что привело к устареванию материальной базы, приборного парка, массовому оттоку исследователей, особенно молодежи. Значительным является отток научных кадров за рубеж вследствие предоставления лучших условий жизни и работы. Особенно негативные тенденции наблюдаются в возрастной структуре научных работников. Как известно, наука – это дело молодых, во всяком случае до пятидесяти лет. После пятидесяти знания, как правило, систематизируются и передаются молодым, следующему поколению исследователей. В 2000 г. доля научных работников старше пятидесяти лет составляла в России 48,8%, то есть почти половину, в то время как в США – 21%. В то же время доля научных работников до 40 лет соответственно составила двадцать шесть и около пятидесяти процентов. Если указанные тенденции сохранятся, а при продолжении существующей организации науки с большей степенью вероятности так и будет, то в 2010 г. уже более шестидесяти процентов научных кадров составят лица свыше пятидесяти лет, а доля молодых – до тридцати лет сократится с одиннадцати всего до восьми процентов. При этом особенно резко, скачкообразно с трех до пятнадцати процентов возрастет доля семидесятилетних «исследователей», вообще отсутствующих в американской статистике. Следует отметить, что привлечению молодежи в науку препятствуют не только плохие материальные условия, но и резкое падение престижа научной профессии, бывшей в советский период одной из самых уважаемых.

За примером, как говорится, далеко ходить не надо. Возьмем № 6 «Аргументов и фактов» за февраль 2003 г. Там приведен список наиболее престижных профессий в США и России (по данным соответственно The Wall Street Journal и ВЦИОМа). Так вот, в суперрациональной Америке наиболее престижной профессией является ученый. И это не случайно, ибо ученый определяет лицо современного постиндустриального общества. Я убежден, что если бы в свое время в СССР был проведен подобный опрос, он дал бы аналогичный результат. В России-2002 ученый занимает двадцать вторую позицию, далеко позади предпринимателя – 1 (в США – 18), преступного авторитета – 5 и валютной проститутки – 12 (в США оба вне рейтинга). К подобному явлению приложили руку и СМИ.

Ради справедливости, следует отметить, что привлечению молодежи препятствует и позиция руководства РАН, не проводящего необходимых организационно-экономических мер по созданию вакансий для молодых ученых. И дело здесь не только в уровне заработков. Молодежи просто некуда физически приходить, все места заведующих лабораториями, главных и ведущих научных сотрудников заняты лицами далеко запенсионного возраста. Следовательно, необходимо создать условия для их высвобождения путем, например, льготного пенсионного обеспечения докторов и кандидатов наук посредством формирования корпоративного пенсионного фонда при РАН, тем более что правовые условия для этого имеются, а средства вполне возможно изыскать из смешанных источников[1] (части бюджетных ассигнований, отчислений от грантов и заказов, кредитов банков, средств спонсоров и т. д.)

В течение 1992–1996 и 1998 гг. фактически выделяемые на науку бюджетные ассигнования систематически отставали от принятых бюджетов, по гражданским направлениям на 15–25%, по оборонным катастрофически – 40–50%.

При этом наибольшая доля в ВВП по ассигнованиям на науку достигалась в 1997 году– 0,77% и была связана как с объективными, так и с субъективными причинами. К числу объективных можно отнести относительную стабилизацию и небольшой рост экономики в 1997 году, к числу субъективных – деятельность на посту министра науки академика В. Е. Фортова, активно отстаивавшего интересы прежде всего фундаментальной науки.

Надо отметить, что с 2000 г. положение стабилизировалось и даже несколько улучшилось, при этом следует учитывать

---

[1] Проработка возможных вариантов создания этого фонда осуществлялась еще в апреле-мае 1998 года под руководством автора статьи, возглавлявшего тогда Управление государственной научно-технической политики бывшего Миннауки России. С тех пор дело не продвинулось ни на йоту

рост ВВП в 2004 г. почти на 40% по сравнению с 1998 г. Этому способствовали как существенный рост экономики за этот период, так и определенное улучшение отношения руководства страны к проблемам науки. Общие ассигнования на науку в 2004 г. по сравнению с кризисным 1998 г. увеличились: в действующих ценах – в 10,3 раза, в ценах 1991 года – в 2,5 раза, по доле в ВВП – в 1,7 раза[1]. Это позволило улучшить ситуацию в науке.

В то же время, несмотря на почти двукратное сокращение численности по сравнению с советским периодом, в науке почти в пяти тысячах организаций продолжают работать более девятисот тысяч человек, что больше, чем в Японии (около девятисот тысяч), Германии (около пятисот тысяч) и Франции (около трехсот тридцати тысяч)[2]. При этом в государственном реестре научных организаций содержится 3180 организаций, из которых 2338 единиц с численностью в 665 тысяч человек находится в государственной собственности, в том числе 2243 с численностью в 652 тысячи – в федеральной собственности, в том числе в РАН – 106,15 тыс. чел. Понятно, что при существующих реалиях продолжать содержать такую армию по принципу «Каждой сестре по серьге» не только неэффективно, но и невозможно.

Задача состоит в том, чтобы выделить ядро государственного сектора из наиболее эффективных и высококвалифицированных учреждений фундаментальной науки, организаций прикладной науки, реализующих и участвующих в разработке приоритетных направлений развития науки и технологий[3], включая критические технологии и одновременно сформировать современную инновационную систему, в том числе, необходимые элементы инфраструктуры, позволяющие трансформировать научные достижения в рыночные продукты. Менее эффективно работающие организации предлагается перевести на рыночную основу и «отлучить» от базового финансирования. В то же время они могут вполне доказать свою эффективность путем участия в конкурсах на заключение государственных контрактов в рамках федеральной контрактной системы. При этом ведущая роль в «отбраковке» неэффективных организаций должна принадлежать самому научному сообществу. В то же время, если определенные влиятельные научные и околонаучные круги попытаются, как это было неоднократно за последние годы, затормозить или вообще торпедировать этот процесс, в дело придется вступить государственным органам, призванным исходить из общегосударственных интересов.

Именно этими приоритетными проблемами – стратегией участия государства в управлении наукой и образованием занялось вновь сформированное в процессе административной реформы Министерство образования и науки Российской Федерации. Были подготовлены соответствующие концепции[4], одобренные коллегией министерства. При этом, если концепция по образованию была воспринята общественностью достаточно спокойно, то концепция по науке вызвала возмущение в академических кругах. Между тем ничего принципиально нового по сравнению с документами по реформированию науки[5], разработанными в бывшем Министерстве науки и технологий в 1991–1998 гг., в концепции нет. Речь и тогда, и сейчас шла об одном и том же. О повышении эффективности науки. О том, что переход от затратной – советской к рыночной экономике требует и другой организации науки.

Задача формирования современной инновационной системы имеет сейчас не

[1] В 2003 году– в 1,8 раза

[2] В то же время в связи с неоптимальным соотношением между непосредственно исследователями и вспомогательным персоналом (50:50), определяемым в первую очередь низкой степенью автоматизации, число исследователей в России в 2002 году насчитывало 492 тыс. человек и значительно уступает, например, Японии, где их насчитывается 646,6 тыс. чел. (соотношение 75:25)

[3] Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года. М., 2002 г.

[4] Концепции участия Российской Федерации в управлении государственными организациями, осуществляющими свою деятельность соответственно в сферах науки и образования. В дальнейшем концепция по науке была уточнена, убран ряд излишних количественных параметров, уточнено ее название как «Концепция участия Российской Федерации в управлении имущественными комплексами государственных организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере науки». Однако смысл документа остался прежним

[5] См., например, Концепцию, основные направления реформирования науки в 1998–2000 гг. и план мероприятий. М., 1998 г. План мероприятий фактически не был реализован

только серьезное экономическое, но и социально-политическое значение.

В Послании президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию в 2003 году в качестве одной из основных поставлена задача удвоения валового внутреннего продукта, причем подчеркнуто, «что общество в состоянии добиться этих результатов в период до 2010 года», то есть за семь лет. Достижение таких показателей за семь лет предполагает обеспечение среднегодовых темпов роста в 10,4%. Если говорить о реальных темпах роста с учетом коэффициента дефляции, то подобные показатели последний раз достигались в СССР в период послевоенного восстановления, а для промышленности – семилетнего плана.В мировой практике подобные темпы на протяжении примерно двадцати пяти лет обеспечивает Китай. Понятно, что обеспечение подобного роста просто так не произойдет. Требуется реальная программа модернизации экономики с указанием конкретных механизмов и точек роста с соответствующим законодательным, нормативным и финансовым обеспечением. Простое одинаковое снижение налогов для всех подобного результата не даст, поскольку всегда обеспечит преимущество для крупного, прежде всего олигархического капитала, который далеко не самый эффективный хозяйствующий субъект. Как показывает опыт стран с наиболее высокими темпами роста – Китая, азиатских тигров и т. д., их развитие достигалось прежде всего на основе малого бизнеса, который обеспечивает политическую и экономическую стабильность, усиление адаптации населения и формирование среднего класса, преодоление экономического спада и рецессии, создание новых рынков, инновационный прорыв, успешное проведение реформ. При этом переход в стадию постиндустриального развития потребует новых рычагов на основе прежде всего малого инновационного бизнеса, использующего потенциальные конкурентные преимущества российской экономики, прежде всего пока еще относительно высокое развитие российской науки.

Проблемы интеллектуального (инновационного) бизнеса нужно анализировать в контексте современной социально-экономической ситуации в России. Понятие интеллектуального бизнеса достаточно прозрачно и может рассматриваться как экономическая деятельность, направленная на получение прибыли путем реализации интеллектуального продукта (интеллектуальной собственности), представляющего собой объект этого бизнеса. Субъектами интеллектуального (инновационного) бизнеса могут являться: создатель продукта, его собственники (могут не совпадать с создателем), а также лица, занятые его воспроизводством, в том числе тиражированием и реализацией.

В то же время доля этих предприятий весьма невелика, низок их вклад в экономику страны. Доля инновационных составляет примерно семь процентов от всех предприятий малого бизнеса при 30–35% – в США, около 50% – в Финляндии.

Крайне печальная ситуация сложилась в области международной торговли технологиями. По данным ЦИСН, в 2003 году экспорт технологий из России составил всего 23,3 млрд. рублей, или менее миллиарда долларов при импорте 36,3 млрд. рублей. При оценочной стоимости мирового технологического рынка в несколько триллионов долларов. Из этого можно сделать вывод о фактическом отсутствии России на этом рынке.

Ситуация объясняется рядом причин.

Во-первых, обвальным падением уровня научно-технического потенциала страны, связанным с проведением политики демодернизации. Десятилетие подобной политики привело к снижению наукоемкости ВВП почти в четыре раза с 3,7% в 1990 г. до 1,03% в 2000 году[1]. К уменьшению примерно в шесть раз с шестидесяти до десяти процентов числа инновационно активных предприятий, тогда как в таких странах, как Германия, США, Франция и Япония, их доля достигает 80%[2]. В подобных случаях можно говорить об инновационном застое

---

[1] Наукоемкий сектор экономики России. М., 2001 г., стр. 28, речь идет о всей науке, как гражданской, так и оборонной.

[2] Удельный вес инновационно-активных в общем числе обследованных предприятий составлял в 2003 году 9,5%, удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме продукции инновационно-активных предприятий – 11,5%, удельный вес затрат на технологические инновации – всего 4,1%. При этом наиболее инновационно-активными являются предприятия химии – 26%, но отнюдь не ТЭК – 7%. (ист. Наука России в цифрах. 2004. Стат. сб. М., ЦИСН, 2004, стр. 152, 156)

(стагнации) в экономике страны, о несформированности инновационной культуры, ориентирующей общество на инновации (нововведения)[1].

Во-вторых, ухудшением базы инновационного развития, прежде всего российской науки, особенно в период 1992–1996 гг. и кризисном – 1998 году. Как уже отмечалось ранее, сейчас положение в значительной степени стабилизировалось.

Как видно из *таблицы 2*, доля затрат на науку в соотношении к ВВП в России по сравнению с развитыми странами в рыночных условиях не столь мала, как кажется на первый взгляд. Действительно, доля России (0,61% – 2002 год, 0,71% – 2003 г. и 0,67% – 2004 г.) сопоставима с Великобританией и Италией – 0,69%, Японией и Норвегией – 0,72%, превышает Канаду – 0,54% и высокотехнологичную Ирландию – 0,33%. Проблема в другом – в недостаточной востребованности результатов научных разработок и соответственно в относительно низком уровне доходов за счет внебюджетных источников, что видно из *таблицы 3.*

Таблица 2

Ассигнования на исследования и разработки в России и странах ОЭСР из средств государственного бюджета в 2002 г.[2]

Страны	Всего млн. д. США	Из них обор. исследов. и разраб. в проц.	В проц. к ВВП	Страны	Всего млн. д. США	Из них обор. исследов. и разраб. в проц.	В проц. к ВВП
Россия	7010,8	44,7	0,61	Мексика	2127,6	0,0	0,23
Австралия	3344,9	7,7	0,60	Нидерланды	3695,8	1,9	0,79
Австрия	1388,2	0,0	0,59	Н.Зеландия	384,8	0,7	0,52
Бельгия	1677,1	0,2	0,59	Норвегия	1240,9	4,2	0,72
Великобритания	10613,0	30,3	0,69	Польша	1603,2	...	0,42
Германия	17849,1	5,3	0,81	Словакия	224,3	7,0	0,33
Греция	520,4	0,9	0,28	Турция	...	...	...
Дания	1079,7	0,6	0,67	Финляндия	1405,5	2,9	1,0
Ирландия	382,0	0,0	0,33	Франция	15861,9	23,2	0,99
Исландия	96,0	0,0	1,15	Чехия	...	...	...
Испания	5965,2	37,3	0,69	Швейцария	1416,6	0,7	0,67
Италия	10524,1	4,0	0,69	Швеция	2060,1	22,2	0,87
Канада	4644,2	4,8	0,54	Япония	24132,5	4,1	0,72
Корея	7054,7	15,3	0,87	США	98028,5	54,4	0,95

Показатель «внутренние затраты на исследования и разработки», аккумулируя все затраты, включая государственные ассигнования, инвестиции в науку со стороны частного сектора и собственные вложения научных организаций, в определенной степени характеризует

[1] При этом следует отличать новшества вообще, как новые разработки в науке, технике технологии от нововведений – реализованных новшеств. Первое – исходный пункт, второе – завершение инновационного процесса

[2] Данные по России включают ассигнования на науку из средств федерального бюджета (в оценке ЦИСН). Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2003), Main Science and Technology Indicators, № 1, Paris. Информация по Новой Зеландии приведена за 1999 г.; по Канаде, Швейцарии – за 2000 г.; по Бельгии, Великобритании, Исландии, Испании, Италии, Мексике, Нидерландам, Польше, Франции – за 2001 г.

Таблица 3

Внутренние затраты на исследования и разработки в России и странах ОЭСР: 2002[1]

Страны	Всего, млн. долл. США	В процентах к валовому внутреннему продукту	В расчете на душу населения долл. США	Страны	Всего, млн. долл. США	В процентах к валовому внутреннему продукту	В расчете на душу населения долл. США
Россия	14241,0	1,24	98,1	Мексика	3505,0	0,43	35,9
Австралия	7743,3	1,53	401,8	Нидерланды	8440,2	1,94	530,1
Австрия	4563,3	1,94	560,3	Н. Зеландия	760,7	1,03	199,6
Бельгия	4944,7	1,96	483,7	Норвегия	2663,1	1,62	590,1
Великобритания	29369,2	1,90	499,6	Польша	2584,4	0,67	66,9
Германия	54927,5	2,50	665,9	Словакия	423,2	0,65	78,7
Греция	1123,0	0,67	103,2	Турция	2685,3	0,64	39,8
Дания	3204,1	2,19	602,2	Финляндия	4676,8	3,40	901,5
Ирландия	1351,6	1,17	350,8	Франция	35107,0	2,20	576,4
Исландия	253,9	3,04	889,5	Чехия	2024,9	1,30	197,3
Испания	8231,6	0,96	204,4	Швейцария	5600,8	2,63	779,6
Италия	15482,8	1,07	268,0	Швеция	9894,0	4,27	1112
Канада	17357,6	1,85	560,1	Япония	103775,1	3,09	815,8
Корея	22257,5	2,96	470,1	США	292170,3	2,82	991,1

способность научных организаций привлекать дополнительные средства, то есть по сути эффективность самой науки. Можно отметить, что даже сейчас, после почти полутора десятилетия адаптации к рыночным отношениям доля «собственных заработков» во внутренних расходах российской науки составляет примерно половину, притом, что на Западе эта доля достигает двух третей и больше. При этом, как видно из таблиц № 2 и № 3, наиболее эффективно наука функционирует в Швеции (внутренние затраты превышают бюджетные ассигнования почти в пять раз), Японии (соответственно в четыре раза), Финляндии и Германии (более чем в три раза). В то же время в США это соотношение составляет 2,82 раза, а, например, во Франции – всего 2,2 раза, что незначительно превышает российский показатель – 2,03. Дело тут, видимо, в структуре науки, в соотношении ее фундаментальной и прикладной части. В Швеции и Финляндии и до недавнего времени в Японии научные исследования были ориентированы в основном на конкретный результат, носят в основном прикладной и инновационный характер, между тем, как во Франции и России они традиционно сориентированы в фундаментальном направлении и сразу их не развернешь в сторону практики.

Третьей причиной падения научно-технического потенциала и одновременно базы для интеллектуального бизнеса являются существенные потери в структуре прикладной науки, причем как в научной, так и в конструкторско-технологической части за счет неоптимального

[1] Данные по России представлены в оценке ЦИСН. Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2003), Main Science and Technology Indicators, № 1, Paris. Информация по Бельгии, Греции, Дании, Мексике, Новой Зеландии приведена за 1999 г.; по Австралии, Италии, Нидерландам, Турции, Швейцарии – за 2000 г.; по Великобритании, Венгрии, Ирландии, Испании, Корее, Норвегии, Польше, Словакии, Финляндии, Франции, Чехии, Швеции, Японии – за 2001 г., по паритету покупательной способности валют

распределения скудных бюджетных средств, которые особенно в период 1992–1998 гг. на 70–80% шли в фундаментальную науку. Несмотря на стабилизацию экономического положения страны и рост ассигнований на науку, по оценочным данным, в структуре бюджета 2003 года доля фундаментальной науки составляла около пятидесяти процентов[1]. В США в 2000 году доля фундаментальной науки составляла примерно 22% от общих бюджетных ассигнований на науку, 21% составляла прикладная наука и 57% средств шло на прикладные разработки и инновации[2].

Применительно к российским условиям, речь естественно, не может идти об уменьшении финансирования фундаментальной науки, а, во-первых об увеличении общих объемов финансирования и осуществлении подвижек за счет этого в сторону прикладной науки и ОКР, и, во-вторых, о создании условий для привлечения частного капитала, ведь объем консолидированного бюджета менее тридцати процентов от уровня ВВП. При этом ситуация с конструкторскими бюро и проектными институтами просто катастрофична. С 1990 по 2003 год число конструкторских бюро сократилось в 3,6 раза и составляет сейчас 257 единиц, проектных институтов– в 7,8 раза и насчитывает всего 76 институтов на всю Россию. Спрашивается, как в этих условиях переходить от научных разработок к изготовлению конкретных продуктов. В тоже время. за этот же период число институтов РАН, при всех проблемах с финансированием, увеличилось с 297 до 463.

Четвертая причина связана с неблагоприятным экономическим климатом в стране, характеризующимся фактическим отсутствием стимулов для использования научных разработок и развития инновационного бизнеса в виде системы общепринятых в развитых и многих развивающихся странах налоговых льгот (списания затрат, налоговых вычетов и налоговых каникул, переноса налогообложения на более поздние периоды, ускоренной амортизации) долгосрочных льготных кредитов, помощи в виде участия в капитале, посредством предоставления государственных гарантий и поручительств, развития инфраструктуры инновационного предпринимательства и т. д.[3]

Принятый новый Налоговый кодекс под предлогом создания равных условий и прозрачности для всех: от ремесленника до олигарха, чего нет нигде в цивилизованном мире, фактически ухудшил положение малого инновационного предпринимательства[4].

Пятая причина может быть сформулирована в виде отсутствия устойчивого внутреннего спроса на нововведения и распадается на две составляющих.

Первая – крайне низкий, консервативный внутренний потребительский спрос, обусловленный бедностью до трети населения, что предопределяет узкий ассортимент пользующейся спросом продукции в виде традиционного набора

[1] В данных, приводимых ЦИСН в отличие от американской и западно-европейской статистики, отсутствует разделение ассигнований на фундаментальную, прикладную науку и инновации. Приводятся лишь данные об ассигнованиях на государственные академии наук в процентах от ассигнований из федерального бюджета, которые составляли в 2003 года 49,5%. В то же время и в государственных академиях часть исследований носит прикладной и инновационный характер, между тем, как в ряде ведомств, например в Росатоме, выполняется много исследований фундаментального характера. В принципе введение подобной классификации в российской статистике вполне реально, как и соответствующее отнесение институтов по доле соответствующих исследований

[2] Рассчитано на основе данных, приведенных в монографии В. Федоровича, А. Патрона, В. Заварухина «США: Федеральная контрактная система и экономика» М., Наука, 2002, стр. 766–778

[3] В качестве образца для стимулирования промышленного освоения принципиально новых технологий следует признать федеральный закон США 1984 г. «О кооперационных (совместных) научных исследованиях и разработках и картельных объединениях при осуществлении федеральных программ НИОКР» и поправки к нему от 1994 г., который фактически отменил антитрестовское законодательство для принципиально новых научных разработок сроком до 15 лет, ставшее к началу восьмидесятых годов существенным тормозом для конкурентных возможностей американских корпораций на мировом рынке технологий

[4] Несмотря на пересмотр единого социального налога в сторону его уменьшения в 2005 году до 26%, он все еще является тяжлой нагрузкой для предприятий, где доля живого труда составляет в затратах более 80% (для сравнения: у нефтяных компаний эта величина составляет 15–20%). Поэтому появившиеся проекты его снижения до 14% для инновационных предприятий следует всячески приветствовать. В снижении нуждается и наиболее жесткий налог – на добавленную стоимость, возможное выпадение налоговых средств может быть покрыто за счет использования части средств Стабфонда правительства

продовольственных и непродовольственных товаров. Таким образом, существенное повышение уровня и качества жизни основной массы населения есть условие развития внутреннего рынка и его инновационной компоненты.

Вторая заключается в том, что в отсутствие государственной поддержки современная российская промышленность слабо адаптирована к научно-техническим достижениям. Очевидно, что возобновление инновационного процесса в России будет происходить по мере подъема экономики, прежде всего промышленности. Однако сегодня задача заключается не в том, чтобы дать возможность этому процессу следовать за экономическим, прежде всего промышленным ростом, иначе можно окончательно потерять собственную науку, а в том, чтобы с помощью активной государственной политики превратить инновации в один из основных факторов роста российской экономики, обеспечить ее переход на инновационный путь развития.

Шестая причина — институциональные пробелы, связанные прежде всего с отсутствием четкого законодательного определения оборота интеллектуальной собственности и соответственно распределением исключительных прав на ее объекты. Исходя из зарубежной практики, прежде всего опыта США, право распоряжения результатами научных разработок, осуществленных за счет средств государственного бюджета, предоставляется их разработчикам на паритетных основаниях с промышленными корпорациями, трансформирующими результаты НИОКР в инновационные технологии и продукты[1].

Следующая седьмая причина, имеющая общеэкономический характер, — слабое развитие банковской системы и высокая ставка рефинансирования, не дающая возможности воспользоваться банковскими кредитами на общем основании. Эта же причина определяет фактическое отсутствие реальных венчурных фондов, без которых развитие инновационного бизнеса невозможно.

Восьмая причина — слабая адаптированность российской науки, прежде всего фундаментальной и научно-технического комплекса в целом, к рыночным условиям. В свою очередь эта причина распадается на ряд составляющих:

— продолжение традиций советской, прежде всего академической науки в виде ориентации деятельности исключительно на приращение научных знаний[2];

— недостаточное внимание к последствиям своих разработок и реальному маркетингу рынка;

— отсутствие у большинства институтов фундаментальной науки в различной степени, связанных с ними бизнес-структур, доводящих до прикладного вида и реализующих их научные достижения[3];

— необходимость наличия специально подготовленных менеджеров, умеющих работать как с наукой, так и с промышленностью.

Последний пункт — серьезная не только практическая, но и общеметодологическая проблема. Вопрос состоит в том, кто должен возглавлять научный, в частности, академический институт в рыночных условиях: выдающийся ученый, крупный менеджер или организатор науки. Для руководства РАН — это очевидно, конечно, ученый и желательно академик. А если его утвердили в должности директора, не будучи академиком, то будьте уверены, если не академиком, то членом-корреспондентом уж обязательно изберут[4]. Между тем, кто является президентом ведущих американских университетов — общепризнанные общественные деятели, политики, бывшие военные и т. д., то есть люди, под которых дадут деньги и кто разбирается в финансовых вопросах. Крупные и

[1] На необходимость передачи прав распоряжения интеллектуальной собственностью, созданной в результате осуществления разработок за счет средств федерального бюджета, неоднократно высказывалось руководство Министерства образования и науки РФ. Это позволило бы запустить процесс трансферта технологий. Дело за подготовкой соответствующего закона

[2] Законодательством США вменено в обязанности государственным лабораториям и университетам, выполняющим федеральные контракты, заниматься трансфертом технологий

[3] Там, где эти проблемы решены, институты прекрасно развиваются, например Институты катализа и ядерной физики им. Будкера СО РАН, ИЯЭ им. Курчатова и т. д.

[4] В этой связи вспоминается высказывание великого ученого, Нобелевского лауреата академика В. Л. Гинзбурга о том, что избрание членом академии должно осуществляться исключительно за научные заслуги, а не в зависимости от занимаемой должности

крупнейшие ученые концентрируются на уровнях деканов факультетов, заведующих кафедрами и т. д. Это очевидно и для крупных научных корпораций, так называемых федеральных центров науки и высоких технологий.

Спецификой российской науки, как уже отмечалось ранее, является определяющая роль Российской академии наук или, как акцентируется ее руководителями, фундаментальной науки. В то же время если исходить из общепринятого понимания фундаментальной науки как свободного поиска, направленного на приращение научных знаний в области закономерностей развития природы и общества без постановки конкретных результатов, то из этого перечня выпадает подавляющая часть академических институтов социально-экономического и гуманитарного профиля, для которых вполне приемлемым является интеграция с ведущими вузами страны, что позволит усилить, во-первых, научные исследования в сфере высшего образования, во-вторых, апробировать их результаты в учебном процессе, что положительно скажется на подготовке высококвалифицированных кадров. Особенно это необходимо для создания комплекса исследовательских университетов, готовящих будущих ученых. Реформирование науки и создание условий для развития инноваций, интеллектуального (наукоемкого, инновационного) бизнеса напрямую определяет решение проблемы повышения конкурентоспособности российской экономики, а следовательно, возможности ее выживания в конкурентной борьбе на отечественном и мировом рынке, особенно в связи со вступлением в ВТО. Следует также подчеркнуть, что времени на раскачку у нас практически нет – максимум до 2010 года[1]. Иначе будет полностью законсервирован сырьевой (доиндустриальный) характер российской экономики, потеряны научно-технический и оборонный потенциал, значительная часть обрабатывающей промышленности.

Надо отметить, что проблема управления и управленцев является сейчас ключевой не только в сфере науки и инноваций, о чем, в частности, свидетельствуют исследования Института стратегических инноваций[2], но и для всей российской экономики и общества.

Известный исторический факт, что Россия, располагая целой плеядой великих писателей, мыслителей, ученых и государственных деятелей, всегда спотыкалась в части организации исполнения, в рутинной кропотливой, повседневной работе. Зачастую приходилось приглашать или учиться у «варягов». Достаточно вспомнить, массовые приглашения немецких и английских управленцев при царском режиме. Знаменитое ленинское, что мы должны научиться Россией управлять. Сталинское выражение о соединении русского размаха с американской деловитостью. Причем проблемы менеджмента, особенно финансового весьма остры во всех областях российской жизни от экономики до спорта, о чем свидетельствует последняя Олимпиада.

Менеджерская или управленческая революция в широком смысле касается всех уровней управления: государственного, местного, управления предприятиями и организациями. Без ее осуществления невозможно осуществление так называемых мер антикоррупционного характера, повышение качества управления, прорыв в области экономики и инноваций. Эта революция обеспечивает подобающее место высокотехнологичного научного прорывного малого и среднего предпринимательства в обществе и экономике. Она несет в себе основной заряд инновационного прорыва. Это столь необходимый России прорыв в общество знаний, новых технологий и коммуникаций. В этой связи потребуется постепенная смена управленцев на всех уровнях, привлечение талантливой, образованной молодежи при использовании ценного опыта и знаний более старших поколений, в рамках широко используемого на Западе Института вы-

---

[1] На пять-семь лет может быть установлен протекционистский переходный период в связи со вступлением в ВТО

[2] При опросе руководителей промышленных предприятий и научно-технических организаций России, Украины и Беларуси было установлено, что главной причиной, тормозящей инновационную активность, является неумение ставить и решать инновационные задачи. Так ответили 59% опрашиваемых в Беларуси, 52,9% – в России и 63,4% – на Украине

сокооплачиваемых советников-консультантов[1]. В то же время осуществление менеджерской революции невозможно без смены парадигмы в среднем, высшем и послевузовском образовании. Болонское соглашение – весьма существенный шаг в нужном направлении. Необходимо в этой связи выстроить современную систему, базирующуюся на знаниях и передовых технологиях непрырывного повышения квалификации производственного, инженерно-технического персонала и менеджмента в корпорациях и других бизнес-структурах. Идет неизбежная смена лидеров в ведущих мировых, в том числе научно-технических и инновационных компаниях. И миссию своего лидерства они подтверждают исключительным вниманием к освоению принципиально новой проблематики менеджмента и новых технологий обучения и прежде всего информационно-компьютерных, масс-медийных. В новых направлениях менеджмента: менеджменте компетентности, конкурентоспособности, лидерстве, инновационных стратегиях компании на глобальных рынках. Проблема формирования лидеров и лидерских команд является общемировой проблемой в XXI веке, в том числе в наиболее передовых странах. В этой связи стоит задача: целенаправленно искать и находить, обучать и генерировать новых молодых лидеров в политике, государственном управлении, бизнесе. И взамен гениев-одиночек на всех этажах власти и предпринимательства формировать агрессивные команды лидеров-универсалов. Глобальное лидерство – при всех невероятных трудностях современного развития и в России, и в мире становится самой захватывающей коалиционной командной игрой в конкуренцию и конкурентоспособность.

Несколько слов по поводу структурных приоритетов российской экономики. В последнее время в среде экономистов ведутся многочисленные дискуссии по поводу топливно-сырьевого характера российской экономики, недостаточного уровня развития обрабатывающих отраслей, их продолжающейся деградацией и т. д. Безусловно, российская экономика, и в первую очередь промышленность, нуждается в коренной модернизации, но в модернизации на принципиально новой основе, базирующейся на новой экономике, используя накопленные ресурсы в ТЭКе. Речь идет о переходе к новой экономике на базе прорывных технологий, но ни как не к возврату к старому базису, к поддержке отсталых принципиально неконкурентоспособных отраслей типа легкой, автомобильной и т. д. При этом структурную перестройку не надо сводить к новой «антиалкогольной кампании», игнорируя конкурентные преимущества России в области природных ресурсов, помня, что в стране сосредоточено 13% разведанных мировых запасов нефти, 36% – газа, 12% – угля, 23% – древесины.

Следует подчеркнуть, что стратегия инновационного прорыва может базироваться не только на использовании имеющихся технологических достижений в наукоемких отраслях, каковыми для России традиционно являются ракетно-космическая, оборонная, авиационная, атомная и т. д., но и на применении нетрадиционных подходов, на основе поиска рыночных ниш. В частности, для России одним из важнейших направлений в этой области является развитие экологически чистых технологий в производстве сельскохозяйственной продукции и ее переработки, получения экологически чистых продуктов с высокой добавленной стоимостью. По оценкам специалистов, Россия способна обеспечить до четверти мирового рынка экологически чистых продуктов. Речь идет о величине порядка семидесяти пяти миллиардов долларов, что составляет почти три четверти российского бюджета. Тем самым Россия нашла бы свое место в глобализированном мире не только в виде поставщика сырья, но и высокоэффективной и самое главное – возобновляемой продукции. Безусловно, для этого потребуются очень серьезная государственная поддержка, создание стимулов для подключение крупных частных, в том числе иностранных инвестиций.

[1] В то же время я полагаю, что чисто возрастной критерий не может ставиться во главу угла, он обязательно должен быть сопряжен с хорошим образованием и необходимым опытом работы. В этой связи вспоминается наш великий хоккейный тренер Аркадий Чернышев, который при прочих равных условиях предпочитал ставить ветерана, а не молодого игрока, говоря, что более опытный игрок во всяком случае не даст «петуха», то есть более надежен

Примером смены парадигмы развития и перехода к новой экономике, хорошо встроившейся в глобализируемый мир, является наш сосед – маленькая Финляндия, пережившая в начале девяностых годов глубокий кризис в связи с распадом СССР и потерей устойчивого рынка сбыта и дешевых энергоносителей. Правда, готовился этот переход заранее примерно 15–20 лет назад.

В результате произошла глубокая трансформация финской экономики от лесоперерабатывающей к новой экономике на базе IT-технологий и экономики знаний. Финансовые ресурсы страны после кризиса начала 90-х годов стали концентрироваться на науке и высоких технологиях, наукоемкость ВВП достигла 3%, более 50% финского экспорта составляют новые товары и технологии. Крупнейшая финская корпорация «Нокиа» стала одной из ведущих компаний мира. При этом каждый четвертый работник концерна «Нокиа» занят в сфере исследований и разработок. Приоритетной поддержкой в Финляндии пользуются малые и средние предприятия, занятые в производстве наукоемких товаров, прежде всего так называемого нового экспорта. Механизмы такой поддержки давно известны в мировой практике и включают: государственные гарантии, льготное кредитование, венчурное финансирование, ускоренное создание инновационной инфраструктуры на базе превращения малых городов и деревень в бизнес-инкубаторы. В мировом рейтинге конкурентоспособности стран мира Финляндия сейчас занимает первые-вторые места по основным показателям (для сравнения: Россия – в конце пятого десятка). По числу исследователей (на 10 000 занятых в экономике – 164 человека) Финляндия прочно держит первое место в мире, далеко опережая США – 86, Японию – 99, Швецию – 106, Россию –75, Германию – 68 и Великобританию – 55[1].

С целью создания условий для инновационного прорыва необходимо:

– обеспечить реформирование российской науки путем создания мощного и конкурентоспособного ядра фундаментальной и прикладной науки, современной инновационной среды в оптимальных организационных формах, на базе концентрации ресурсов на приоритетных направлениях и критических технологиях согласно утвержденным президентом Российской Федерации 30 марта 2002 г. «Основам политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу»;

– стимулировать привлечение молодежи в науку и обеспечить достойное существование старших поколений ученых путем формирования корпоративных пенсионных фондов при РАН, Росатоме, Росавиакосмосе, финансируемых из смешанных источников;

– выработать четкое и непротиворечивое законодательство по интеллектуальной собственности, регулирующее взаимоотношения в области распределения исключительных прав между государством и участниками процесса создания и трансферта технологий, стимулирующее нововведения в экономике;

– коренным образом изменить механизмы формирования затрат и налогообложение интеллектуального бизнеса аналогично принятому в развитых странах, которые создают оптимальные условия для развития и процветания этого бизнеса и тем самым стимулируют повышение конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке;

– одновременно внести в налоговое законодательство радикальные модификации, стимулирующие обновление ассортимента и применение новых технологий промышленными предприятиями. Следует отметить, что новый Налоговый кодекс имеет в этой области определенные подвижки по данному вопросу по сравнению с прежним законодательством, поскольку позволяет относить расходы на НИОКР на себестоимость продукции, правда, при существенных ограничениях, связанных с равномерным списанием затрат в течение ограниченного срока в три года и немедленным последующим внедрением разработки с первого числа месяца, следующего за подписанием акта о завершении работ (по сути речь идет об ОКР). В случае, если разработки, «осуществленные в целях создания новых или совершенствования применяемых технологий, не дали положительного результата», то списание производится

---

[1] Наука России в цифрах: 2004. Стат. сб. М., ЦИСН, 2004, стр. 186

в размере 70%. Для сравнения: законодательство США позволяет корпорациям автоматически списывать две трети затрат на НИОКР, выполняемых так называемым бесприбыльными корпорациями (университетами, институтами, федеральными контрактными центрами), при этом федеральные контракты на создание новейшей технологии вообще подлежат исключению из федерального налогообложения на прибыль корпораций[1];

– для стимулирования развития экспорта высокотехнологичных отраслей и продуктов и поощрения трансформации новшеств в инновации путем предоставления государственных гарантий и льготного кредитования под конкретные бизнес-проекты сформировать специальный фонд из средств бюджетов всех уровней и частных инвестиций[2];

– разработать учебные программы, согласованные с Министерством образования и науки Российской Федерации, и начать подготовку менеджеров для сферы науки и инноваций на базе, например, РЭА им. Г. В. Плеханова, АНХ при правительстве России, ГУУ в рамках магистратуры и второго высшего образования (профессиональной переподготовки);

– стимулировать и формировать в обществе инновационную культуру на основе системы непрерывного инновационного образования и поощрения инновационной деятельности;

– изменить взаимоотношения государства и интеллектуального бизнеса, государство должно во все большей степени быть заказчиком и потребителем продукции интеллектуального бизнеса, причем не только оборонной, но и во все большей степени – гражданской продукции[3].

Общепринятым механизмом такого взаимодействия в цивилизованных странах является федеральная контрактная система. Одновременно необходимо разработать и апробировать механизмы коммерческой реализации (диффузии) товаров, услуг и НИОКР, создаваемых за деньги казны. В качестве примера такого механизма, апробированного на Западе, можно привести разработанные еще в 70–80-е годы прошлого века по заказу Пентагона и Министерства жилищного строительства и городского развития экономичные солнечные батареи, которые установлены в тысячах домов США;

– государству также следует обеспечить функционирование механизмов, способствующих развитию инфраструктуры интеллектуального бизнеса, прежде всего единой общероссийской системы информации для малого бизнеса, созданию широко разветвленной среды бизнес-инкубаторов, развитию эффективной системы финансовой поддержки в виде государственных, квазигосударственных и частных фондов, апробированных финансовых технологий в виде гарантирования, микрокредитования, венчурного проектного финансирования, финансового лизинга франчайзинга и т. д.

В целом можно сделать вывод о необходимости формирования стратегии инновационного прорыва и соответствующей государственной программы, способствующей не только достижению темпов развития, определенных в Послании президента Федеральному собранию и адекватному росту уровня и качества жизни населения, но и рывку России в постиндустриальное общество.

---

[1] Federal Acquisition Regulation Taxes//Code of Federal Regulations. P. 517–523. Wash. 2001

[2] Есть проекты использования для этих целей части средств Стабфонда правительства

[3] Более 50% затрат на НИОКР в системе Пентагона составляют гражданские исследования

**Журнал «Власть», Санкт-Петербургский институт перспективной политики (http://www.spbipp.ru) и Фонд информационных технологий (http://www.fitspb.ru) представляют новый совместный проект «Лица власти».
Проект предполагает ежемесячный анализ процессов, протекающих как в российском обществе, так и в верхних эшелонах власти, на основе исследования, охватывающего более 450 основных федеральных и региональных периодических изданий страны (имеющих электронные версии).**

Евгения ЦВЕТКОВА, Николай КОРОЛЬКОВ, Сергей ФРОЛОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ СТРАДАЕТ СИНДРОМОМ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДЕФИЦИТА

Российские СМИ принято упрекать в тенденциозности. На это есть веские основания. Однако их тенденциозность неодинакова, что дает возможность наблюдателю приближаться к истине путем сопоставления информации из разных источников. Если же, применяя системный подход, охватить всю прессу, то можно не только оценить достоверность того, о чем говорят СМИ, но и понять то, о чем они молчат. Задача нашего проекта «Лица власти» – базируясь на комплексном изучении российской прессы и, в частности, изменении ее интереса к знаковым фигурам российской политики, выявить основные тенденции политической жизни нашей страны, распознать глубинные процессы, протекающие во властных структурах и главное – прояснить ответ на вопрос: куда же в действительности идет Россия?

Власть и народ

Уже первый месяц 2005 года обнажил целый ряд дефектов российской политической системы и обнаружил некоторые новые тенденции в общественной жизни нашей страны.

Январь ознаменовался началом реализации новой социальной реформы, в частности, монетизации льгот и как следствие массовыми акциями протеста, прокатившимися по России. В реакции политиков и чиновников на эти события, как никогда, проявилась главная болезнь нашей государственности – синдром политико-идеологического дефицита (СПИД). И прежде всего это обнаруживается в отношении российской власти к народу...

Даже подконтрольные власти СМИ не смогли скрыть того факта, что правящая элита оказалась неготовой к массовым акциям протеста населения, что она растерялась и испугалась социального взрыва. Все это позволяет говорить о том, что власть имеет лишь смутные представления о народе. С подобными представлениями невозможно выработать идеологию понятную и приемлемую для населения страны. А раз нет такой идеологии, то невозможны и системные политические решения, приемлемые для основных социальных групп российского общества. Будучи не в силах предложить обществу системных политических подходов, опирающихся на идеологию, власть выдает за таковые

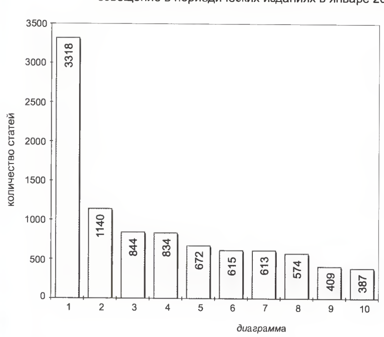
ЦВЕТКОВА Евгения Геннадьевна

КОРОЛЬКОВ Николай Анатольевич

ФРОЛОВ Сергей Николаевич

Санкт-Петербургский институт перспективной политики

Первая десятка политических лидеров, чья жизнь и деятельность получили наибольшее освещение в периодических изданиях в январе 2005 года

* Индекс освещения политика показывает количество статей, где упоминается данная персона. Исследование охватывает более 450 основных периодических изданий страны.

организационно-управленческие, способные решать лишь локальные задачи. Иными словами, политико-идеологический дефицит властных структур препятствует возрождению России.

Первым серьезным предупреждением, показывающим, насколько опасна эта болезнь российской государственности, стали украинские выборы. Однако январские события позволяют с уверенностью говорить о том, что наша власть не извлекла для себя серьезных уроков из украинской «оранжевой революции». Ибо главным поражением России на Украине было сокрушительное идеологическое поражение от Запада, следствием чего и стало политическое поражение. Затратив много усилий на работу с украинской элитой, российская власть в отличие от своих конкурентов абсолютно пренебрегла идеологией, работой с массовым сознанием. В результате украинский народ (по крайней мере наиболее социально-активная его часть, которой оказалось достаточно для победы) предпочел сближение с Европой. Российская же власть с ее покровительственно-снисходительным отношением к массам не нашла даже в своих сторонниках такой горячей поддержки и воли к победе, какую демонстрировали приверженцы оппозиции.

В этой борьбе за Украину проявилось не только непонимание сути и значения идеологии, но и существенная недооценка роли народа в политике, что свойственно нынешней российской власти. И судя по всему, она так и не поняла причин своего поражения на Украине, так как продолжает наступать на те же грабли, но уже в России.

Справедливости ради надо отметить, что президент В. В. Путин неоднократно говорил о необходимости государственной идеологии. Однако дальше слов дело не пошло, и прошедший январь наглядно продемонстрировал почему. Очевидно, что проблема – не только в отсутствии у власти неких идей, способных охватить массы. Главное – само отношение власти к народу.

2 Заказ 5080

Чего стоят одни только заявления высокопоставленных лидеров о том, что народ вышел на улицу потому, что не понимает, какие блага дает ему реформа. Эти политики и чиновники, похоже, даже не осознают, что подобными объяснениями они оскорбляют народ. Любой нормальный человек, услышав такое, посчитает, что власть либо сомневается в его умственных способностях, либо не находит нужным объяснить ему те или иные свои решения, касающиеся его жизненных интересов, а значит, считает его «винтиком» и не собирается учитывать его мнение при принятии таких решений.

Знаменательным является и тот факт, что с началом акций протеста пенсионеров против монетизации льгот власть стала искать неких высокопоставленных организаторов народного недовольства.

Однако анализ прессы показывает, что СМИ, освещая акции протеста и анализируя их причину, основное внимание уделили именно тем, кто несет персональную ответственность за принятие и реализацию закона, предусматривающего замену натуральных льгот на денежные компенсации. В первую десятку лидеров внимания прессы *(см. диаграмму)* вошли: президент; премьер-министр; спикер Государственной думы Борис Грызлов, ответственный как лидер парламентского большинства за принятие закона столь неоднозначно воспринятого обществом; три министра из социального блока правительства; главы двух столиц и министр обороны, чье ведомство остро затронул принятый закон. Особо возрос интерес периодических изданий к Михаилу Зурабову (он впервые за время работы в правительстве вошел в первую тройку) и Алексею Кудрину. Образно говоря, страна, а с ней и январская пресса вопрошала: «Где деньги за отмененные льготы?!».

Напротив, практически всем лидерам оппозиции пресса в январе уделяла значительно меньшее внимание, чем в предыдущие месяцы. Тем самым СМИ подтвердили, сколь незначительно было влияние оппозиционеров на происходящие в стране события.

Кроме того, исторический опыт показывает, что никакие силы не способны организовать выступление народа, если у этого народа нет реального повода для недовольства действующей властью. Поэтому главным виновником массовых акций протеста всегда является действующая власть.

Более того, большинство революций начиналось с выступлений самого народа, а политические силы лишь подхватывали и направляли их (если могли) или эти выступления возглавляли новые лидеры, выдвинутые массами из своей среды. Иными словами, народ является самостоятельной политической силой. А вот этого российские политики (причем как находящиеся у власти, так и оппозиционные), видимо, не понимают. Они привыкли решать все вопросы в своем узком кругу, а к народу относятся как к разменной монете в своих политических играх.

Похоже, представителям российской власти даже в голову не приходит, что обиженный и обделенный народ может выйти на улицы сам, без директив свыше, и уже в массах могут найтись лидеры, организаторы толпы, что по сути уже является самоорганизацией народа. Опыт многих революций давно показал, что в момент, когда чаша народного недовольства оказывается переполненной, уже не лидер управляет толпой, а разъяренные массы начинают диктовать лидерам свою волю и подталкивать их к тем или иным действиям (такой момент можно было наблюдать и во время «оранжевой революции» на Украине).

Российские же политики и чиновники, не понимая этого, сами подогревали раздражение обиженных людей. Публично комментируя январские события, власть не стеснялась демонстрировать свое снисходительное отношение к народу, чей удел – верить власти, подчиняться элите. Неаккуратные публичные высказывания представителей элиты обнаруживали ее пренебрежение к массам. И это очень опасно, так как провоцирует отношение народа к власти по принципу «свой–чужой», когда народ перестает воспринимать даже самые разумные аргументы правителей, которых идентифицирует как «чужих».

Впрочем, эта тенденция к разделению российского общества на два лагеря – увы – ненова. Вы не задумывались, что имеет в виду российская власть, когда выражает желание опереться на народ? Что она ждет от народа? Понимания и одобрения решений власти. Усердия в их исполнении. Терпения и веры в будущие

успехи, которыми увенчаются неизбежные трудности...

Но! Никогда опора на массы для нашей власти не означает опору на интеллектуальный и творческий потенциал этих масс. Правители ждут поддержки своих решений, но им и в голову не приходит всерьез обратиться к народу за советом для выработки и принятия самих этих решений. Потому что политические элиты и народ в России – два мира, две чуждые друг другу цивилизации. И различия в материальном достатке – отнюдь не первое и не главное, что разделяет их.

Откуда это пошло? Может, это древняя традиция еще царской России, когда элита и народ имели разную культуру, говорили на разных языках и порой вообще с трудом понимали друг друга?

Нынешние политические элиты и народ также далеки от взаимопонимания. Более того, они испытывают острую взаимную неприязнь (даже если в этом не признаются), имеют друг о друге весьма нелестное представление и в глубине души не ждут друг от друга ничего хорошего. Это проявляется во всех сферах общественной жизни.

Сразу оговоримся: мы отнюдь не обвиняем власть в злонамеренности по отношению к народу. Напротив, мы уверены, что не все в верхах абсолютно коррумпированы, что есть среди политиков и чиновников люди, у которых душа болит за Россию, которые хотят и стараются работать не только для собственного блага, но и для блага народа (что вопреки мнению обывателей совсем не обязательно противоречит одно другому). Мы не знаем, сколько таких людей среди элиты, но они есть. Их не может не быть даже с точки зрения теории вероятности.

Однако и такие представители власти, действительно желающие облагодетельствовать простых россиян, отнюдь не собираются советоваться с этими россиянами о том, какие политические и иные решения для этого необходимо принять. Элита искренне считает, что вопросы стратегии и тактики развития страны, которые напрямую касаются всех граждан, слишком сложны для «неэлитарных» умов, и забивать государственными проблемами головы простого населения (даже если эти головы с высшим образованием и учеными степенями) бессмысленно, если не сказать вредно.

При существующем отношении к народу власть не может ни предложить ему идеи, способные лечь в основу идеологии, ни возглавить процесс становления гражданского общества и развития демократического государства. А раз нет идеологии, нет и созидательного начала, объединяющего народ на возрождение страны.

Поэтому, несмотря на все призывы к консолидации общества, российская власть, как показали в том числе и январские события, не готова ни исправлять, ни даже осознавать собственные ошибки. Более того, по всей видимости, она не заметила существенной перемены в народных настроениях, произошедших даже в течение января.

Если раньше народ, пусть и обиженный, преимущественно верил если не власти вообще, то по крайней мере президенту и не стремился участвовать в акциях протеста, то теперь многие люди не просто участвуют в пикетах, но получают от этого удовольствие. Удовольствие от того, что власть их боится (а это люди уже поняли), от того, что она идет на уступки, «прогибается под народ» (а наблюдая за украинской революцией, народ России понял, что он – большая сила). И народ входит во вкус. Если он начинал с негодования по поводу отмены бесплатного проезда для пенсионеров, то после урегулирования этой проблемы массы не ушли с улиц, а стали выдвигать новые требования – от увеличения пенсий до отставки правительства, роспуска Думы и проч.

Конечно, у действующей власти достаточно ресурсов, чтобы справиться с этой первой волной, но изменения в отношении народа к власти уже очевидны.

Причем ошибочно приписывать всю заслугу за эти изменения оппозиции. И раньше она выводила людей на митинги и пикеты, но это были сравнительно малочисленные пикеты, как правило, не получающие эмоциональной поддержки большинства населения. Несколько десятков–сотен подавленных, замученных жизнью людей, озлобленных непониманием своих же сограждан – так еще недавно выглядели акции протеста, организованные оппозицией. И вот теперь на улицах городов – массы народа, воодушевленные не только осознанием справедливости своих требований, но и

поддержкой еще больших масс, пусть и не вышедших на пикеты. Едва ли это заслуга оппозиции. Скорее напротив, политические партии торопятся влиться в разгневанную толпу, чтобы окрасить ее цветами своих флагов и по возможности, возглавить, одновременно разворачивая в пробудившихся массах свою агитацию.

Январские акции протеста, прокатившиеся по России, – это первая ласточка больших событий, которые грядут в нашей стране. Какие силы воспользуются этими новыми тенденциями и будет ли это во благо народу и стране – вопрос. Очевидно одно: политической силы, способной возглавить массы и направить их энергию в созидательное русло, в России пока нет. Ни во власти, ни в оппозиции. Январь наглядно продемонстрировал кризис российской партийной системы.

Политические партии

Формирование современной идеологии и выработка на ее основе стратегии развития страны – главная функция политических партий, а точнее, всей партийной системы в целом, так как качество результата – качество политики страны – обеспечивается эффективной постоянной конкуренцией между партией власти и оппозицией. В России, несмотря, казалось бы, на достаточное количество партий, такой конкурентной среды нет, потому что ни одна из партий не имеет современных, востребованных народом идей и, по всей видимости, не собирается их вырабатывать.

Проблемы с идеологией, а точнее, с ее отсутствием у «Единой России» общеизвестны. Но идеологическим дефицитом больна и оппозиция, которая не смогла стать достойным конкурентом власти. Оппозиция, как левая, так и правая, держится за устаревшие и давно отвергнутые большинством россиян догмы и так же, как и власть, будучи неспособной удовлетворить массовое сознание народа, подменила идеологическую работу пиаром и примитивными предвыборными политтехнологиями. Влиться в толпу и встать впереди колонны демонстрантов – это еще не значит стать лидером для народа и тем более возглавить возрождение страны. Для этого нужна новая, современная идеология.

Прошедший январь еще раз продемонстрировал, насколько далеки российские партии как от выполнения своего политического назначения, так и от народа. Сторонники линии правительства так много говорили в этом месяце о том, что акции протеста пенсионеров работают как реклама оппозиции, что наша бледная оппозиция, наверное, и сама поверила в это. Однако, как было показано выше, СМИ представили совершенно иную картину. Из всех оппозиционеров только Дмитрию Рагозину удалось избежать потери интереса СМИ к своей персоне. Пресса оказывала ему даже более пристальное, чем ранее, внимание. Но это внимание было обусловлено не тем, что он был замечен как организатор акций протеста, а голодовкой фракции «Родина».

Эта голодовка не могла остаться незамеченной журналистами – любителями «жареного». Но не надо торопиться называть Рогозина лидером, возглавляющим борьбу народа за свои права. Просто голодовка депутатов Госдумы – представителей власти – стала сенсацией. Однако стоит заметить, что подобная акция депутатов, наверное, произвела бы фурор в сытой Европе, но едва ли способна сильно поразить наш народ, для которого в связи с позорно низким уровнем жизни голодовки стали обыденностью. Таким образом, январский рост интереса СМИ к Д. Рогозину нельзя считать признаком существования реальной, поддержанной народом оппозиции в России.

В целом же пресса показала, что бутафорскую оппозиционность российских партий в январе затмило подлинное народное недовольство, что еще раз подтверждает: эти партии не опираются на массы и существуют отдельно от общества, сами по себе.

Последнее можно отнести и к партии власти. «Единая Россия» также организовывала митинги и пикеты в поддержку монетизации льгот. Однако в целом эта партия еще раз подтвердила, что она является деидеологизированной политической силой, лишенной самостоятельности как в действиях, так и в суждениях. Еще не так давно, на своем последнем съезде «медведи» буквально грозили правительству грядущей критикой со своей стороны. Отдельные представители этой партии негативно оценивали работу ми-

нистров, результатом которой стали январские акции протеста пенсионеров. И в то же время Борис Грызлов продолжал заявлять о поддержке политики правительства всей думской фракцией «Единой России».

Мы уже затронули тему о том, что народ и элиты находятся по разные стороны границы, разделяющей российское общество. Такая же граница разделяет народ и партии (всех политических цветов). Да, они имеют какую-то поддержку среди россиян, но даже общее число сторонников всех политических сил составляет меньшинство от народа России. И уж тем более наши партии не владеют сознанием масс, не являются их лидерами. Эти политические образования в гораздо большей степени озабочены собственными проблемами и охраной собственных устаревших идеологий (у кого они есть), всеми силами препятствуя их развитию, нежели тем, чтобы понять российский народ и перестроиться в соответствии с требованием времени.

Как для возрождения России, так и, в частности, для благополучного выхода из кризиса, разразившегося в январе, нужны новые управленческие решения (взамен старых, доказавших свою несостоятельность), основанные на новой идеологии. Но для того чтобы власть искала и находила такие решения, необходима конкуренция политических и социально-экономических идей. Такую конкуренцию создает гражданское общество и развитая политическая система, открытая борьба мнений и идеологий политических партий, чего в России сейчас не наблюдается.

Эта ситуация опасна еще и тем, что она дезориентирует общество, лишая его понимания того, зачем вообще нужны политические партии, в чем их общественная роль. Так, в современной России из уст политиков, политологов, журналистов часто можно слышать упреки в адрес партий, особенно считающихся оппозиционными, что они рекламируют себя, пользуясь трудностями реформ и прочими поводами. Но пропаганда своих идей, своей позиции по важнейшим вопросам жизни народа, себя самой как команды единомышленников, готовых претворять эти идеи в жизнь, — это и есть общественная функция партии, как, кстати, и организация масс для выражения их недовольства властью, если она своими действиями это недовольство спровоцировала. Поэтому обвинение партий в том, что они выполняют (точнее, пытаются выполнять) свою функцию, могут звучать убедительно только в условиях с одной стороны — массовой политической безграмотности населения, а с другой — полной политико-идеологической убогости современных российских партий.

Таким образом, за все проблемы, проистекающие из политико-идеологического дефицита российской политической системы, ответственна не только партия власти, которая переложила свои прямые обязанности по выработке идеологии и стратегии развития страны на президента и правительство, но и оппозиция, не создавшая для власти эффективную конкуренцию и стимулы к развитию.

Вся российская партийная система на данный момент не способна выполнять свое общественное назначение, а значит, не может и быть опорой исполнительной власти в выработке решений.

Президент

Надежда на личность президента В. В. Путина в условиях общероссийского политико-идеологического дефицита наивна. Один человек, каким бы он ни был, не может выполнить функции всей политической системы. Но этот человек может выполнять роль своеобразной ширмы, прикрывающей проблемы власти своим авторитетом. А президент долгое время пользуется большим авторитетом и народной любовью, и это активно эксплуатируется элитами, чьи интересы отражает власть.

Однако по мере увеличения расхождений между ожиданиями народа и реальностью любой авторитет иссякает и пиар теряет свою силу. Тогда элиты, исчерпавшие высокий рейтинг лидера, ставшего им больше ненужным, находят (или создают) другого любимца, чей авторитет можно было бы использовать (так в свое время В. Путин сменил Б. Ельцина, а еще раньше Б. Ельцин сменил М. Горбачева).

В январе появилась новая тенденция в отношении элит к президенту В. В. Путину. Первым признаком перемен стала реакция СМИ. Если до 2005 года всевозможные публицисты за редким исключе-

нием старались оставить личность В. Путина вне критики (говорили о нем либо хорошо, либо ничего), нападая в основном на Думу, партию власти, правительство, то с началом январских акций протеста нередко стала проскальзывать и открытая критика президента.

Очевидно, элиты (по крайней мере какая-то их часть), чувствуя серьезные перемены в настроениях масс, образно говоря, заменяют игру на повышение рейтинга В. В. Путина игрой на понижение этого рейтинга. Иными словами, элиты начали «сдавать» лидера. Да, этот авторитет еще можно какое-то время поддержать. И в конце января направленная на это PR-кампания была развернута. Но процесс пошел и его уже нельзя остановить, а можно лишь отсрочить. И наиболее дальновидные представители элиты это хорошо понимают. Поэтому если до сих пор авторитет президента служил прикрытием для власти, то теперь, вероятно, найдутся силы, желающие направить именно на личность В. В. Путина то недовольство, которое накапливается в массах.

Естественной целью любого политического анализа является прогноз развития ситуации. В данном случае нас интересует, что ждет страну после январских событий.

Обострение социально-экономического кризиса могло бы стать поводом для принятия новых стратегических решений вплоть до кардинального изменения политического курса страны. Но не в нынешней России, где практически отсутствует эффективная политическая система, партия власти идеологически пуста и аморфна, а оппозиция слаба и не способна ни предложить новых идей, ни заставить правительство их искать.

Единственный реальный стимул к переменам — это чувство самосохранения президента и правительства перед угрозой социального взрыва. Однако маловероятно, что министры, которые до сих пор упорно держались за старые экономические решения, несмотря на настойчивые требования В. Путина выработать более эффективный курс, изменят своим привычкам. Отдельные меры, смягчающие социальную политику, и некоторые уступки со стороны экономического блока правительства (например, возможное направление части Стабилизационного фонда на социально-экономические программы) Россию, вероятно, ожидают. Но это лишь средства временного успокоения разбушевавшейся стихии, а не целенаправленная стратегия существенного увеличения темпов социально-экономического развития страны, искореняющая сами причины социальных взрывов, подобных январскому.

Не слишком радужные перспективы сулит и то, что власть панически боится повторения украинских событий в России. Страх заставит ее искать способы защитить себя. Но адекватной защиты из-за политико-идеологического дефицита скорее всего найдено не будет. Непонимание глубинных идеологических причин, порождающих социальные взрывы, приведет к тому, что источник угрозы станут искать на поверхности. По-видимому, власть в целях самосохранения будет стремиться подавить оппозицию (которая, по ее мнению, может организовать социальный взрыв), тем самым блокируя (сама того, вероятно, не осознавая) возможность выхода России из системного политико-идеологического кризиса. Но подавление оппозиции не ликвидирует угрозу социального взрыва.

В ближайшей перспективе власть скорее всего добьется временного успокоения народа. Огромное внимание будет уделено пиару с целью улучшения имиджа президента и правительства. Однако внутренние противоречия российского общества будут нарастать. В условиях политико-идеологического дефицита власть не способна вылечить социально-экономические болезни страны. Борьба элит за самосохранение в лучшем случае переведет эти болезни из острых форм в хронические.

Такая ситуация опасна тем, что на почве мнимой стабильности, по мере усугубления социальных проблем становятся востребованными народом лидеры и идеологии радикальных, экстремистских направлений, которые в стабильном, благополучном обществе являются маргинальными, неприемлемыми для большинства.

Анализ январской прессы проведен на основе информации, предоставленной Фондом информационных технологий.

Лариса РОМАНЕНКО

ФАЗА СТАБИЛЬНОСТИ ПО-РОССИЙСКИ-3

«Non indignari,
non admirari,
sed intelligere»*

Б. Спиноза

Периоды социальных трансформаций, время от времени случающихся в жизни нашей страны, являются для ученых, анализирующих специфику отечественного социального пространства, настоящей манной небесной. Они хоть и не приносят им материального благосостояния, зато одаривают исследователей редкой возможностью воочию увидеть подлинные механизмы функционирования нашей истории, ее глубинные составляющие, которые в периоды стабильного функционирования социума надежно скрыты от людских глаз многочисленными пластами устоявшейся, застывшей и потерявшей пластичность социальной реальности.

Иными словами, время социальных перемен – это период, когда история непосредственно обращается к социальным субъектам, предоставляя им неоценимую возможность познать как себя, так и общество, в котором они живут. Познать, чтобы обрести мудрость и тем самым получить знания и силу для достойного продвижения вперед по сложной, полной опасностей и ловушек трассе российской истории.

Первым шагом на этом пути, как мы полагаем, должны стать понимание и осознание целого ряда фундаментальных аспектов нашего недавнего социалистического прошлого. Это необходимо сделать сейчас, поскольку они – эти аспекты – все еще (исподволь, незаметно для самих социальных субъектов) продолжают негативным образом структурировать как функционирование различных сфер современного российского общества, так и повседневную деятельность подавляющего большинства населения страны.

Проблема заключается в том, что многие из этих аспектов буквально «бросаются в глаза», но мы их «в упор не видим» и не осознаем, хотя постоянно о них спотыкаемся. А если не видим и не осознаем – значит, не можем ни понять, ни трансформировать эти аспекты в необходимый для дальнейшего развития российского государства социальный, политический, экономический и культурный потенциал. Образно говоря, именно от нас зависит, как мы будем использовать камни, которыми щедро усеяна трасса российской истории: разбивать о них лбы, ломать руки и ноги, превратив их в непреодолимые «камни социального преткновения», или строить из них мосты, бутить дороги и воздвигать города. Возможностям конструктивного использования отечественных «камней социального преткновения» и посвящен предлагаемый материал.

«Кадры решают все!» – в этом афоризме советской эпохи заключена вечная и непреходящая социальная мудрость: успешность любых действий зависит от качества социальных субъектов, их осуществляющих. Словом, если в обществе назрели перемены, у управленцев, руководящих данной социальной системой, появляются две альтернативы: открыться новому и активно осуществлять эти самые перемены, вписавшись в новую реальность, либо со-

РОМАНЕНКО Лариса Михайловна – д. п. н., ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

* «Не негодовать, не удивляться, но понимать» (лат.).

противляться им до последнего. Теоретически альтернатив – две. В реальности, как показывает не только отечественная история, обычно актуализируется только одна – вторая.

Ход истории остановить нельзя. Это объективная закономерность. Она неподвластна контролю людей, как неподвластны нашим желаниям законы гравитации или законы фондового рынка. Хорошо это или плохо, хотим мы этого или не хотим – нас об этом никто не спрашивает. Законы истории (как их не назови – общесистемными закономерностями, принципами высшей космической иерархии, законами Божьими или как-нибудь еще) суровы и непреложны: те социальные системы, которые отказываются идти вперед, погибают.

Чтобы этого не произошло – на смену старшему поколению управленцев приходит новое поколение, которое, получив власть, и выполняет возложенную на него миссию по разрушению данного общественного порядка. Подчеркнем, что это разрушение (как это ни больно и ни обидно для всех нас) осуществляется вовсе не для того, чтобы уничтожить страну, а для того, чтобы перейти на новую ступень развития. Человеческая история – не разрушитель. Она – созидатель. Чем быстрее мы это поймем – тем быстрее начнем двигаться вперед, тем скорее сможем создать на руинах прошлого новую, соответствующую вызовам времени поливариантную и мультиуровневую социальную реальность.

Используя для описания современной российской действительности категориальный аппарат марксизма-ленинизма (в рамках которого мы учили как социальную аксиому утверждение о том, что капитализм сам взращивает своего могильщика – пролетариат), можно выдвинуть идею о том, что советское общество само взрастило собственного могильщика – поколение нынешних реформаторов, приватизаторов и олигархов. И точно так же, как когда-то анализируемые классиками марксизма-ленинизма капиталисты, наш постсоветский социум «обеими руками и ногами» от своего «неудачного дитяти» открещивается и признавать свое родство с ним ни в какую не желает.

Так как эта идея является спорной и требует для своего обоснования доказательств, рассмотрим ее более подробно, опираясь на методологические достижения философии политики, особенно той ее части, которая посвящена анализу специфики функционирования и развития субъектной составляющей исторического процесса.

Кому из нас – нынешних среднестатистических россиян – не знакома ситуация обсуждения жизни своих родственников, соседей или просто знакомых, в процессе которой мы или наши собеседники использует следующие фразы: «Ивановы – такие интеллигентные и трудолюбивые люди, а сын – отъявленный лодырь, бандит и наркоман. И за что им такое наказание?», «Елена Васильевна – милая женщина. После смерти мужа ни на кого из мужчин и не глядит, а дочка стала проституткой. Позорит мать почем зря. И почему жизнь к ней так не справедлива?», «Сергей Петрович – уж на что хороший человек. Никогда ни в чем соседям не откажет, что хочешь попроси. А его внуки – просто хамы. Вежливо скажешь, чтобы музыку сделали потише, на такое нарвешься – страшно сказать! И откуда у такого порядочного человека такие ужасные внуки?»

Ситуация до боли знакомая всем нам, не правда ли? На одном полюсе – «хорошие» родители, дедушки и бабушки, на другом – «плохие» дети и внуки. Белое и черное, добро и зло, позитив и негатив. В масштабах российского социума все это трансформируется в ситуацию, когда на одном полюсе оказывается «хорошее» российское население, а на другом «плохие» российские реформаторы и олигархи. При этом никто почему-то не задумывается о том, откуда они – эти столь заслуженно ненавидимые всеми реформаторы и олигархи взялись. Ведь они – тоже чьи-то дети и внуки. Они так же, как и все другие жители Советского Союза, ходили в советские детские сады и школы, лечились в советских поликлиниках и больницах, оканчивали советские техникумы и вузы, работали в комсомоле, науке и на производстве. Ведь не экспортировали же их всех оптом из Америки или Западной Европы. Их советников – да, но не их же самих. Это – наше личное, «доморощенное социальное счастье» или несчастье, как кому нравится.

Если человек – зеркало своего характера, то его дети и внуки – это зеркало, которое выявляет и выставляет напоказ все

те его качества и свойства, которых он стыдился и которые он постоянно прятал как от самого себя, так и от глаз людских. Это утверждение справедливо и для общества в целом, хотя уровень актуализации, конечно же, значительно масштабнее. Все то, что предыдущие поколения прятали, чего стыдились и боялись, проявляется с беспощадной ясностью в поколениях, которые идут следом. Лицемерие родителей воплощается в детях в открытый цинизм, скрытые далеко в темных уголках души злоба, зависть и ненависть – в криминал и беспредел, морализаторство и фарисейство – в аморальность и распущенность и т. д., и т. п.

Почему мы все так возмущены тем, что происходит сегодня в стране? Ведь они – наши дети – воплотили в жизнь чаяния и мечты своих родителей. Они, а не мы разрушили государство, которого их родители, дедушки и бабушки только боялись; свергли удушающий диктат идеологии марксизма-ленинизма и создали полную идеологическую свободу; наполнили магазины товарами «капиталистического рая», о которых в свое время мы могли только мечтать; уничтожили уравниловку и партийную номенклатуру; ознакомили страну с основами демократии. Список каждый может продолжить сам.

То, что в реальности «капиталистическое счастье», о котором мечтали двести миллионов жителей Советского Союза, оказалось горьким и кровавым на вкус – это не их вина, а наша общая большая беда. Подчеркнем, однако, что указанная специфика актуализации закономерностей отечественной истории вовсе не является «социальной индульгенцией» и ни в коей мере не снимает ответственности с социальных субъектов за конкретные противоправные действия, осуществленные ими в рамках реформирования российского общества.

К началу масштабных социальных преобразований в нашей стране незаметно для общества сформировался новый слой управленцев, характеристики которого отличались от пока еще находящейся у власти коммунистической номенклатуры, как черное отличается от белого. Это был в полном соответствии с гегелевской диалектикой «политический антитезис» правящей элиты того времени. Для появившихся в то время на первых ступенях политической иерархии реформаторов было характерны отсутствие страха, умение и желание брать на себя любую ответственность, приверженность идеям и ценностям западной демократии (включая преклонение перед богатством и частной собственностью), отказ подчиняться каким бы то ни было социальным требованиям и нормам (в том числе требованиям закона и национальных интересов страны), ненависть к любым формам власти и планирования как к органичителям свободы и личной инициативы и др.

Парадокс, однако, заключался в том, что, несмотря на столь, казалось бы, разительные отличия, наши реформаторы все равно оставались плоть от плоти, кровь от крови ненавидимого ими советского государства.

«Человек – это звучит гордо!», «Жизнь – это борьба!», «Бороться и искать, найти и не сдаваться!», «Каждый – сам кузнец своего счастья!» – знакомые фразы, не так ли? Это начало списка генеральных мотивационных установок советского человека, которые были успешно внедрены в сознание нашего народа всей идеологической мощью советского государства. Они прямо или косвенно составляют базовую мировоззренческую матрицу абсолютного большинства российского населения старшего и среднего возраста, причем как олигархов и реформаторов, так и их непримиримых идеологических противников. Разница заключается лишь в дальнейшей политической ориентации.

Можно возмущаться и негодовать, но для того чтобы сконструировать мотивационную структуру современных реформаторов и олигархов, вовсе не нужно читать мудреные научные труды европейских ученых или изучать сложные теории, разработанные в американских университетах. Достаточно взять мотивационную структуру среднестатистического советского человека (обычного «совка»), заменить в ней базовые понятия общественного блага и бескорыстия на эгоизм и личную выгоду и мы получим четкое объяснение поведения своих идеологических противников и не будем больше удивляться, откуда взялись их открытый цинизм, беспринципность и агрессивность.

«Человек – это звучит гордо!» – правильно, поэтому он должен иметь много денег, вещей и драгоценностей. «Жизнь – это борьба!» – абсолютно верно, поэ-

тому для того, чтобы выжить в мире бизнеса, нужно быть сильным, жестоким, коварным и играть на опережение. Одним словом — «Ты умри сегодня, а я завтра». «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» — и это верно, поэтому я никогда и никому не уступлю, не признаю собственных ошибок и никому не позволю навязать мне иные принципы, даже если цена, которую придется заплатить за выбранный мной путь, будет непомерно высокой. «Каждый — сам кузнец своего счастья!» — совершённо логично, поэтому только инициативные люди имеют право на достойную жизнь. Если же человек не может прокормить ни себя, ни свою семью, то он слабак, которому место на помойке, и т. д., и т. п.

Это — словно фотография и ее негатив. То, что на одном — белое, на другом — черное и наоборот. Проблема заключается в том, что в фокусе фотоаппарата — один и тот же объект — российское общество, то есть мы сами.

Использование методологии философии политики позволяет понять и объяснить многие, кажущиеся совершенно нелогичными и непонятными процессы и явления современных российских реформ. Например, объяснить, почему нынешние отечественные олигархи никак не хотят вкладывать деньги в социальную сферу. Они не делают этого даже под угрозой социального взрыва, в результате которого уже не отдельным представителям этого слоя, а абсолютному большинству из них придется в экстренном порядке покидать страну (в лучшем случае). В худшем — расстаться со свободой или самой жизнью.

Все это представляется нелогичным, поскольку соотношение доходов, полученных в результате не слишком больших расходов на социальные выплаты, имеет явно выраженную положительную динамику. И тем не менее ситуация не меняется. Почему? Потому что на подсознательном уровне для олигархов отчисления на социальную сферу связаны прежде всего с вопросом собственного выживания.

Дело заключается в том, что они не хотят и не могут быть слабыми, потому что слабость — это смерть. Посудите сами: если вы живете в жестоком мире современного бизнеса, где царят законы джунглей, где все против всех и каждый за себя, сможете ли вы выжить, если будете связаны с целой группой слабаков? Ведь для человека, мотивационную структуру которого составляют приведенные выше высказывания, люди, которых необходимо содержать, являются слабаками. Они не заслуживают вложения денег, поскольку все равно не выживут, а лишь успешно «утопят» того, кто пытается им помочь. Вы бы стали собственными руками копать себе могилу, даже если бы вас в этом стало убеждать все общество? А если бы время от времени обществу это удавалось, и вы все-таки были вынуждены копать да при этом от вас еще требовали улыбаться и изображать на лице радость и полное понимание, свидетельствовало бы это о вашей силе, авторитете и способности самостоятельно управлять своей жизнью, то есть помогало бы вам выжить в мире бизнеса?

Содержание проводимых ныне реформ также становится понятным, если рассматривать его в парадигме философии политики, интерпретируя как результат деятельности субъектов, опирающихся в осуществлении своей активности на рассмотренную выше мотивационную структуру.

Кто такой хороший министр в рамках данной парадигмы? Тот, у кого много денег. Тот, чье ведомство приносит солидную прибыль, которую можно как положить себе в карман, так и вывести зарубеж (подальше от желающих ее потратить), например, на счета стабилизационного фонда.

Будет ли такой министр развивать тот сектор отечественной экономики, за который ему поручено отвечать. Нет, не будет. Почему? Потому что для этого надо тратить деньги — а деньги тратить нельзя, ведь они являются эквивалентом компетентности и личной силы чиновника. Кто же добровольно согласится быть слабым и некомпетентным?!

В ситуации с ведомствами, которые по определению прибыль приносить не могут, то есть относятся к затратным сферам экономики, ситуация становится еще хуже. Поставьте себя на место министров здравоохранения, науки, культуры. Что вы будете делать в ситуации, когда главным мерилом вашей компетентности является способность вашего ведомства приносить

прибыль? Правильно, продавать все, что можно продать и капитализировать все, что можно капитализировать. И сделать это надо как можно скорее, чтобы тем самым доказать свою компетентность и нужность, а также и себя любимого в материальном плане не забыть.

Услышите ли вы, руководствуясь приведенными выше мотивационными установками, рассуждения о тактике и стратегии развития общества, необходимости всеобщего бесплатного образования и здравоохранения, доступной для всех культуры и спорта, гуманизме и общечеловеческих ценностях и т. п.? Правильно, не услышите, а предпочтете гнуть свою линию, ибо ваша цель – любой ценой добиться успеха, даже если задача, поставленная перед вами, тождественна приказу научить крокодилов летать, а орлов жить под водой. Неважно, каковы будут разрушения и каким огромным аршином придется измерять затем нанесенный ушерб, сколько будет утрачено и уже безвозвратно. Кукурузу ведь в советское время где только не сеяли, да и реки вспять еще совсем недавно едва не повернули. А то, что население протестует, – так его надо начать привлекать к административной, потом к уголовной ответственности, а если не уймутся – то и показательные расстрелы устроить недолго. В оправдание же можно привести до боли знакомую всем россиянам фразу из столь любимого ими же социалистического прошлого: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Свидельствует ли такая поведенческая логика о силе и смелости – давайте разбираться вместе. Для этого отложим в сторону философию политики и войдем в когнитивное пространство социобиологии – теории, на которую так любят ссылаться стороники «свободного рынка» и «шоковой терапии». Рискнем сыграть в чужую «научную игру» на чужом поле и по чужим правилам.

На время данной «научной игры» будем исходить из постулата, что методология социобиологии является безупречной, а выводы, получаемые при ее применении, – логически обоснованными и верифицируемыми для всех обществ, включая и современный отечественный постсоветский социум.

Схематично разделим наше общество на две команды игроков. Одну команду пусть образует большинство российского населения (обычные среднестатистические граждане), сюда же включаются те политики, управленцы и бизнесмены, которые работают на благо всего общества. Другую, гораздо меньшую по объему, но обладающую несравнимо большими организационными, экономическими, информационными и пр. ресурсами, пусть составляют те, кто носит гордые звания реформаторов, олигархов и приватизаторов и не без оснований считает себя «командой победителей».

Правила игры регулируются тремя основными законами: «Человек – это животное», «Жизнь – это борьба», «В схватке побеждает сильнейший».

Согласно процессам биологической эволюции из двух популяций животных наиболее жизнеспособной является популяция, представители которой обладают наилучшим генотипом. Это закон, который столько раз неопровержимо был доказан, что уже давно перешел в разряд аксиом, истинность которых доказательств больше не требует. Для того чтобы сберечь и улучшить имеющийся в популяции генофонд, природа естественным образом с одной стороны – ограничивает репродуктивную функцию особей, обладающих слабым «генным капиталом», а с другой – всячески стимулирует репродуктивную производительность особей с наиболее сильным набором наследственных качеств. Природа просто не может допустить увеличение количества носителей слабых генных характеристик, поскольку это неминуемо приведет к ослаблению всей популяции и ее дальнейшей гибели в схватке с более сильными представителями животного мира за территорию и источники пропитания.

Логично? Логично. Целесообразно? Целесообразно. Тогда закономерно возникает следующий вопрос. Если представители второй команды, активно и успешно играющей на современном российском социальном пространстве, являются наиболее сильными в ресурсном плане, то почему столь широко распространены среди них импотенция, фригидность, аспермия и прочие естественные блокираторы сексульной активности индивида? Подчеркнем – не экономические, идеологические или религиозные блокираторы, которые устанавливает человеку общество, а самые что ни на есть примитивные, «животные», регулирую-

щие количественный состав особей данного типа на уровне простой физиологии организма?

Ведь если исходить из биологической целесообразности, то представители именно этой части нашего населения должны были бы отличаться повышенной репродуктивной способностью вплоть до самой старости как наиболее «продвинутые» животные. В действительности же мы имеем обратную картину. Так на чьей стороне природа? Какая из двух команд нашего общества является наиболее сильной и жизнеспособной в биологическом плане, то есть обладает наиболее солидным «генным капиталом»?

Поскольку природа мудра, а законы, управляющие «миром генов», целесообразны (иначе человечество как биологический вид давно бы вымерло), то должны существовать причины, по которым ситуация сложилась именно таким, а не каким-либо иным образом. Попытаемся их понять. Найти то, что согласно объективным закономерностям (которые не подчиняются ни нашей воле, ни желаниям) перевешивает чашу весов в сторону нищего, необустроенного российского населения, то, что даже в биологическом плане имеет для истории гораздо большую ценность по сравнению с колоссальным ресурсным потенциалом, накопленным наиболее «продвинутой» частью нашего общества.

Как мы полагаем, дело заключается в следующем. Отличительной особенностью окружающего нас мира является уравновешенность всех его частей и процессов. День сменяет ночь, за зимой следует весна, за счастьем – несчастье, за жизнью – смерть. Ни одна из этих противоположностей не является более или менее важной, ни одна из них по определению не может существовать без другой. Их сбалансированное взаимодействие является основой внутренней устойчивости, а следовательно – жизнеспособности любой (биологической, экономической, социальной и пр.) системы.

Особое место в списке этих противоположностей занимает баланс процессов, регулирующих контакты данного системного образования с окружающим его внешним миром. Проще говоря – процессы получения и отдавания. Классический пример – проточный водоем. Если соблюдается баланс между количеством и качеством поступающей в него и вытекающей из него воды, водоем функционирует нормально. Его экологическая структура сильна, стабильна и обладает хорошей степенью адаптивности. Население водоема – представители местной флоры и фауны спокойно сосуществуют между собой в борьбе за жизнь, мирно занимаясь своими важными делами. На общесистемном уровне – все гармонично и уравновешенно.

Для того чтобы вывести данную биологическую систему из равновесия и тем самым поставить ее существование под угрозу, достаточно создать дисбаланс в ее контактах с внешним миром. Например, перекрыть или существенно ограничить вход либо выход. И то, и другое одинаково губительно. В первом случае – остановка или резкое сокращение поступления воды приведет к высыханию водоема. Во втором случае, когда водоем теряет возможность полноценно отдавать накопившуюся воду, он трансформируется в стоящее болото. Следствием любого из этих вариантов является гибель абсолютного большинства представителей местной флоры и фауны, результатом чего является либо гибель, либо деградация данной биологической системы в целом.

Подобные сценарии действуют не только в животном мире. Логика их актуализации (с теми или иными особенностями проявления) прослеживается и при анализе функционирования любых социальных систем, от макро- до микроуровня. Например, в бизнесе – где отдачу можно ожидать, только сначала вложив в дело деньги, силы и время. Обратим внимание на последовательность действий: вначале – отдача, потом – получение. Это единственный известный в мире способ достичь устойчивого и удовлетворительного результата. В этом случае способность к гармоничной координации процессов отдавания и получения результируется для социального субъекта трояким образом.

Во-первых, его бизнес, получивший прочный и устойчивый фундамент, приобретает тем самым реальные возможности для дальнейшего успешного развития. Во-вторых, привлечение других людей становится не обузой, а дополнительным источником силы, поскольку если лидер способен отдавать своему делу свое время, навыки, деньги, то и его

подчиненные тоже начинают действовать в этой же парадигме. Тем самым образуется мощное коллективное образование, обладающее значительным кумулятивным эффектом. В-третьих, в процессе совместной креативной работы все участники процесса приобретают возможность для личностного роста, то есть наряду с совершенствованием профессиональных навыков происходит усиление психической устойчивости человека, которая позволяет ему без труда адаптироваться ко все возрастающим эмоциональным нагрузкам.

Такие бизнесмены – взрослые мужчины, способные брать ответственность, строить, защищать не только себя, но и тех, кто их окружает. Они – творцы, поэтому с репродуктивной функцией у них все в порядке. Природе незачем их у нее отнимать – они делами доказали свою креативную пригодность.

Теперь представим себе ситуацию, когда социальному субъекту удалось, используя служебное положение, бесплатно получить в свое владение какое-либо предприятие. Такое нарушение последовательности процессов отдавания и получения приводит к нарушению баланса между этими составляющими. Для этого социального субъекта оно будет результироваться следующим образом.

Во-первых, предприятие начнет хиреть, поскольку владелец не заинтересован в развитии самого производства. Он хочет только получать, ничего не отдавая взамен. Следовательно, первыми (и часто единственными) в списке его приоритетов являются деньги. Поэтому его задача – не развивать производство, а выжать из предприятия все, что можно. Затем – от него избавиться. Либо – сразу разорить, с тем чтобы конкуренты могли захватить эту нишу на рынке. Была бы цена за банкротство приемлемой. Во-вторых, при таком подходе другие люди начинают расссматриваться как бесполезный, а то и просто вредный элемент производства, на который приходится тратить все те же самые деньги. С его точки зрения, это неправильно, поэтому начинаются массовые увольнения.

Третьим и наиболее интересным моментом является то, что можно назвать личностной платой социального субъекта за «легкие деньги». Это лабильность (неустойчивость, нестойкость) его психической системы. Изматывающая тревожность, неспособность избавится от постоянных беспокойства и подозрительности, резкие скачки настроения, немотивированные агрессивность и обидчивость, патологическая жадность, прогрессирующая бесчувственность, невозможность ни в чем достичь удовлетворения – вот лишь немногие «радости» такого стиля жизни. Самым неприятным является то, что такая «психическая разбалансировка» имеет тенденцию к скачкообразному увеличению и вскоре человек начинает «идти вразнос». Перестает понимать себя, не понимает других, безуспешно пытается снять напряжение, рискуя жизнью (хорошо – если в экстремальных видах спорта), заболевает «синдромом получения» и т. д.

Проблема заключается в том, что подобный стиль жизни не позволяет человеку совершенствоваться как личности, поэтому такие бизнесмены – постаревшие, но не повзрослевшие маленькие мальчики. Имея хорошие профессиональные навыки, они тем не менее не обладают необходимой для их гармоничной (повышающей жизнеспособность данной популяции) реализации психической устойчивостью. Может ли природа, не опасаясь, доверить им репродуктивную функцию, ведь рождение и воспитание детей – процесс сложный, требующий от родителя не только хорошей физической формы, высоких профессиональных навыков (как гарантии экономического выживания семьи), но и серьезной психической устойчивости? Ребенок – это не игрушечный солдатик и не модель гоночной машины, с которыми можно поиграть, бросить в угол или поставить в шкаф на видное место, а потом через неделю оттуда достать, если снова захотелось поиграть. Количество же дорогих игрушек, включая замки, личные самолеты, произведения искусства, высокие посты, членства в самых престижных клубах и т. п. – для природы доказательством зрелости личности не являются.

Какой же из всего этого следует вывод? Как любят говорить герои американских боевиков: есть две новости – хорошая и плохая.

Хорошая новость заключается в том, что у нашей страны, несмотря на сложности и трудности трансформации, имеются неплохие социальные перспекти-

вы, даже если переходный период к стабильной фазе существования затянется и осложнится проведением непродуманных реформ. Генетический потенциал для этого имеется. Чтобы он полноценно реализовался, необходимо прежде всего кардинально улучшить социально-экономическую ситуацию в стране. Для этого от нашего населения требуется не так уж и много — преодолеть политическую пассивность и начать самим отстаивать собственные права и свободы, отбросив пагубную историческую привычку уповать на «доброго батюшку-царя».

Это необходимо сделать всем нам, чтобы реально поддержать тех членов правительства, политиков, губернаторов, бизнесменов и юристов, которые находятся сегодня на передней линии борьбы за спасение России и, рискуя не только своей карьерой и благополучием, но нередко и самой жизнью, делают все возможное (а часто и невозможное), чтобы удержать страну от сползания в хаос или беспросветный мрак тоталитаризма; сохранить отечественный экономический, научный, культурный потенциал; поставить заслон коррупции, криминалу и беспределу. Хотелось бы еще раз напомнить россиянам, что в мировой практике именно активное, социально ответственное поведение большинства населения страны (а не только ее отдельных, наиболее сознательных граждан) и называется демократическим устройством общества.

Плохая новость заключается в том, что в настоящее время Россия, крайне нуждающаяся в специалистах, имеет большой слой топ-менеджеров самого высокого класса, которые обладают огромными финансовыми, информационными, организационными и пр. ресурсами, но, по иронии истории, категорически не способны к креативной, созидательной деятельности. Справедливости ради необходимо сказать, что не для творчества они были созданы, сформированы, а затем приведены к власти глубоко скрытыми в толще социалистической реальности объективными цивилизационными механизмами. Их задачей было не строительство, а маштабные разрушения старой советской социальной системы, с тем чтобы на расчищенной ими российской стройплощадке можно было затем приступить к строительству нового, соответствующего вызовам времени отечественого государства.

Со своей задачей они блестяще справились. Дело сделано, российскую историю вспять к коммунизму уже не повернешь. И теперь для этих людей возникает вопрос — что дальше? Тем более что в зал славы российской истории, специализируясь исключительно на разрушении и развале страны, не попадешь. Сколько их было — разрушителей, сколько еще будет! А помним ли мы их, знаем ли?

В отечественной истории (это социальная аксиома) остаются только те, при ком Россия становилась великой. Кто помнит сегодня горе-генералов, занимавших высшие командные должности в Советской армии в начале Великой Отечественной войны и бездарно сдавших фашистам чуть ли не полстраны? Тех, кто громил генетику и кибернетику, азартно травил поэтов и писателей, чье творчество не вписывалось в официальный соцреализм? Их забывают сразу, часто — при жизни. Слишком много чести таких помнить.

Слава российской истории — это не они, а такие гиганты отечественной истории, как Георгий Жуков, Николай Вавилов, Борис Пастернак. Пройдет совсем немного времени и мы благополучно забудем всех тех, кого сегодня называем реформаторами, приватизаторами и олигархами. Жестоко — да. Несправедливо — возможно. И совершенно разорительно, поскольку таких высококлассных специалистов, способных поднять Россию «с нуля», днем с огнем не сыщешь.

Но у истории свои законы — их не обмануть, не купить, их действия не отменить. На нынешнем этапе развития российского общества разрушители — не в цене. Могут ли столь ненавидимые всеми реформаторы, приватизаторы и олигархи остаться в масштабной отечественной исторической игре, причем отнюдь не на последних ролях? Могут, если сумеют принять и ассимилировать иной — творческий, креативный подход к жизни. Проблема в том, что это — путь не для слабаков.

Сегодня — спрос только на тех, кто может, хочет и способен творить и работать для российской истории. Таков в настоящее время генеральный вектор развития отечественной социальной системы. Синхронизировать ли с ним свою собственную жизнь — каждый имеет право решать сам.

Владимир СИЛКИН

РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Усиление исследовательского интереса к анализу журналистики в пространстве политики наблюдается и в отечественной, и в мировой науке. Есть основания утверждать, что собственно политологический подход к журналистике в России опирается на довольно прочную традицию.
На наш взгляд, при анализе взаимосвязи политологии и журналистики важно раскрыть содержание основных элементов общества.
В границах взаимодействия политики и журналистики образуются различные содержательные блоки (например, социальные, коммуникативные, филологические, технико-технологические), а объединяются они вокруг социально-мировоззренческого, цивилизационного понимания сущности журналистики.

Политический анализ журналистики имеет глубокие исторические корни, вне конкретно-исторического контекста невозможно понять как роль прессы, а затем и всей системы средств массовой информации в политической системе. Средства массовой информации выступают как сложная совокупность институтов сбора, анализа, подготовки к распространению тех или иных сведений, а также технических средств по приему, кодированию и декодированию сигналов, мультиплицированию и направлению сведений по коммуникационным каналам. В то время как журналистика представляет собой специализированную деятельность человека по сбору, анализу, оформлению и распространению социально значимой информации.

Традиционно журналистика рассматривается в ее общетеоретических чертах и свойствах:

– как особый социальный институт общества, элемент общественной надстройки, организационно состоящий из системы учреждений;

– как вид общественно-политической, информационной, идеологической, организационной деятельности;

– как система произведений, подготовленных и скомпонованных по определенным законам в номере газеты, журнала, в программе радио и телевидения, в книге (то есть в системе СМИ);

– как совокупность профессий, необходимых для сбора, отбора, обработки, компоновки, передачи массовой аудитории соответствующей социальной информации, то есть для организации функционирования журналистики[1].

Журналистика – это общественная деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации (через печать, радио, телевидение, кино и т. п.). Еще одно значение слова – система предприятий и средств сбора и доставки информации: редакции, телерадиокомпании, инфор-

СИЛКИН Владимир Владимирович – к. с. н., доцент, докторант кафедры информационной политики РАГС

[1] Введение в теорию журналистики. М., 1980, стр. 3

мационные агентства и их производственно-техническая база. Этим же термином обозначается продукция журналистской деятельности – произведения, из которых составляются номера газет и журналов, программы радио и телевидения. Наконец так называется определенная отрасль научного знания и образования, в качестве предмета он выделяет фундаментальные явления и понятия, определяющие роль и назначение журналистики в обществе, ее взаимоотношения с системой власти и управления, задачи по достижению целей общественного прогресса, комплекс требований к личным качествам и квалификации сотрудника редакции, основы эффективности журналистской деятельности.

Исходя из этого, можно утверждать, что речь идет прежде всего о журналистике как о виде социальной деятельности и практически журналистика не находит понимания «как отрасль научного знания».

Объект журналистики как науки многообразен: это и система учреждений; журналистика, представляющая собой социальный институт; и вид деятельности – информационной, политической; совокупность профессий; процесс сбора, отбора, обработки, компоновки, передачи социальной информации, массовая аудитория; система средств, то есть система СМИ.

Журналистская деятельность есть информационно-коммуникативная деятельность, значительная часть последней входит в объект журналистики как науки. В процессе политической журналистской деятельности складываются соответствующие отношения. Они и представляют собой объект политической журналистики, предметом которой являются тенденции, закономерности, законы, механизмы развития политической журналистской деятельности, а главное – информационно-политических отношений в обществе как системы субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

Информационно-политические отношения в треугольнике: власть – журналистика – общество определяют специфику и грани объекта политической журналистики.

Система «информационных отношений», то есть без приставки «политических» – это объект социальной информациологии. Она развивается на многих основаниях: «экономической журналистики», «спортивной журналистики», «криминальной журналистики», «педагогической журналистики» и других отраслей общей журналистики.

Информационная деятельность, информационные процессы всей системы субъект-объектных и субъект-субъектных отношений – это объект социальной информациологии, включающий в себя все виды социальной информации: политической, экономической, правовой, педагогической, спортивной, бытовой. В качестве важнейшей составной части социальной информациологии правомерно выделить политическую информациологию, включающую в себя политическую журналистику, выполняющую роль технологического инструментария в управлении информационно-политическими отношениями и процессами. Информационное общество рождает новые науки, науки об информации как субстрате социального, цивилизационного развития.

С одной стороны – журналистика есть функция (одна из функций) информационной политики, а с другой – информационная политика – один из основных объектов журналистики (политической журналистики, шире – политической и социальной информациологии). Очевидно и то, что обозначение не только границ объекта и предмета определяет специфику журналистики. На наш взгляд, совокупность методов политической журналистики – результат синтеза, конвергенции теоретических оснований философии, политологии, социологии, социальной психологии с журналистикой.

Пересечение журналистики с политической философией возникает при исследовании проблем информационного общества, развития информационной цивилизации, информационной эпохи, информационной власти, законов формирования общественного сознания.

Точки соприкосновения журналистики с политической социологией возникают при анализе такой специфической стороны информационных отношений, как обмен информацией между всеми стратами, группами, составляющими все многообразие социальной структуры общества. Эти информационные отношения: а) результат отражения в информационной политике потребностей и интересов всех социальных общностей; б) ре-

зультат информационного воздействия на различные группы, слои населения.

В контексте рассматриваемой нами проблемы особое значение имеет социально-информациологический подход, включающий в себя теорию и методы изучения информации о социуме, законы ее функционирования. Данный подход предполагает осуществление перехода от моделирования политической реальности к моделированию информационных процессов и технологий, а также к их прогнозированию.

При рассмотрении политики и журналистики необходимо обратиться к целям и задачам, одной из которых является теоретическое обеспечение процессов формирования политической культуры социума. Как известно, сущностными компонентами политической культуры являются политическое мышление, политические сознание, политическое прогнозирование, политическое поведение и деятельность.

Важнейшей задачей в современных условиях является исследование эффективности информационного взаимодействия всех субъектов политики, системы СМИ и МК на политическую культуру общества, на ее отдельные компоненты – уровни. В настоящее время проводится немало социологических и других эмпирических исследований по проблеме политической культуры, в особенности по оценке состояния политического сознания. Это исследования ВЦИОМа, Фонда общественного мнения и других центров, которые постоянно публикуются в периодической печати. Особый интерес представляют мониторинговые исследования социологического центра РАГС (руководитель Бойков В. Э.), Института комплексных социальных исследований РАН (руководитель Горшков М. К.)[1].

Эти и другие исследования позволяют сделать вывод, что политическое сознание не имеет общего вектора, более того – между специализированным и массовым сознанием существуют разрыв, глубокое противоречие, но конструктивных путей решения проблемы с подключением системы СМИ и МК по большому счету не предлагается. Не исследуются психологические аспекты восприятия информации, переработки ее человеческим мозгом, мотивации поведения как результата информационного воздействия. По утверждению политолога Д. Орешкина, у россиян не развито осознание своего политического и экономического интереса[2], отсюда следует, что политическое сознание находится в кризисе.

Особо важно иметь в виду аксиологический аспект состояния политического сознания. В нем в концентрированном виде проявляется отношение людей, социума в целом к смыслу своей жизни, отношение к власти и ее институтам, отношение к своей интеллигенции, политэкономической элите, к субъектам экономической власти. Обобщение обширных социологических опросов, как справедливо отмечает В. Э. Бойков, показывает «ярко выраженный эклектизм ценностей структуры массового сознания в российском обществе»[3]. Эта тенденция объясняется отсутствием в обществе объединяющей идеологии, которая объективно должна лежать в основе информационной политики.

Другая ярко выраженная особенность ценностного отношения многих людей к политическому участию в жизни общества проявляется в двойственном характере восприятия политических объектов социально-политических процессов и событий, в противоречивом отношении к государству, политическим партиям, выборам как форме гражданского волеизъявления, демократическим ценностям.

Отсутствие государственной идеологии размывает на множество противоречивых, критических состояний, потоков политическую психологию. Отсутствие политэкономической стратегии, философии и идеологии приводит к конфликтам власти с бизнесом и СМИ. Вместе с тем в глубинной психологии российского суперэтноса зреет ментальный запрос на «общественный идеал» (П. Новгородцев), на государственную философию, стратегию развития страны, идеологию. Связующее звено между стратегией,

1 Формирование массового политического сознания.//Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень. № 4, 2001, Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002, М., 2003

2 Известия, 17 сентября 2003 г.

3 Формирование массового политического сознания.//Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень. № 4, 2001

3 Заказ 5080

идеологией и психологией – информационная политика.

В российском информационном пространстве принято выделять доминирование трех классических парадигм информационного вещания[1]: 1) тоталитарная, механистическая; 2) манипулятивная, рядом с ней технология зомбирования; 3) диалоговая. В России сейчас действуют практически все эти технологии в смешанном виде. Но в то же время отсутствует информационно-конструктивный диалог государства и гражданского общества, общества и власти. Диалог истинный, а не манипулятивный, возможен при условии свободы слова и ответственности.

Функционирование социальных институтов, в том числе и институтов власти, во многом определяется качеством информационно-коммуникативной среды. Характер коммуникации детерминирует содержание политических процессов, меру экономической свободы, стиль поведения граждан, экзистенциальные ценности и нравственные установки. Журналистика является одной из важнейших составляющих взаимодействия в системе «общество – власть». В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция институциализации журналистики в политическом пространстве, которая формально определяется в самостоятельную ветвь власти – так называемую четвертую власть.

Развитие любого общества идет по пути увеличения каналов и средств связи со вновь создаваемыми структурами социальной среды, ускорение и усложнение этих процессов – путь неизбежный, требующий иного обеспечения процессов политического и административного управления. Эта тенденция породила необходимость иметь по возможности всеобъемлющую полную информацию о происходящих в обществе процессах, что актуализировало деятельность в сфере журналистики и привело к увеличению числа печатных изданий, телевизионных каналов, радиостанций и соответственно росту числа журналистов. Сформировалась значительная социально-профессиональная группа, специализирующаяся на предоставлении регулярной информации о социальных процессах различным заинтересованным структурам общества. Специфика предоставляемых ими услуг состояла в том, что отсутствовала жесткая связь между производителями информации (журналистами) и ее потенциальными потребителями.

В силу социально-коммуникативного начала в деятельности журналистов они в большинстве своем демонстрировали и демонстрируют свою лояльность органам власти и в силу этого информация, предоставленная в СМИ, редко противоречила идеологии государства. Сегодня в эпоху «информационного общества» роль журналистов в социально-политической структуре остается прежней, но трансформировалась технология влияния и функционирования, а также масштаб и последствия взаимодействия в системе «общество–власть». Усилились элементы манипулирования сознанием и власть получила возможность направлять действия общества (при отсутствии сильных институтов гражданского общества) в нужную для себя сторону (например, чрезмерно бурная дискуссия из-за мелодии гимна России или авторства текста вместо решения актуальных социально-политических проблем).

Во всем этом огромная роль принадлежит журналистике, так как в ее функции постепенно включается способность реализовывать интересы власти в управленческой сфере. В итоге информационная функция журналистики стала преобразовываться в технологию воздействия на общественное мнение и, в частности, на массовое политическое сознание.

В политической коммуникации журналисты становятся активными субъектами политических процессов, влияя на них, исходя из идеологии средств массовой информации, которые они представляют. Политическая функция журналистики начинает преобладать над другими, занимая все больше места на телевидении и в прессе, отодвигая на второй план журналистские жанры. Политизированным становится все пространство российской массовой коммуникации.

Востребованность журналистских кадров в связи с увеличением телевизионных каналов, газет, журналов, радиостанций привела к снижению качественных характеристик: профессионализм, нрав-

[1] Попов В. Д. Информациология и информационная политика. М., 2001, стр. 57–70

ственная составляющая и как следствие политическая близорукость (кто платит, тот и заказывает музыку).

Среди наиболее значимых черт, характеризующих современное состояние политической журналистики, можно выделить следующие:

– повышается роль фактора субъективности в подаче информации в зависимости от изначальной политической (идеологической) установки;

– практически полностью утрачена функция обратной связи с аудиторией, отсутствуют конструктивное начало, критерии «желаемого состояния общества»;

– снижаются уровень профессионализма, качество публикуемой информации;

– обедняется жанровая палитра, ослабляются навыки композиции логичности, акцентуации при подготовке текстов, усиливаются эклектичность представления действительности, смазывание или сознательное искажение причинно-следственных связей;

– сокращается качество аналитики, усиливаются такие явления, как склонность к своеобразному информационному «серфингу», однолинейности, скольжению по поверхности, нежеланию вскрывать глубину и многомерность отображаемых событий и процессов;

– усиливается и становится практически обязательной ориентация на сенсационность подачи материала.

В советские времена действовала система обратной связи «газета – читатель» (писались письма, газета публиковала часть присылаемых материалов, обращалась в органы власти за восстановлением справедливости) и этот механизм работал. В настоящее время, несмотря на разнообразие печатных и электронных СМИ, они действуют без оглядки на потребителя, с помощью известных технологий обществу навязывается программируемая «среднестатистическая» картина мира. Критерием эффективности, успешности работы СМИ в данных условиях становится социальная лояльность в поведении людей в отношении политического режима. Таким образом, журналисты в своей профессиональной деятельности все больше смещаются в сторону политики и становятся активными участниками политических процессов в обществе.

Журналистика является важнейшим способом артикуляции интересов и потребностей социальных групп, организующим началом, элементом политической организации, поэтому непременно входит в число институциональных компонентов. Будучи частью института социального контроля, средством утверждения в обществе культурных стандартов, в том числе в области политической этики, она может рассматриваться в связи с нормативными компонентами политической системы. Если же данный феномен рассматривать в контексте функций политической системы, то следует прийти к выводу, что журналистика выступает в одном аспекте – как компонент политической системы, причем «многоцелевого» назначения, в другом аспекте – в качестве средства, инструмента существующего политического устройства общества. С помощью данного инструмента: во-первых, осуществляются регуляция общественного развития, целеполагание; во-вторых, политика разворачивается в сознании индивидов, то есть происходит включение граждан в общественно-политический процесс; в-третьих, за счет информационного обмена между социальными, часто конфликтующими группами снижается уровень межсоциальной напряженности (по Л. Козеру), стабилизируется политический порядок.

Журналистика как особая сфера и форма деятельности человека, естественно, проявляет себя во всех областях социальной жизни. Глобальные СМИ создали принципиально новый мир, в котором близкое и далекое легко меняются местами. Возникает феномен возрастающей атомизации и одиночества человека при одновременной глобализации мира. Глобализация несет в себе шанс на взаимное обогащение культур и одновременно угрозу их уникальности разнообразию культурных ценностей.

Рассматривая функциональную сторону взаимодействия политики и журналистики, необходимо выделить причины, те задачи, которые побуждают субъектов политики к активному использованию прессы: управленческая, политико-пропагандистская, инициация обратной связи.

Задачи управленческого характера предполагают такое обращение политика к аудитории, которое равносильно рас-

поряжению. В качестве конечного эффекта подразумевается немедленное исполнение управленческого решения объектом воздействия. В то же время непосредственное включение политики в каналы массовой коммуникации всегда было явлением редким, применялось в экстремальных условиях. Обычно политики для доведения до сведения общества своих решений, обязательных к исполнению, а также иной важной информации используют каналы коммуникации опосредованно.

Пропагандистская задача связана с важнейшей целью политики – сделать управленческие решения и действия понятными обществу и тем самым побудить аудиторию к направляемой и нацеливаемой активности. Можно выделить непосредственное использование субъектами политики каналов коммуникации (митинг, прямой эфир, публикации в газетно-журнальной периодике) и опосредованное, которое сводится к использованию аппарата СМИ в политических целях, но по законам создания журналистских текстов, а не официальных документов. В этом случае между аудиторией и политиком находится журналист, который с помощью профессиональных методов и приемов трансформирует политическую информацию.

Мотивы обращения политиков к СМИ во многом отражают представления о роли и месте журналистики в общественной жизни. Контакт субъектов политики с журналистами определяется несколькими тенденциями, подчас противоречивыми, но практически всегда взаимосвязанными. Определяющее свойство политики власти – доступ к первоначальным источникам информации. Пресса действует как один из каналов передачи информации от тех, кто принимает политическое решение, то есть в качестве одного из каналов управления, проведения политических решений. Одновременно СМИ служат каналом обратной связи, умелое пользование которым позволяет субъектам политики корректировать свои решения, действия, пропагандистские кампании. Информация – это результат процесса взаимодействия, и информационные процессы выступают в качестве средства управления социальными объектами, принимающими информацию.

Методы, применяемые журналистами при взаимодействии с органами государственной власти, зависят от ряда факторов:

- от содержания и формы отношения властвующих субъектов к СМИ, а также к журналистике, понимаемой в качестве выражения любым индивидом своих социально значимых убеждений и чувств;
- от степени развитости политической культуры общества;
- от традиций отношения к журналистам в обществе, их социального положения в конкретном типе общественной системы;
- от степени остроты социальных и других конфликтов.

Отношение политиков к журналистике и СМИ можно также рассматривать сквозь призму некоторых универсальных и специфических свойств власти. Одним из универсальных свойств является ресурсность – основание, на котором держится власть, все те средства, которые позволяют субъекту добиться доминирования в политической жизни. В состав ресурсов входят знания и информация, материальные ценности, правовые нормы и законы, организационные, принудительные, территориальные и демографические средства. Универсальные и специфические свойства власти как субъекта политики указывают на тесное взаимодействие с журналистикой, которая в последнее время стала ярко выраженным фактором легитимации власти.

К функциям журналистики относятся не только передача управляющего воздействия от субъекта к объекту, но и обеспечение обратной связи: по характеру поступающих «снизу» сигналов управляющие «верхи» судят об эффективности своих политических шагов и соответствующим образом корректируют действия. Здесь возрастает значение журналистики как проводника социальной информации. Точность, достоверность («чистота») получаемого управляющей системой сигнала во многом зависит от наличия/отсутствия «шумов» в канале связи – от меры исполнения журналистами своего профессионального долга. Если они переступают границы достоверности, руководствуясь политико-идеологическими пристрастиями, обратная связь управления с общественной жизнью утрачивается.

Понимание, что в политических реалиях кроются определенные несоответствия представлениям о подлинной (идеальной) сущности демократического устройства, привело к попыткам привнесения в теорию идеи гражданского общества. Прежде всего идея гражданского общества возникает как своеобразная антитеза такой практике представительской демократии, когда основная часть граждан отстраняется от участия в политике, когда формируется система, названная политологами «обществом спектакля». Следовательно, идея гражданского общества – попытка возвращения человека в политику. Построение информационного общества в стране и вхождение ее в мировое сообщество возможно лишь при наличии эффективного информационного пространства.

С государственной точки зрения построение информационного пространства должно рассматриваться как основа социально-экономического, политического и культурного развития, что требует осуществления целенаправленной информационной политики, согласованной с экономической, культурной, социальной и другими базовыми государственными стратегиями. Переход России к новому типу экономического развития, гражданскому обществу и правовому государству и нынешний политический плюрализм порождают огромную общественную потребность в информации. Необходимость удовлетворения этой потребности обуславливает особую роль СМИ в жизни общества. СМИ есть действенный канал информирования общества о деятельности власти и учета его реакции на действия власти. Эти особенности делают СМИ важнейшим социальным институтом и системообразующим фактором информационного пространства России. С развитием информационных технологий появляются новые возможности создания личных и коллективных виртуальных сред. Сегодня уже совершенно очевидно, что к традиционным журналистским специальностям, таким, как газетная, радио- и тележурналистика, прибавилась еще одна: он-лайн-журналистика, то есть журналистика в Интернете.

Общий вывод можно сформулировать следующим образом. Информационная сфера, в особенности массовая коммуникация в эпоху информационного общества становится мощным средством воздействия и формирования общественного сознания и потому оказывает огромное влияние на состояние политической, экономической, оборонной и других структур общества. По этой причине массовая коммуникация и ее ключевое звено – журналистика как источник информации становятся одним из важнейших элементов системы социального (в том числе и государственного) управления.

Владимир РОДАЧИН

ОБЕСПЕЧЕНА ЛИ НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ?

Не вызывает сомнений тот факт, что национальная безопасность – самая злободневная для России проблема, постоянно находящаяся в поле зрения президента РФ и всех государственных структур. На ее решение нацелены многие официальные документы. Прежде всего Концепция национальной безопасности РФ, вторая версия которой была утверждена В. В. Путиным 10 января 2000 г. Кроме нее, приняты Концепция внешней политики РФ (07.10. 2000), Военная доктрина РФ (21.04.2000), Доктрина информационной безопасности РФ (09. 09. 2000), Морская доктрина РФ на период до 2020 года (июль 2001 г.), Основы государственной политики РФ по военному строительству на период до 2010 года (август 2001 г.), Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу (март 2002 г.) и множество других документов, относящихся к сфере национальной безопасности.

Спрашивается: улучшилось ли после этого состояние национальной безопасности России? Стали чувствовать себя безопаснее россияне? Судя по реальному положению дел в стране и по опросам общественного мнения – это далеко не так.

РОДАЧИН Владимир Михайлович – д. ф. н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пограничной академии ФСБ России

Наши граждане в большинстве своем не только ничего не знают о содержании этих концепций, доктрин, основ и т. п., но и не слышали о них. Через полгода после выхода доктрины информационной безопасности РФ 57% опрошенных россиян дали отрицательный ответ в отношении ее целей и содержания.

Вероятно, такие концепции рассчитаны не на народ, а на чиновников. Но и они либо плохо их знают, либо попросту не выполняют. Ведь состояние национальной безопасности в стране не улучшается и внушает большинству граждан серьезную тревогу.

Складывается впечатление, что чем больше вал документов по безопасности, тем хуже с самой этой безопасностью. Это не значит, что такого рода документы вообще избыточны. Не нужны формальные, бюрократические по духу документы. От которых народу не холодно, и не жарко. Ведь что хорошо чиновникам (бумажное доказательство «эффективности их труда»), часто бывает плохо обществу и народу. По крайней мере у нас. Стране же необходима адресная и философски прагматичная Концепция национальной безопасности РФ, ориентированная в первую очередь на граждан и их интересы достойной и безопасной жизни.

Очень остро стоит проблема законодательного обеспечения национальной безопасности. Даже Совет безопасности РФ уже десятый год функционирует без федерального закона о Совете безопасности, хотя согласно Конституции РФ «статус Совета безопасности РФ определяется федеральным законом».

На сегодня имеется ряд федеральных законов, которые регулируют режим чрезвычайного и военного положения на территории РФ, деятельность отдельных спецслужб и правоохранительных органов. Совсем недавно были приняты Закон о борьбе с терроризмом и экстремизмом, Закон по противодействию легализации отмыванию

доходов, получаемых незаконным путем. Существует целый ряд других профильных законов, которые уже вступили в действие и работают на территории РФ. Но вот системности в нормативной базе по вопросам национальной безопасности нет. Главное – нет единого рамочного закона о национальной безопасности РФ, который бы упорядочивал и систематизировал все эти уже принятые законы, особенно ведомственные акты, подчинял их общей логике, устанавливал единые нормативные требования.

Не секрет, что отдельные подзаконные акты да и законы, принимавшиеся для обеспечения деятельности отдельных силовых ведомств, страдают противоречивостью, декларативностью, фрагментарностью. И это не позволяет эффективно и целенаправленно осуществлять исполнение законов. Больше того, влечет трагические последствия. Так, несовершенство воздушного законодательства и отсутствие единой государственной политики в сфере обеспечения безопасности полетов, по данным заместителя председателя Комитета по обороне и безопасности Совета Федерации, генерал-лейтенанта авиации Василия Ключенка, привело к тому, что за последние 5 лет Россия понесла серьезные потери: погибли свыше 3 тыс. человек, разбилось более 220 самолетов, материальный ущерб составил свыше 50 млрд. рублей[1].

Крайне важно обеспечить единое правовое поле обеспечения национальной безопасности на всей территории РФ, чтобы силовые ведомства и спецслужбы могли работать на основе общих требований, взаимодействуя и дополняя друг друга, а не мешая, из-за привязанности к ведомственным инструкциям и директивам. А кроме того, необходимо единство в исполнении законодательства, что особенно важно. Нужно в корне изменить отношение к нормам закона, когда одним можно, а другим нельзя. Вот даже главный гарант – президент РФ допускает подобные действия. Предложил все доходы от эксплуатации добытой в Чечне нефти оставлять в республике. Но по законодательству РФ, все пошлины и налоги от добычи полезных ископаемых идут в федеральный бюджет, независимо от того, где они добыты. Если разрешить Чечне нарушать законодательство, то и другие субъекты захотят того же. Почему Чечня вправе сама распоряжаться доходами от нефти, а Татарстан, Башкирия не может? Да и все остальные субъекты? Двойные стандарты в отношении к законам не допустимы! Они разорвут целостность страны.

Множество федеральных и ведомственных документов отстаивают мифологизированные догмы, а не реальные цели безопасности, содержат противоречивые и необоснованные положения. Так, в Концепции национальной безопасности РФ говорится об «упрочении позиций России как великой державы – одного из влиятельных центров многополярного мира». В Концепции внешней политики РФ после декларации той же установки вместе с тем констатируется «ограниченность ресурсного обеспечения внешней политики Российской Федерации, что затрудняет успешное отстаивание ее внешнеэкономических интересов, сужает рамки ее информационного и культурного влияния за рубежом».

Противоречивы и тенденциозно односторонне сформулированы приоритеты обеспечения национальной безопасности.

В Концепции национальной безопасности РФ указывается, что под национальной безопасностью понимается «безопасность многонационального народа РФ». Но далее, как в этом документе, так и в других документах народ больше не фигурирует и вместо его безопасности речь идет о безопасности других объектов. При этом первоочередное внимание уделяется государственным интересам и структурам. В той же Концепции внешней политики РФ указывается, что для обеспечения достойного места России в мире «определяющее значение имеет дальнейшее укрепление российской государственности». Но разве для этого не важны позиции отечественного частного бизнеса, уровень жизни российских граждан, авторитет научных школ и вузов (МГУ – 112-е место в международном рейтинге)? Опять-таки в области информационной безопасности упор делается на «защите государственных информационных ресурсов от несанкционированного доступа» и ничего не говорится о защите информационных ресурсов отечественного бизнеса, частных компаний, у которых есть немало секретов и ценной информации.

---
[1] Московский комсомолец. 26 августа 2004 г.

Ныне действующую Концепцию задумали сразу после операции Североатлантического альянса в Югославии как «ответ НАТО». Но вскоре после взрывов в Москве и Волгодонске, начала второй кампании в Чечне стали переделывать в «ответ терроризму». В результате НАТО упоминается в документе только два раза, а терроризм – семнадцать. Но суть даже не в количестве упоминаний. А в их несвязанности друг с другом и с главными угрозами безопасности. По документу, России противостоят обе эти угрозы. В практической политике признается необходимость сотрудничества с НАТО в борьбе с терроризмом.

Власть лишь фиксирует различные угрозы и опасности, особенно в отношении личности и общества. Но не показывает в увязке с ними, то есть с конкретными угрозами соответствующих направлений, способов, мер их устранения. Национальная безопасность, воплощающая совокупность разных видов, не может иметь общего механизма их обеспечения, за исключением лишь общей системы управления. Для обеспечения военной безопасности необходима военная организация. Для обеспечения экономической безопасности – иные силы и средства. В Концепции же национальной безопасности весь механизм обозначен в одном абзаце: «Основу системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации составляют органы, силы и средства обеспечения национальной безопасности, осуществляющие меры политического, правового, организационного, экономического, военного и иного характера, направленные на обеспечение безопасности личности, общества и государства». Отсутствует даже перечень этих органов, сил и средств.

Не предусматривается персональная ответственность чиновников за их бездеятельность и не способность снизить уровень угроз, которые из года в год не только не снижаются, но и растут. В концепции у нас угрозы – сами по себе, а силы и средства – сами по себе.

В своей практической политике государство даже способствует действию им же выявленных угроз. Так, констатируя тот факт, что «угрозу физическому здоровью нации представляет кризис систем здравоохранения и социальной защиты населения, рост потребления алкоголя и наркотических веществ», государство сокращает бюджетные социальные расходы, не ограничивает масштабы алкогольной рекламы, решением правительства РФ от 6 мая 2004 года № 231 увеличивает размеры разовых доз наркотических и психотропных веществ, при превышении которых наступает уголовная ответственность. Провозглашая защиту безопасности личности, на деле ничего не делает для повышения средней продолжительности жизни мужской части населения России, доживающих всего до 56 лет. Тогда как в большинстве развитых и среднеразвитых стран этот показатель превышает 70 лет![1] Причем за счет продуманной и ответственной политики здравоохранения. Не снижается у нас уровень младенческой смертности (17–20%). Нет снижения числа несчастных случаев, отравлений, убийств и самоубийств, общее количество которых превышает ежегодно 310 тыс. человек! В том числе в результате дорожно-транспортных происшествий – свыше 39 тыс. человек, в результате отравлений алкоголем – 34 тыс., в результате самоубийств – около 57 тыс., убийств – 40,5 тыс. человек и т. д. О реальном отношении государства к безопасности личности говорит тот факт, что все отечественные автомобили выпускаются и продаются населению без подушек безопасности. А на иномарки, пусть и подержанные, но оснащенные такими подушками, правительством неоднократно повышались таможенные пошлины, вынуждая тем самым население покупать небезопасные отечественные машины.

Согласно Концепции национальной безопасности РФ у нас существует единая система обеспечения национальной безопасности, составными частями которой являются военная, экономическая, информационная, общественная, пограничная и другие виды безопасности. По федеральному же закону о бюджете Российской Федерации национальная оборона отделена от национальной безопасности, совмещенной почему-то с правоохранительной деятельностью.

[1] По странам Европейского союза средняя продолжительность жизни женщин составляет 81 год, а мужчин – 75 лет. В Турции эти показатели составляет соответственно 72 года – для женщин и 67 лет – для мужчин

Финансируются они по отдельным разделам. Формально получается, что расходы на оборону не относятся к вопросам национальной безопасности и значительно их превышают. Если денежки врозь, то о какой целостности системы можно вести речь?

Непрозрачны статьи расходов по обоим указанным разделам. Трудно ясно представить, на что, на какие конкретно направления и задачи обеспечения национальной безопасности выделяются бюджетные средства. А тем более как они расходуются. Вероятно, такой подход удобен и выгоден чиновникам. Но он идет во вред обществу, фактическому состоянию национальной безопасности страны.

Власть фактически монополизировала право на выработку стратегии и политики национальной безопасности, определяя их направления, приоритеты, ресурсы по своему усмотрению. И несмотря на то, что народ, личность и общество – главные объекты (потребители) национальной безопасности, их не спрашивают о том, что они думают о своей безопасности, согласны ли с правительственной версией и подходами ее обеспечения, есть ли у них свои представления о том, что, от каких угроз и как защищать.

Согласно Концепции национальной безопасности РФ «в формировании и реализации политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации принимают участие президент РФ, Федеральное собрание РФ, правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти, органы власти субъектов Федерации». Граждане, общественные объединения и организации лишь «привлекаются к оказанию содействия в решении проблем национальной безопасности» и то лишь по инициативе органов исполнительной власти субъектов Федерации или совместно с органами местного самоуправления. Подобный авторитаризм противоречит духу и принципам демократии, нарушает конституционные права граждан. Кроме того, если вопросы безопасности – прерогатива федеральной власти, на уровне которой участие граждан и общественных организаций полностью исключено, то что они могут сделать под контролем региональных и местных властей на этих уровнях участия?

Именно поэтому в Концепции национальной безопасности РФ не учтены интересы безопасности российского бизнеса, сотни представителей которого ежегодно становятся жертвами заказных убийств.

По большому счету, авторитетные представители и организации гражданского общества не только вправе самостоятельно участвовать в обсуждении проектов Концепции национальной безопасности, влиять на принятие властями их обоснованных предложений, но и осуществлять гражданский контроль за реализацией политики обеспечения национальной безопасности. По крайней мере иметь возможность на доступ к информации по наиболее общим и незасекреченным вопросам обеспечения национальной безопасности страны, знать, на что и насколько эффективно расходуются огромные бюджетные средства в этой сфере. А то ведь как у нас обстоит дело. Создали 75-тысячную группировку войск на Северном Кавказе. Выделили дополнительные средства на финансирование спецслужб в размере 7 миллиардов рублей в бюджете будущего года. А 900 боевиков без особых проблем и потерь, фактически безнаказанно проводят свои рейды в Ингушетии, в Грозном, убивая по сотне сотрудников правоохранительных органов. Нужна нам такая национальная безопасность и за такие деньги? А главное – власть не чувствует и не несет никакой ответственности за свои действия и бездействия!

Только гражданский контроль за политикой обеспечения национальной безопасности позволит привести ее в соответствие с реальными нуждами народа и важнейшими требованиями безопасности.

Елена ОВСЯННИКОВА

ВАХХАБИЗМ И ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ

Вторая половина XX в. стала эпохой резкого всплеска экстремистских настроений в исламском регионе. Именно в этот период родилось понятие «международного терроризма», которое в общественном сознании стало тесно связано именно с мусульманской религией. Возникновение глобальной террористической угрозы кардинально изменило систему международных отношений. До конца XX века мировое политическое устройство имело характер биполярной системы, в рамках которой страны мира разделялись на два враждующих лагеря, объединяясь вокруг государств – лидеров противостояния – СССР и США. В последние десятилетия XX столетия мировое сообщество столкнулось с новым вызовом собственной безопасности, в качестве врага стало выступать не другое государство или группа государств, а явление. Террористические организации, часто именуемые ваххабитскими, имеющие в своей основе сетевую структуру, стали возникать повсеместно, успешно проникая через государственные границы, охватывая весь мир. Эти явления стали составной частью процесса глобализации. Поскольку мировой терроризм существует в тесной взаимосвязи с исламским фактором, проблемы этой мировой религии стали одним из наиболее актуальных вопросов современности.

Истоки современного исламского экстремизма

Одной из причин радикализации ислама можно считать состояние глубокой разочарованности, которое охватило многие страны исламского мира в середине XX столетия, когда после долгой антиколониальной войны они обрели долгожданную свободу. Добившись независимости, государства третьего мира столкнулись с новыми проблемами, связанными с неспособностью новых национальных правительств обеспечить достойное качество жизни. Надежды на ускоренное экономическое развитие не оправдались. В данных условиях всплыли на поверхность воспоминания о былом величии мира ислама, свято хранимые в памяти мусульманских народов, когда огромные территории находились во владении великого Халифата, а потом его преемницы – Османской империи, перед которой Запад испытывал страх и почтение. Весь революционный настрой, выработанный во времена борьбы с метрополиями, нашел новое применение в противодействии властям собственных стран. Особое значение для данного движения приобрела религиозная риторика, основными лозунгами стали призывы к борьбе против западного образа жизни, созданию истинно исламской власти, которая могла бы возродить золотой век ислама.

Очевидно, что на процесс активизации исламского радикализма особое влияние оказала двуполярная модель международных отношений, которая предполагала противостояние в форме холодной войны двух супердержав – США и СССР, которые, борясь за передел геополитического пространства, использовали тактику поддержки экстремистских движений в различных регионах мира как

ОВСЯННИКОВА Елена Алексеевна – аспирантка МГУ им. М. В. Ломоносова

эффективное средство достижения собственных целей. Своей кульминации данная практика достигла в период войны в Афганистане, когда войска СССР в декабре 1979 г. оккупировали территорию этой страны с целью поддержать режим просоветского коммунистического правительства Народно-демократической партии Афганистана. В качестве контрамеры США при поддержке Пакистана и Саудовской Аравии предприняли действия по созданию международной организации, на основе которого впоследствии возникло движение Талибан. В ходе афганской войны сформировался иностранный исламский экспедиционный корпус численностью примерно 25 тыс. человек, в который набирались добровольцы из различных стран мира, желающие принять участие в борьбе против коммунистического правительства и поддерживавших его советских оккупантов. Руководителем корпуса после гибели в результате теракта палестинца по происхождению Абдаллы Аззама стал саудовский подданный Усама бен Ладен.

В тренировочных лагерях в Афганистане иностранцам-новобранцам в рамках «курса молодого бойца» преподавались специфические идеи, сформулированные в форме концепции «Симпатии и антипатии». Суть этой концепции, если оставить в стороне теологические вопросы, заключалась в том, что обязанностью мусульманина является участие в джихаде, священной войне против «неверных», которая трактуется исключительно как вооруженная борьба. Ключевым моментом этого учения является то, что «неверными» провозглашаются не только «безбожники» и представители других конфессий, но и все мусульмане, которые подчиняются неверным, общаются с ними или не согласны с идеями концепции, в частности с ее трактовкой джихада. Идея такфира (то есть провозглашения неверными мусульман) понадобилась для того, чтобы оправдать вооруженную борьбу моджахедов против афганцев-мусульман, которые с оружием в руках защищали режим Демократической Республики Афганистан.

Иностранный исламский экспедиционный корпус продолжал существовать и после вывода советских войск в 1989 г., но с начала 90-х гг. стали предприниматься попытки высылки его бойцов из Афганистана и Пакистана. Это привело к резкому всплеску насилия в регионе. Террористические акты имели место в Саудовской Аравии, Египте и в других странах, а в Алжире началась гражданская война, длящаяся до сих пор, в ходе которой алжирские вооруженные силы, насчитывающие около 180 тыс. человек и опирающиеся на 200-тысячные силы самообороны, не могут справиться примерно с 3,5 тысячи террористов, которые вырезают целые мусульманские деревни, никого не оставляя в живых. Одной из причин этого антирежимного насилия является то, что «афганцы», воспитанные на идеях такфира, увидели, что обстановка в разных арабских государствах никак не соответствует строгим ваххабистским критериям. Например, после операции «Буря в пустыне» Саудовское королевство предоставило свою территорию для размещения американских войск на постоянной основе, то есть полностью попало под такфир – как этот принцип сформулирован в концепции «Симпатии и антипатии».

Анализ событий 90-х гг. показывает, что правящие режимы в тех странах, выходцами из которых были возвращавшиеся «афганцы» сделали все, чтобы те не осели у себя на родине. «Афганцы» стали возвращаться в Пакистан, а также в Афганистан – на территории, контролируемые к тому времени движением Талибан, где стали создаваться лагеря для подготовки моджахедов нового поколения (так называемых новых афганцев), прибывших из разных стран, которые либо оставались в радах Талибана, либо возвращались в страны проживания, либо перемещались со старыми «афганцами» в различные конфликтные регионы мира. Следы деятельности «афганцев» можно найти в рядах албанских сепаратистов в Косове, а также в Средней Азии. Вероятно, сюда же можно отнести и некоторых боевиков, которые сражались на Кавказе, в первую очередь Хаттаба, гражданина Иордании, который в начале 90-х гг. появился в Чечне.

Исламский радикализм и ваххабизм

В последнее время очень часто при упоминании о радикальных исламистских организациях употребляется термин «ваххабизм». Это понятие стало

своего рода синонимом слова «терроризм». Существует, однако, проблема, связанная с правильным употреблением данного термина. Дело в том, что не существует однозначного понимания того, что конкретно подразумевается под ваххабизмом, в результате нередко возникает определенная путаница, связанная с отождествлением весьма далеких друг от друга явлений. Сегодня ваххабизм может пониматься в двух значениях: как собственно ваххабизм – учение Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба и его аравийских последователей (аравийский ваххабизм) и как собирательный термин, обозначающий все течения нового и новейшего времени, которые укладываются в определение возрожденческого направления в исламе.

В первом случае речь идет о доктрине в рамках исламского правоверия, послужившей идеологической основой формирования государства Саудовская Аравия[1]. На протяжении довольно долгого периода существования в качестве государственной идеологии этого государства данное учение претерпело значительную эволюцию в сторону смягчения основных постулатов. Поэтому говорить о том, что и в настоящее время ваххабизм является официально исповедуемой «религией» Саудовской Аравии, можно лишь с определенными оговорками.

При употреблении термина «ваххабизм» во втором значении обычно говорится о всевозможных экстремистских террористических организациях, ведущих активную деятельность в различных регионах Земного шара. Основными лозунгами исламского возрожденчества, к которому принадлежат подобные организации, являются: очищение религии от нововведений; возврат к первоначальному исламу времен пророка Мухаммада; строгое соблюдение морально-этических норм ислама, осуждающих роскошь, блуд, пьянство; пропаганда джихада против язычников, к которым отно-

[1] Учение Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. Основателем ваххабизма является выходец из племени тимим, обитавшего в Недже (центральный район нынешнего Саудовского королевства), Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1792 гг.). В период его жизни аравийское общество находилось в глубоком кризисе. Аравия являлась периферией Османской империи, где отсутствовала сильная государственная власть. При этом само общество разъедали межплеменные конфликты. Несмотря на то, что большинство населения исповедовало ислам, в повседневную жизнь стали возвращаться доисламские языческие обычаи.

В таком историческом контексте шейх аль-Ваххаб выступил как вероучитель, призванный предотвратить дальнейшую порчу ислама, консолидировать племена на базе единой исламской идеологии, создав тем самым основу для борьбы с господством Османской империи. Таким образом, движение ваххабизма в значительной степени руководствовалось политическими целями, ему изначально были присущи националистические идеи.

Основные принципы ваххабизма отличались от классической модели ислама жесткостью и бескомпромиссностью. В центре ваххабистской доктрины лежал принцип строгого единобожия, даже основополагающий столп ислама – «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Аллаха» был интерпретирован таким образом, что поклоняться нужно только Аллаху, но не Мухаммаду. Следствием данного положения являлся запрет на посещение святых мест ислама – могил Мухаммада и его сподвижников. Это объяснялось тем, что данная практика ведет к обожествлению пророка и соответственно является шагом к многобожию.

Аль-Ваххаб был непримиримо настроен в вопросах нововведений, выходящих за рамки Корана и сунны, эти источники считались высшей степенью знаний, а выход за их пределы – недопустимым грехом. «Врата» для толкования Корана и сунны, по мнению ваххабитов, закрылись с тех пор, как оформилась ханбалистская школа мусульманской правовой мысли.

Принцип «такфир» (неверие), занимающий особое место в ваххабистской идеологии, предполагал возможность объявления неверными мусульман, которые не разделяют ваххабистское видение религии. Для ваххабитов такие лицемеры были во много раз хуже иудеев и христиан, поскольку в отличие от последних скрывали свое чужеродное лицо за личиной благочестия. Принимая во внимание опасность данных членов общества для мусульманской общины, считалось необходимым их разоблачить и казнить. Обязанностью истинно верующих было провозглашено ведение джихада против язычников, к которым были отнесены и все мусульмане, не разделяющие ваххабистских установок.

Жесткая формулировка основных принципов доктрины и их жестокая реализация на практике сыграли в определенной мере положительную роль, поскольку смогли обеспечить единство общества, внеся тем самым свой вклад в формирование саудовского государства. Однако после того как задача по восстановлению ислама в Аравии и созданию государства была благополучно решена, идеология ваххабизма претерпела определенную эволюцию в сторону смягчения и впоследствии сблизилась с нормативным исламом. Претензия Саудовской Аравии на лидирующую роль в мусульманском мире, втягивание страны в мировую экономику, необходимость выстраивать отношения с другими государствами определили перестановку приоритетов. Таким образом, идеология Саудовской Аравии в настоящее время является значительно более мягким аналогом классического ваххабизма. В официальных документах Королевства, в заявлениях высших должностных лиц – нигде не упоминается о ваххабизме как об официальной религиозной доктрине. О ваххабистском движении говорится, как правило, в историческом контексте или при рассмотрении сугубо религиозной проблематики

сятся и мусульмане, отошедшие от принципов «чистого», первоначального ислама. Основной целью своей деятельности возрожденческие движения называют установление власти, которая должна руководствоваться исламскими законами. Иное правительство, по их убеждению, не имеет права на существование, поскольку политика и ислам не могут существовать отдельно.

Безусловно, нельзя отрицать, что между аравийским ваххабизмом и современным возрожденчеством существует определенная связь. Учение аль-Ваххаба стояло у истоков движения за восстановление истинного ислама и на полном основании считается примером раннего возрожденчества. Современные борцы за веру, как и ваххабиты XVIII в., выступают за «очищение» ислама, восстановление его первоначального смысла, за отказ от новых интерпретаций, искажающих истинное значение мусульманских принципов. И в том, и в другом случае практическая деятельность ваххабитов отличается фанатизмом, нетерпимостью и часто непомерной жестокостью. Однако наряду с общими, лежащими на поверхности чертами существуют некоторые менее очевидные, на первый взгляд, нюансы, которые тем не менее необходимо принимать во внимание для адекватного понимания ситуации.

Саудовская Аравия и современные общины ваххабитов

Большинство журналистов, пишущих о проявлениях ваххабизма в СНГ, усматривают в них «руку Саудовской Аравии», полагая, что данное движение полностью финансируется Эр-Риядом. Однако участие зарубежных мусульманских организаций в восстановлении ислама на постсоветском пространстве не предполагает использования принципов ваххабизма, прежде всего джихада в его силовых формах. Действительно, в начале 90-х гг. на средства, предоставленные международными исламскими организациями, осуществлялись строительство и реставрация мечетей, организация начального мусульманского образования, обучение студентов в теологических институтах на родине и за рубежом, издание пропагандистской литературы. Саудовская Аравия неоднократно брала на себя расходы по проезду мусульман бывшего СССР к святым местам ислама для осуществления хаджа. В связи с этим появилось мнение, что ваххабизм в СНГ возник исключительно благодаря финансовой помощи Саудовской Аравии.

Истиной является тот факт, что после иранской революции 1979 г. и попыток Тегерана активизировать деятельность шиитских общин в арабских странах, Саудовская Аравия предприняла ответные меры, в числе которых были и пропагандистские мероприятия в мусульманских регионах бывшего СССР. Однако в последнее время, особенно после ирако-кувейтского кризиса руководство страны пересмотрело практику финансирования идеологических программ. Одновременно это решение выражало разочарованность саудовских миссионеров, которые, побывав в ряде регионов СНГ, убедились в сверхсложности задачи по восстановлению ислама. Об этом шла речь на конференции, состоявшейся осенью 1996 г. в Эр-Рияде. Тогда же миссионеры с горечью констатировали, что средства, предоставленные для строительства мечетей и организации школ, часто расходуются не по назначению.

На решение о сокращении финансирования деятельности зарубежных исламских общин оказал влияние также кризис, который, по мнению многих исследователей, переживает саудовское общество в настоящее время. Саудовская Аравия впервые за десятилетия своего существования стала ареной конфронтации между традиционным ваххабистским духовенством, придерживающимся фундаменталистских взглядов, и выразителями идей, близких нормативному исламу. Причиной данного конфликта является политика правящего дома Аль Саудов, отражающая курс на постепенное смягчение ваххабистских установок, подчинение идеологии государственным интересам.

Долгое время ваххабистская идеология Саудовского королевства, являющаяся наиболее радикальным направлением в рамках исламской религии, служила стопроцентной защитой от обвинений в искажении мусульманских канонов и была гарантией отсутствия нападений со стороны экстремистских организаций. Тем не менее внутри- и внешнеполитические факторы ослабили иммунитет государ-

ства, открыв двери атакам со стороны фундаменталистского фронта.

В 1979 г. в Саудовской Аравии была совершена попытка государственного переворота. В ходе хорошо спланированной операции вооруженная группа мусульман в составе 250 человек захватила Месджад аль-Харам – священную мечеть в Мекке. Обвиняя Аль Саудов в нарушении основ веры, повстанцы отрицали легитимность их власти и требовали отречения от престола. Они призывали народ встать на путь, провозглашенный некогда аль-Ваххабом, и очистить страну от нечестивых. После двухнедельной осады правительственные силы, воспользовавшись некоторой помощью из-за рубежа, смогли взять ситуацию под контроль.

Саудовская Аравия стала местом проведения террористических актов. В 1996 г. произошел взрыв на американской военной базе в Дахране. В 2003 г. в Эр-Рияде с помощью автомобилей, оснащенных взрывчаткой, были подорваны здания, в которых проживали иностранные рабочие. Были убиты 35 человек. Позднее, в этом же году при подобных обстоятельствах в результате очередного теракта 17 человек были убиты и 122 ранены. Совсем недавно, в первую неделю декабря 2004 г. был осуществлен новый теракт. В этот раз объектом нападения стало консульство США в Джидде. В результате 7 человек были убиты и несколько ранены.

Под влиянием данных обстоятельств саудовское правительство стало более осторожным в вопросах финансирования исламистских движений, были сокращены также пожертвования, адресованные мусульманским общинам бывшего СССР. Однако это не означает, что помощь вообще перестала поступать. По-прежнему заботу о мусульманах СНГ проявляют частные благотворительные фонды, деятельность которых не контролируется правительством Саудовской Аравии. Поэтому достаточно трудно выяснить, кто «заказывает музыку», поддерживая радикально настроенных ваххабитов.

На характер взаимоотношений Саудовской Аравии с современными исламистскими организациями немаловажное влияние оказывает такая черта аравийского ваххабизма, как тесная связь данного учения с ханбалистской школой мусульманской правовой мысли. Следует отметить, что аравийский ваххабизм считается своего рода продолжением, дальнейшим развитием ханбализма, который многие исследователи называют первым возрожденческим течением раннего ислама. Ханбалистская школа права является наиболее ортодоксальным вариантом из существующих четырех суннитских школ мусульманской юриспруденции, она признает только буквалистское, строгое толкование священных источников веры. Соотнесенность аравийского ваххабизма с ханбализмом имеет принципиальное значение. Именно в этом заключается одно из основных отличий учения аль-Ваххаба от идеологии, которой руководствуются современные возрожденческие общины, большинство которых использует нормы ханифитской правовой школы. И именно это объясняет тот факт, что саудовская пропаганда перестает «работать» в неоваххабистских общинах Средней Азии и Северного Кавказа, как только разговор отходит от провозглашения основных лозунгов возрожденчества и углубляется в детали, касающиеся практической реализации религиозных обрядов и норм.

Неоваххабиты на Кавказе и в Средней Азии

Анализ процесса возникновения неоваххабистских общин в современном мире подтверждает тот факт, что подобные движения чаще всего появляются в тех регионах, где позиции ортодоксального исламского духовенства изначально слабы, где господствует ислам суфийского толка, черпающий силы в национальных доисламских верованиях. Такая ситуация обычно складывается в условиях, когда местная мусульманская община существует вне связи со странами традиционного мусульманского ареола или же когда свобода вероисповедания ограничена господствующим режимом.

Типичный пример – обстановка в Центральной Азии и на Северном Кавказе, где в свое время получили распространение суфийские ордена. В Чечне – Накшбандийа и Кадирийа, в Дагестане, помимо них, – орден Шазилийа, в Ингушетии – преимущественно Кадирийа. В государствах Средней Азии перечень тарикатов несколько больше. Именно в районах распространения суфийского ислама, имеющего местную специфическую

окраску, и возникает обновленческое движение, получившее в нашей прессе название «ваххабизм».

Носителями идеи возрожденчества на постсоветском пространстве являются прибывшие из арабских и других мусульманских стран проповедники. Первыми их последователями стали молодые люди, получившие с началом перестройки возможность обучаться в зарубежных теологических центрах, а также те, кто выступал против обычаев старшего поколения, в частности против кланового разделения общества. Таким образом, противостояние между носителями идеи обновления ислама и традиционалистами дополнительно приобретало черты конфликта поколений. В религиозном плане — это протест против старого официального духовенства и верхушки суфийских орденов, не пускающих в элиту молодежь.

Впрочем, обвинения в коррупции и взяточничестве, адресованные старшему поколению, отнюдь не безосновательны. К примеру, существующая структура кавказского общества предполагает, что глава тариката одновременно является главой тейпа, сосредоточивая, таким образом, в своих руках одновременно религиозную и светскую власть. Естественно, это обстоятельство учитывается при распределении постов во властных структурах. В свою очередь некоторые лидеры пользуются своим положением для получения дополнительных материальных выгод. Идеи, проповедуемые неоваххабитами, призывают к уравнению всех мусульман в правах, в результате чего суфийские шейхи неминуемо теряют возможность оказывать влияние на рядовых мусульман, как это было прежде.

Сторонники ваххабизма считают, что увлечение роскошью противоречит основам исламской морали, искажает истинную систему ценностей. Они призывают отказаться от чрезмерных и разорительных трат на мусульманские обряды, и это находит отклик в обществе. Интересным является тот факт, что светская власть, принимая во внимание популярность ваххабистских лозунгов среди народа, также нередко руководствуется данными положениями в своей политике, стремясь тем самым повысить авторитет собственной власти и, насколько это возможно, свести на нет популярность ваххабистских общин. Примером данной практики может служить указ президента Узбекистана И. Каримова, изданный в октябре 1998 г., направленный на пресечение проведения роскошных торжеств, в том числе и традиционных обрядов, связанных с исламом. И. Каримов заявил, что подобные празднества «задевают самолюбие простых людей, наносят урон их вере в справедливость и государственную власть». Он фактически повторил ряд тех положений, на которых настаивали среднеазиатские ваххабиты. И это действительно было важно для населения, большинство которого оказалось в очень сложном материальном положении, зачастую без средств для нормальной жизни и без веры в идеологию официальных властей и в традиционное духовенство.

Подводя итоги сказанного, следует прежде всего подчеркнуть, что как аравийский ваххабизм, так и «неоваххабизм», представленный весьма разнородными организациями и общинами, можно рассматривать как составляющие возрожденческого течения в исламе. Воззрения неоваххабитов укладываются в рамки идеи исламского обновления не столько по причине больших или меньших заимствований у ваххабитов Аравии, сколько в связи со свойственным им общим пониманием «оздоровления» мусульманского общества путем обращения к установкам раннего ислама. При этом деятельность неоваххабистских организаций может в значительной степени отличаться в вопросе выбора средств борьбы. Если некоторые общины заявляют о возможности применения исключительно мирных форм воздействия, то другие движения считают единственным эффективным средством вооруженную борьбу. Таким образом, современный ваххабизм может иметь, а может и не иметь связи с терроризмом и экстремизмом. В любом случае к анализу каждой конкретной ситуации следует подходить очень осторожно. Необходимость этого объясняется тем, что «ваххабизм» — очень широкое понятие.

Марина ДЕРЯБИНА, Сергей КОЛЧИН

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*(**Продолжение.** Начало см. «Власть» № 2)*

Вопрос о конкурентоспособности российской экономики на современном этапе является одним из центральных в разработке стратегии экономического развития страны. В российской научной литературе и в материалах, подготовленных международными организациями и экспертными центрами, конкурентоспособность оценивается, исходя из различных, в ряде случаев диаметрально противоположных принципов. Не ставя перед собой задачу детального анализа методологии таких оценок, отметим некоторые общие положения:

– заметное улучшение макроэкономической и финансовой ситуации в стране в результате благоприятной конъюнктуры на мировых сырьевых, прежде всего энергетических рынках;

– наличие в России известного задела в сфере технологий и кадрового потенциала;

– прогресс в сфере рыночных преобразований, налогообложения, адаптации к мирохозяйственным процессам.

Наряду с этими позитивными факторами следует отметить и негативные, объективно препятствующие достижению устойчивых конкурентных преимуществ страны:

– сырьевая ориентация экономики;

– низкий уровень внутреннего потребительского спроса на товары отечественного производства;

– чрезмерная забюрократизированность экономики, высокий уровень коррупции.

Обе группы факторов, на наш взгляд, должны учитываться при оценке конкурентных позиций России в мировой экономике. Тем более что в последние годы, по мнению большинства экспертов, эти тенденции заметно укрепились.

В России легко и удобно вести бизнес – к такому выводу пришли Всемирный банк и Международная финансовая корпорация, проанализировав предпринимательский климат в 145 странах[1]. В нашей стране относительно быстро и недорого можно открыть новое дело, условия найма и увольнения сотрудников достаточно гибкие. Вместе с тем в стране трудно взыскать долг и найти информацию о заемщиках и акционерах. Однако в предпринимательском сообществе полагают, что ВБ приукрасил нашу действительность.

ВБ и МФК исследовали семь важных для предпринимательской деятельности процедур – открытие и ликвидация бизнеса, получение кредита, регистрация права на недвижимость, наем и увольнение работников, взыскание долга, а также получение информа-

ДЕРЯБИНА Марина Александровна – к. э. н., вед. н. с. ИМЭПИ РАН

КОЛЧИН Сергей Вселодович – д. э. н., главн. н. с. ИМЭПИ РАН

[1] Ведомости, 9 сентября 2004 г.

ции о партнерах (информационная открытость компаний). Эксперты изучали законодательство каждой страны, а затем опрашивали юристов и консультантов.

По полученным оценкам, предпринимательский климат в России является «одним из лучших в регионе (Восточной Европе)», говорится в опубликованном докладе Всемирного банка и Международной финансовой корпорации «Бизнес в 2005 г.». В списке из 145 стран Россия оказалась на 42-м месте, хотя за год до этого она была во второй четверти списка, примерно на 53-й позиции. «За последние два года Россия упростила процедуру открытия нового бизнеса, – объясняют эксперты продвижение нашей страны вверх по списку, – но в 2004 году реформы приостановились».

Чем беднее страна, тем она оказывается меньше приспособлена для ведения бизнеса, констатирует доклад ВБ и МФК. Например, в Гаити на регистрацию новой компании уходит 203 дня, а стартовые расходы достигают 1,76 годового дохода среднего гаитянца. В России на открытие нового дела уходит 36 дней (в Австралии – два дня), а потратить на это бизнесмену придется сумму в 6,7% среднего дохода жителя России, то есть 175 долл. (в Австралии – 2%).

Относительно дешево в России обходится и регистрация права собственности на приобретенную недвижимость – помещение, здание или землю. Если сирийский бизнесмен должен заплатить за регистрацию 30,4% стоимости недвижимости, немецкий – 4,2%, то российский – всего 0,8%. При этом регистрация прав отнимет у россиянина 37 дней, у предпринимателя из Норвегии – всего один день, а у хорватского предпринимателя – два с половиной года.

Позитивной для бизнеса в России ВБ считает «гибкость трудового законодательства»: предпринимателям не слишком сложно нанять работника, заключить с ним временный контракт или уволить. В последнем случае российская компания в среднем компенсирует бывшему сотруднику четырехмесячный заработок, говорится в докладе, тогда как в Индонезии приходится оплатить работнику три года вперед, в Марокко – два, в Германии – полтора.

В докладе отмечены также и существенные минусы для бизнеса в России. Так, трудно получить деньги с должника, а кредиты малодоступны из-за отсутствия кредитных бюро, собирающих информацию о заемщиках. По данным ВБ, на судебное взыскание долга в 200% среднедушевого дохода в стране (для России – это 522 тыс. долл.) бизнесмен потратит 330 дней (год назад длительность этого процесса оценивалась в 160 дней) и потеряет при этом пятую часть долга. Для сравнения: датская фирма вынудит необязательного покупателя оплатить товар всего за три месяца, потеряв при этом только 6,6% суммы. Еще одно «слабое место» нашей страны – недоступность информации о компаниях и их владельцах. В индексе открытости Россия оказалась в нижней половине списка.

Тем не менее российские эксперты и предприниматели считают нарисованную ВБ картину слишком благоприятной. «Реально на взыскание долга уходит минимум полгода, но если должник – региональная администрация, то можно и за три года ничего не получить», – указывают они. Регистрация новой фирмы займет у предпринимателя, не имеющего возможности нанять юристов, не один месяц, а три и стоить это будет примерно 600 долл.

В пользу российской экономики говорят и оценки международных рейтинговых агентств. Так, еще в конце 2002 г. международное рейтинговое агентство Moody's повысило потолок валютного рейтинга России и рейтинг еврооблигаций с «Ba3» до «Ba2». При этом прогноз для всех рейтингов остается на уровне стабильного. Как отмечается в пресс-релизе агентства, повышение рейтингов России обусловлено несколькими годами значительного экономического роста. Это привело к улучшению большинства ключевых экономических показателей.

По мнению экспертов Moody's, благоприятное влияние на рейтинги оказывают также рост золотовалютных резервов России и значительное сокращение внешних обязательств. Некоторые долговые обязательства были погашены досрочно. Кроме того, была зарезервирована часть средств для проведения «пиковых» платежей.

По мнению агентства, запланированные структурные реформы естественных монополий в банковском секторе и секторе государственной службы, вероятно, столкнутся с сопротивлением. Как из-

4 Заказ 5080

вестно, Россия имеет долгую историю правительственных инициатив, которые были отвергнуты или подорваны на региональном уровне[1].

Ведущие рейтинговые агентства мира чутко реагируют на современные изменения в российской экономике. В июле 2004 г. агентство Standard & Poor's подтвердило долгосрочные кредитные рейтинги Российской Федерации: «BB+» – по обязательствам в иностранной валюте и «BBB-» – по обязательствам в национальной валюте. Одновременно Standard & Poor's подтвердило и краткосрочные суверенные рентинги: «B» – по обязательствам в иностранной валюте и «A-3» – по обязательствам в национальной валюте, а также рейтинг «ruAA+» – по национальной шкале. Прогноз по-прежнему остается на уровне стабильного. «Уровень рейтингов поддерживается благодаря продолжающемуся улучшению показателей внешней ликвидности и внешней задолженности, – отметила кредитный аналитик Standard & Poor's Хелена Хессел. – Благодаря высоким ценам на нефть показатели баланса бюджета и торгового баланса, по всей видимости, будут улучшаться и в дальнейшем», – добавила г-жа Хессел[2].

Хотя устойчивые финансовые показатели государственного сектора и внешней ликвидности не компенсируют затягивания реформ в налогово-бюджетной, институциональной и административной сферах, они позволяют правительству лучше преодолевать сложности и быть менее уязвимым к таким ситуациям, как возникшая летом 2004 г. нестабильность в банковском секторе или влияние на рынок расследования по делу ОАО «НК ЮКОС».

Standard & Poor's отметило, что отток депозитов из ряда частных банков не должен спровоцировать дальнейшего углубления кризиса. Центральный банк Российской Федерации принял необходимые меры по снижению резервных требований с 7 до 3,5%, чтобы решить проблему с ликвидностью в банковском секторе. Ожидается, что большая часть депозитов останется в банковской системе, но постепенно перетечет из частных банков в государственные, за счет чего рыночная доля последних увеличится. «С учетом текущего уровня суверенного кредитного рейтинга российский банковский сектор достаточно невелик и не представляет существенного условного финансового обязательства для правительства, хотя текущие проблемы в полной мере отражают сложности, которые испытывает банковский сектор, нуждающийся в консолидации, в то время как процедуры страхования частных вкладов еще не вступили в действие», – добавляют аналитики агентства.

Standard & Poor's полагает, что темпы роста российской экономики в 2004 г. составят почти 7% за счет резкого роста экспорта металлов и энергоносителей, поступления от которых стимулируют рост выпуска продукции в других отраслях промышленности и в строительстве. Взвешенная бюджетно-налоговая политика, проводимая правительством, укрепила доверие инвесторов, что в свою очередь способствовало экономическому росту. Однако уровень рейтингов продолжает определяться высокой зависимостью российской экономики от сырьевого сектора.

Преодолению структурных и политических изъянов могло бы способствовать эффективное проведение на практике запланированных правительством реформ. При этом существует риск, что, несмотря на заявления правительства, высокая социальная цена намеченных преобразований, а также сопротивление ряда групп интересам в промышленных кругах и в государственном секторе замедлят темпы реформ. Как считают в агентстве Standard & Poor's, в конечном счете негативное влияние нестабильности на российском банковском рынке и дела ЮКОСа уравновешивается сильными позициями страны в сфере внешней ликвидности и возросшей гибкостью налогово-бюджетной системы.

Другое известное рейтинговое агентство – «Fitch» также подтвердило в августе 2004 г. для России долгосрочный рейтинг «BB+» как свидетельство стабильности экономики страны. Эта оценка, по мнению агентства, основана на устойчивом и высоком экономическом росте в стране, на показателях профицита госбюджета и увеличении золотовалютных резервов России. Однако «Fitch» отмечает и ряд тревожных тенденций: структурную несбалансированность роста, чрезмерную зависимость экономики от поло-

---

[1] www.ratingsdirect.com; www.standardandpoors.ru
[2] www.ratingsdirect.com; www.standardandpoors.ru

жения дел в энергетическом секторе, относительно низкую активность национальных инвесторов[1].

На эти же недостатки, а также на снижение конкурентоспособности российской экономики из-за кризиса в обрабатывающем секторе указывают и российские исследователи[2]. Новая ситуация, сложившаяся как внутри России, так и за ее пределами, требует нового осмысления конкурентоспособности – сложной и многогранной, являющейся сегодня по существу ключевой в экономической стратегии любой страны, не говоря уже о России. Эта категория требует и более четкого формулирования самого этого понятия, и выработки соответствующей системы показателей и оценок, позволяющих адекватно ее описывать, отслеживать ее изменения на всех уровнях экономического анализа и осуществлять корректировку выбранного курса.

Наиболее важной является концептуальная конкурентоспособность, которая по существу означает правильный выбор пути, наиболее верную траекторию развития национальной экономики. Обладать концептуальной конкурентоспособностью означает не просто осмысленно работать на мировом рынке, хорошо представляя себе интересы партнеров и конкурентов, но и знать пути максимально эффективной реализации своих фундаментальных специфических конкурентных преимуществ (как реальных, так и потенциальных).

На этом пути важно отойти от привычных шаблонов и моделей промышленного развития страны, выстраиваемых формально, без надлежащего учета специфики современного и будущего развития как глобальной экономики в целом, так и сопряженных регионов, включающих страны-партнеры, близкие по географическому, экономическому и геополитическому признакам.

В ближайшее время стране предстоит решить важнейшие вопросы концепции своего будущего развития: строить ли ей полуавтократичную «континентальную экономику» или в условиях открытого национального рынка (и тем более предстоящего вступления в ВТО) выстраивать более сложную конфигурацию, сочетающую обеспечение определенной самодостаточности с активным вовлечением ее национального хозяйства в международное разделение труда.

Предложения по оценке конкурентоспособности

В этой связи весьма продуктивными, на наш взгляд, можно считать попытки интегральной количественной оценки конкурентоспособности российской экономики на базе комбинированного применения методов количественной и экспертной характеристик экономических процессов с выходом на интегральные показатели.

Пример таких исследований дает разработка учеными Института международных экономических и политических исследований РАН (ИМЭПИ РАН) методики сопоставления результатов рыночных преобразований в переходных экономиках, осуществленная ими еще в конце прошлого десятилетия. Как отмечают авторы методики, за годы экономической трансформации получены результаты, неоднозначно оцениваемые теперь различными исследователями. Еще сложнее определить, какая из стран максимально приблизилась к поставленным в начале реформ целям. Ощущается насущная необходимость количественного сопоставительного анализа, который позволил бы на основе некоего интегрального показателя выделить различные модели перехода, государства-лидеры, наиболее преуспевшие в трансформации.

Для этой цели ИМЭПИ РАН разработал свой оригинальный индекс (в дальнейшем – индекс ИМЭПИ)[3]. Он призван отразить сравнительное продвижение различных стран (в том числе – России) по пути реформ в свете экономических и социальных итогов преобразований. Прежде чем приступить к описанию построения индекса и выводов, полученных на основе его применения, отметим ряд объективных трудностей, связанных с его конструированием.

Сложно назвать априори группу показателей, адекватно отражающих резуль-

[1] www.ratingsdirect.com

[2] Например, член-корреспондент РАЕН М. Гельвановский (www.ptechnology.ru)

[3] Подробно методика расчета индекса и первые результаты ее применения приведены в журнале «Мировая экономика и международные отношения» М., 2000, № 9, стр. 37–44

таты трансформации. Еще сложнее определить «веса», характеризующие важность избранных показателей. Поэтому наиболее приемлемым нам представляется в данном случае метод экспертных оценок. Он позволяет решить поставленные задачи, опираясь на мнение специалистов в соответствующих областях экономической науки.

На первом этапе в сферу рассмотрения из-за дефицита информации были включены не все переходные экономики. Основное внимание уделялось странам ЦВЕ, ряд из которых можно было заранее определить как лидирующие. При этом только часть стран по исходным условиям и всему ходу трансформации представлялись схожими с Россией. По государствам СНГ возникали объективные трудности в части получения достоверной статистической информации для сопоставлений. Поэтому из их числа для сравнения с Россией изначально была избрана только Украина как испытавшая во многом сходные последствия рыночной трансформации при аналогичных проблемах.

В итоге для анализа были выбраны девять стран, семь из которых относятся к региону ЦВЕ (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Румыния, Болгария), а две входят в состав СНГ (Россия и Украина). Рассмотрим, как практически создавался показатель сопоставления результатов трансформации, который можно считать и индикатором конкурентоспособности национальных экономик.

Методология расчета индекса ИМЭПИ была построена на основе применения метода экспертных оценок с ранжированием показателей по их значению. Его расчет проводился следующим образом.

А. Были составлены анкеты, включающие около 30 показателей, характеризующих социально-экономическое развитие страны. Респондентам предлагалось выбрать 10 индикаторов, наиболее адекватно, по их мнению, отражающих результаты продвижения по пути преобразований, и проранжировать их по степени значимости. Предлагалось добавлять и собственные варианты основных показателей.

Первоначальный список показателей строился таким образом, чтобы охватить возможно большее число сфер и аспектов экономической деятельности. В него вошли индикаторы развития реального сектора, ценовой и денежно-кредитной сферы, внешнеэкономической деятельности и некоторые другие. Анкеты распространялись среди ученых, специализирующихся на анализе развития стран с переходными экономиками и на методах статистических исследований. В опросе приняли участие ученые из ИМЭПИ РАН, ИМЭМО РАН, экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, МГУ ЭСИ, Статкомитета СНГ, фонда «Реформа».

Б. При обработке результатов анкетирования каждому индикатору, стоявшему на первом месте по значимости, присваивалось 10 баллов, на втором месте – 9 и т. д. Затем результаты по всем анкетам суммировались. Таким образом, были выявлены десять показателей, набравших наибольшее количество баллов.

1. Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения (по паритетам покупательной способности валют) – 184 балла.
2. Динамика валового внутреннего продукта в реальном выражении – 165.
3. Динамика валовых инвестиций – 115.
4. Уровень реальной среднемесячной заработной платы – 109.
5. Динамика промышленного производства – 101.
6. Динамика производительности труда в экономике – 79.
7. Уровень безработицы – 83.
8. Динамика розничных цен (измеренная по индексу потребительских цен) – 79.
9. Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении – 76.
10. Объем внешнего долга на душу населения – 71.

В. Следующим шагом стало составление таблиц значений каждого из показателей за 1991–1998 гг. для девяти рассматриваемых государств. Ряд показателей был уточнен. Так, динамика ВВП, промышленного производства, валовых инвестиций и агрегированной производительности труда рассчитывалась за каждый год в процентах от уровня 1990 г. Для индекса потребительских цен использовались темпы роста за отдельный год. Это объясняется тем, что для ценовой сферы более важным представляется отслеживание ее текущего состояния, тогда как результат развития реального сектора целесообразно оценить относительно

определенного первоначального уровня (в данном случае – 1990 г.). Заметим, что и этот уровень (по сравнению с предшествующим «пиком») был разным у отдельных государств. Но всех их объединяло наличие экономического спада той или иной степени глубины.

По ряду показателей были взяты значения за меньшие временные интервалы: ВВП по паритету покупательной способности валют (ППСВ, 1991–1996 гг.), средняя продолжительность жизни населения (1992, 1994, 1995 и 1997 гг.) и величина внешнего долга на душу населения (1992–1997 гг.). Подобная ситуация объяснялась неполнотой данных по всему рассматриваемому периоду и, на наш взгляд, не оказала существенного влияния на итоговую картину, поскольку два первых индикатора достаточно стабильны в относительном выражении (по странам) на коротких временных отрезках.

Для каждого года по всем выделенным показателям были рассчитаны ранги отдельных государств, исходя из «положительного» значения измеряемой величины: первому месту соответствовал ранг, равный 9, второму – 8 и т. д. Эти значения по определенному показателю складывались, и итоговая сумма умножалась на вес данного показателя (количество баллов по итогам экспертной оценки). По полученным величинам и шло ранжирование девяти стран на основе описанной выше процедуры.

Г. Наконец совокупный индекс исчислялся путем перемножения ранга страны в каждой из таблиц (от 1 до 9) на вес соответствующего показателя, выраженный в долях от 1 (количество баллов, набранное им при анкетировании, деленное на сумму баллов по всем десяти рассматриваемым индикаторам). В дальнейшем девять государств ранжировались по значению совокупного индекса. Чем оно больше, тем значительнее успехи данной страны относительно остальных в осуществлении ею социально-экономической трансформации.

В итоге индекс ИМЭПИ может принимать значения от 1 до 9, отражая сравнительное продвижение страны по пути перехода к рынку, конкурентоспособность ее экономики с точки зрения десяти основных социально-экономических индикаторов, выявленных с помощью экспертных оценок.

Рассмотрим воздействие отдельных показателей на интегральный индекс.

1. ВВП на душу населения и динамика ВВП.

Начнем с двух показателей, имеющих наибольший вес в выделенной десятке. Это индикаторы, относящиеся к категории валового внутреннего продукта: ВВП на душу населения, рассчитываемый в долларах США по паритету покупательной способности валют (в качестве эталонной страны берется Австрия), и динамика реального ВВП в процентах к уровню 1990 г. Их удельный вес составляет соответственно 0,173 и 0,155, то есть в сумме на них приходится почти треть значения интегрального показателя.

Первый из них в значительной степени зависит от уже достигнутого за длительный период уровня социально-экономического развития. Однако стремительные изменения в период трансформационного кризиса и последующего роста привели к сдвигам в относительных значениях показателя *(таблица 1 приложения)*. Так, Польша, имея в 1991 г. ранг 2, то есть занимая вторую с конца позицию из девяти стран, благодаря значительным темпам экономического роста уже в 1994 г. достигла ранга 5, сохранявшегося до 1996 г. Снижение темпов экономического развития в ряде стран вызвало падение их ранга: России – с 6 до 3, Болгарии – с 4 до 2 и Украины – с 3 до 1. Абсолютный разрыв по значению ВВП на душу населения в 1996 г. между первым и девятым местами был более чем 5-кратным, тогда как в 1991 г. он составлял 2,4 раза. Группа лидеров, включающая Словению, Чехию и Словакию, оставалась устойчивой на протяжении всех лет, подтверждая тезис о значении предшествовавшей траектории развития.

Еще более динамичным индикатором выступает экономический рост в реальном выражении. Наибольшие изменения вызвал пик трансформационного спада, пришедшийся в большинстве стран на 1991–1993 гг. Положение, сложившееся к 1993–1994 гг., практически не изменялось на следующей стадии перехода. Сдвиги привнес 1998 г., связанный с падением темпов роста под влиянием финансового кризиса на развивающихся рынках. Если Польша в 1998 г. превысила реальную величину своего ВВП в 1990 г. на 32%, то ВВП России сократился на 42, а Украины – на 60%.

Охарактеризуем итоговое положение стран по двум анализируемым индикаторам с точки зрения построения интегрального показателя. Группы лидеров в двух случаях несколько разнятся. Для показателя ВВП на душу населения ведущими странами являются Словения, Чехия и Словакия, тогда как для показателя темпов роста ВВП – Польша, Словения, Чехия. Аутсайдеры в первом случае – Украина, Болгария, Румыния, а во втором – Украина, Россия, Румыния. Тем не менее уже можно выделить две группы, одна из которых больше преуспела на пути преобразований (Словения. Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), а другая – меньше (Румыния, Болгария, Россия, Украина). Однако интересно проследить, не дают ли иные показатели существенных отклонений от первоначально полученного вывода.

2. Показатели реального сектора экономики.

Следующую группу индикаторов можно условно назвать относящейся к реальному сектору экономики. Она включает в себя показатели валовых инвестиций и динамики промышленного производства (% к уровню 1990 г.), занимающие 3-е и 5-е места соответственно с весами 0,108 и 0,095. Если четверки лидеров в обоих случаях совпадают, хотя страны в них и меняются местами (Польша, Словения, Венгрия, Чехия), то среди аутсайдеров есть некоторые отклонения. Словакия попадает в их число по показателю валовых инвестиций (ее итоговый ранг равняется 3), тогда как в Украине сравнительно благополучно обстоит ситуация с промышленным производством (итоговый ранг – 4). К аутсайдерам примыкают Россия и Болгария.

3. Показатели социального развития.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют индикаторы, отражающие социальные итоги преобразований. По мнению многих ученых, именно они являются ключевыми в характеристике результатов трансформации. В нашем случае к ним отнесены реальная заработная плата (4-е место), уровень безработицы (6-е), средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (9-е). Последний показатель лишь частично определяется социально-экономическим развитием, а в остальном находится в зависимости от сугубо демографических тенденций. Однако в международной практике он входит в число трех составляющих индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) наряду с ВВП на душу населения и уровнем образования населения в стране.

Совокупный удельный вес трех «социальных индикаторов» составляет 0,2524, то есть лишь немногим выше четверти. Это стало неожиданностью для разработчиков интегрального индекса ИМЭПИ, так как первоначально предполагалась большая их значимость.

Известно, что заработная плата в период перехода к рынку начинает играть сравнительно меньшую роль, все больше увеличивается влияние других источников дохода для населения. Поэтому более логичным представлялось бы использование показателя реальных денежных доходов. Однако по нему достаточно сложно получить развернутые и главное – достоверные статистические данные. В 1998 г. лишь в трех странах значение среднемесячной реальной заработной платы превысило уровень 1990 г. К их числу относятся Польша, Словения и Чехия. Именно они и заняли три первых места по итоговому значению показателя. В тройку аутсайдеров вошли Украина, Россия и Болгария, где ситуация в 90-е годы прошлого века складывалась катастрофически: уровень реальной заработной платы в 1998 г. не достигал и 40% от уровня 1990 г., то есть за девять лет произошло более чем двукратное ее сокращение.

Особый интерес представляет ситуация с распределением стран по показателю уровня безработицы. Странами-лидерами (с наименьшим уровнем безработицы) выступают Украина, Чехия и Румыния. И наоборот – в худшем положении оказываются Словения, Польша, Словакия. Иными словами, наблюдается картина, в некоторой степени обратная имеющей место по предшествовавшим индикаторам. Подобному положению вещей можно найти ряд объяснений.

Прежде всего это особенности статистического учета безработицы. Так, например, для Украины применялся регистрируемый официально показатель, тогда как для остальных стран – рассчитанный по методологии Международной организации труда. Но учет официально незарегистрированных безработных в любом случае крайне затруднен. С другой стороны – многие страны ориентировались на экономический рост на основе лишь эффективной занятости, сбрасывая избыточную

рабочую силу, накопившуюся в период плановой экономики. Поэтому Словения, Польша и Словакия при достаточно высоких темпах роста ВВП одновременно занимают последние места по показателю безработицы. Иной стратегии придерживалась Чехия, стремившаяся достичь одновременно двух целей – высоких темпов роста и низкой безработицы. В какой-то степени ей это удалось.

Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, подобно ВВП на душу населения, относится к числу достаточно стабильных на краткосрочных отрезках показателей. Но в период перехода и она испытала существенные изменения. Однако эти изменения в основном затрагивали страны, занимающие среднее положение. С 1992 по 1997 г. страны-лидеры (Словения и Чехия) и находящиеся на последних местах (Россия и Украина) оставались практически неизменными. Тем самым можно говорить о некоторой стабильной модели динамики ожидаемой продолжительности жизни в различных переходных экономиках.

4. Совокупная производительность труда.

Этот показатель можно охарактеризовать как отражающий общую экономическую эффективность процесса преобразований. Речь идет о совокупной производительности труда в экономике, получающейся из соотнесения динамики экономического роста и занятости. Здесь большую роль играют уже упоминавшиеся различия подходов к определению безработицы. Поэтому в число находящихся в зоне неблагополучия попадают страны с неблагоприятными тенденциями в области занятости (Польша, Словения, Болгария). Естественно, на последних местах оказываются страны, испытывающие проблемы с экономическим ростом и к тому же сдерживающие рост безработицы (Украина, Россия, Румыния). Сразу отметим, что, вообще говоря, достижение высокой производительности труда является лишь одной из целей развития экономики. Второй выступает так называемый трудоинтенсивный рост, в большей степени сосредоточенный на сохранении занятости.

5. Динамика розничных цен.

Сам по себе данный показатель вопреки расхожему мнению не несет непосредственно информации об успешности преобразований. Он представляет интерес с точки зрения влияния преобразований на социальное развитие и на динамику реального сектора. При высоких темпах инфляции большая часть потерь ложится на население как на конечного потребителя. Как правило, в такой ситуации динамика цен становится непредсказуемой, что ухудшает инвестиционный климат и не способствует росту производства. Однако в рамках умеренной инфляции сложно говорить о преимуществе относительно низких темпов роста цен как фактора экономической динамики. Тем не менее показатель индекса потребительских цен вошел в наше исследование с весом 0,074 и занял 8-е место.

Абсолютным преимуществом по поддержанию низких темпов инфляции обладали, по данным проведенного мониторинга, Чехия и Словакия. Дело в том, что большинство ученых сходятся во мнении, что в рамках плановой экономики бывшей Чехословакии феномен «денежного навеса» обладал сравнительно меньшей значимостью. Кроме того, в период реформ обе страны проводили достаточно жесткую политику, направленную на сдерживание роста цен. На противоположном полюсе находятся Украина и Россия, при этом первая в отдельные годы превышала порог, за которым начинается гиперинфляция. В 1998 г. лишь в России и Румынии проблема инфляции стояла достаточно остро, то есть соответствующий годовой показатель превышал 40%.

6. Внешний долг на душу населения.

Выбор данного индикатора можно объяснить тем, что он оказывает большое влияние на будущую динамику трансформирующихся экономик. Выделение именно внешнего долга связано с более жесткими условиями выплат по нему (в отличие от внутреннего). В целом его размер зависит от отношений с международными финансовыми организациями и инвестиционного климата в стране. Сравнительно лучшая ситуация складывается в Украине, Румынии и Словакии. Последняя дает пример достаточно успешного развития с опорой на внутренние силы. Противоположную модель представляют Венгрия, Словения и Болгария. Относительно благоприятное положение Польши объясняется тем, что МВФ списал ей часть долга.

Результаты применения индекса ИМЭПИ

На основе вышеизложенного можно перейти к характеристике экономического развития на основе совокупного индекса ИМЭПИ. Этот индекс получается путем сложения произведений рангов стран по отдельным показателям на веса этих показателей. Они позволяют выделить четыре ярко выраженные группы стран. В первой группе значение индекса близко к 7, и страны находятся весьма близко друг к другу: Словения (значение – 7,032), Польша (6,945) и Чехия (6,940). Указанные страны имеют тем самым наибольшие относительные достижения в социально-экономической трансформации. В них складывается благоприятная ситуация в области экономического роста (за исключением Чехии в 1998 г.), сохраняется первоначально высокий уровень экономического развития, измеряемый ВВП на душу населения (лишь в Польше, сделавшей в этой области значительный рывок, исходный уровень был относительно низок). Социальные показатели также высоки, за исключением безработицы в Польше и Словении. Таким образом, здесь происходит достаточно сбалансированное развитие наряду с постепенным и управляемым формированием институтов, свойственных рыночной экономике. Несмотря на официально провозглашенную либерализацию, была сохранена достаточная степень «градуализма», особенно в институциональных изменениях, позволившая избавиться от сильных «шоков» в процессе перехода.

Существенный отрыв от лидеров характеризует вторую группу, состоящую из двух стран: Венгрии (5,671) и Словакии (5,331). В целом результаты реформ здесь также можно считать сравнительно успешными. Но в процессе трансформации у отмеченных стран имелись узкие места. В Венгрии они были связаны с излишней до 1994 г. социальной ориентированностью, породившей бюджетный и внешнеэкономический кризисы. Жесткие меры 1995 г. позволили в большей степени приблизиться к макроэкономическому равновесию. В Словакии узкими местами стали инвестиции и безработица.

В третьей группе, куда вошли Румыния (3,929) и Болгария (3,673), период перехода проходил со значительными осложнениями, годы экономического роста сменялись тяжелыми кризисами, особенно в 1996–1997 гг. Институциональная динамика не была столь однозначно направлена к рынку. При этом Болгария отличается сравнительными успехами в области динамики инвестиций и производительности труда, а также значения средней ожидаемой продолжительности жизни, Румыния – в поддержании низкого уровня безработицы и внешнего долга на душу населения.

Четвертая группа стран, куда входят постсоветские государства, в частности Россия (2,853) и Украина (2,625), занимает последние места в рассматриваемой совокупности. Отчасти это объясняется специфическим наследием, доставшимся от бывшего СССР именно двум указанным странам. Но не следует недооценивать и характера проводившихся преобразований. С одной стороны – и на ранних этапах провозглашался крайний либерализм, с другой стороны – и его издержки впоследствии породили попятное движение. Кроме того, сложилась своеобразная система институтов, направленная на приспособление к нестабильной ситуации переходного периода.

В общем, можно признать, что индекс ИМЭПИ дает возможность проводить сравнительное исследование итогов трансформации. Одним из подтверждений результативности его применения является выделение четырех четко выраженных групп стран, состав которых в принципе совпадает с выводами других ученых и просто со здравым смыслом. Качественно новый момент предложенной методики – комплексная количественная оценка итогов перехода к рынку.

Тем не менее разработанный в ИМЭПИ РАН показатель не претендует на абсолютную точность, особенно с позиций конкурентоспособности национальных экономик, хотя и оценивает ее косвенно. Не случайно в наборе показателей отсутствуют традиционные для оценки собственно рыночной трансформации: рост доли частного сектора, привлеченные иностранные инвестиции, дефицит госбюджета и т. п. Но он представляет, на наш взгляд, научную ценность хотя бы в силу того, что служил практически первой попыткой интегрально оценить трансформацию экономики в постсоциалистических странах.

После первичного конструирования описанного индекса и его апробации по результатам экономического развития стран с переходной экономикой в последнем десятилетии прошлого века работа по сравнительной оценке итогов и факторов, определяющих хозяйственную и социальную ситуацию на постсоциалистическом пространстве, а следовательно, и сравнительную конкурентоспособность этих стран, была продолжена исследователями ИМЭПИ РАН.

С помощью интегрального индекса (который также можно назвать кумулятивным) можно рассчитать позиции стран по итогам длительного периода социально-экономической трансформации. Для оперативной, одномоментной оценки результатов экономического и социального развития стран в конкретном году нами был сконструирован так называемый текущий индекс ИМЭПИ. Его основными отличиями являются использование показателей одного (текущего) года и значения сокращенного набора показателей из числа входящих в кумулятивный индекс (динамика ВВП, промышленного производства, валовых инвестиций, реальной среднемесячной заработной платы и производительности труда), которые рассматриваются за конкретный год, а не по отношению к 1990 г. Если кумулятивный индекс интересен прежде всего с исследовательских позиций при оценке накопленных итогов процесса перехода к рынку, то текущий индекс может служить для оценки сравнительной инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности той или иной страны в настоящий период времени.

Наряду с кумулятивным, как уже отмечалось, рассчитывается и текущий индекс ИМЭПИ, который отражает изменения соответствующих показателей социально-экономического развития за конкретный год. Исходя из его природы, он является гораздо более динамичным и привязанным к реалиям существующей хозяйственной конъюнктуры. Его значения приведены в приложении.

Нетрудно заметить, что по значениям текущего индекса ИМЭПИ конкурентные позиции России в группе стран с переходной экономикой существенно лучше, чем по кумулятивному индексу. Это является следствием прежде всего высокой динамики экономического роста в стране в 2002–2003 гг. и подобная картина прогнозируется нами также и на 2004 год. Оценивая ситуацию, сложившуюся в 2003 году, отметим, что Россия заняла первое место по темпам роста производительности труда в экономике и второе – по динамике ВВП (среди рассматриваемых стран). Слабым местом российской экономики остаются относительно высокие темпы инфляции (предпоследнее место в 2003 г.).

Из вышеприведенных данных следует, что по накопленным итогам развития экономики и ее рыночных преобразований Россия пока все еще отстает от восточно-европейских государств, незначительно опережая Украину. Это, естественно, нельзя считать полноценной характеристикой сравнительной конкурентоспособности ее экономики, учитывая разницу в ресурсных, кадровых, технологических потенциалах стран, но дает определенную пищу для размышлений.

В целом приведенная выше методика расчета индекса ИМЭПИ и результаты, полученные на ее основе, с точки зрения поставленной задачи – оценки конкурентоспособности российской экономики в мировом масштабе не представляются нам достаточными, так как ориентированы на локальный аспект – сравнительную характеристику транзитных экономик. Особенно важен этот подход для оценок конкурентоспособности стран СНГ. Хотя для квантифицирования конкурентоспособности государств постсоветского пространства, на наш взгляд, целесообразен несколько иной набор критериев и показателей, включающий в себя уровень ресурсообеспечения, зависимость экономик от внешних факторов, емкость внутреннего рынка и пр. В итоге сам принцип сочетания количественных оценок и экспертных для выявления интегрального показателя представляется нам весьма перспективным для нужд научного анализа.

Естественно, для оценок конкурентоспособности российской экономики в общемировом масштабе необходим дополнительный инструментарий.

Заключение

Проблема конкурентоспособности российской экономики является, на наш взгляд, многоплановой, то есть существуют теоретические и практические ее аспекты. В частности, применительно к отраслевой структуре экономики России

можно согласиться с мнением ряда исследователей, которые вполне справедливо отмечают, что торговля природными ресурсами – весьма пассивная и крайне уязвимая экспортная ниша, чрезвычайно чувствительная к динамичной ситуации на мировом рынке и к разнообразным формам воздействия извне (например для «рыночного эмбарго») и потому вряд ли может считаться приоритетной на долгое время. В современных условиях нехватки ресурсов для внутреннего потребления развитие этого вектора выглядит уже весьма парадоксальным.

В последние годы в России обозначился другой крайне неординарный вектор развития экономики – развертывание так называемого финансового сценария, превращение ее в стабильного нетто-экспортера капитала во внешний мир. В целом это направление носит, на наш взгляд, прямо противоположный национальным интересам страны характер. В результате такого развития сегодня уже вполне отчетливо обозначилась перманентная долговая зависимость страны с постоянно маячащей угрозой национального банкротства.

Наиболее перспективной и продуктивной сегодня выглядит такая стратегия развития страны, которая смогла бы наилучшим образом использовать такое фундаментальное специфическое конкурентное преимущество, как ее нестандартность, которая упорно и постоянно проявляется на протяжении всей истории страны – оригинальная, творческая мысль, часто опрокидывавшая, казалось бы, незыблемые клише и стереотипы. Возможно, именно здесь, по мнению ряда исследователей, таится глубинная особенность не только национального характера, но и национальной экономики.

В XX в. эта специфическая черта обеспечила создание и развитие в России-СССР феномена гигантского военно-промышленного комплекса (ВПК), который позволил реализовать ряд современных высокотехнологичных проектов: в областях ядерной энергетики, космонавтики, современного авиастроения, специальной металлургии и материаловедения и т. п.

Другими словами, по нашему мнению, главный и магистральный путь конкурентоспособного развития России – использование ее уникального инновационного потенциала.

Наиболее важными направлениями реализации подобной стратегии представляются следующие:

- поддержание и развитие в российском обществе инновационного духа, придание ему стратегического характера, сохранение оригинальной творческой, научной, культурной среды и развитие ее инфраструктуры;
- формирование соответствующей ниши для России в новой глобальной системе разделения труда, обеспечивающей ей стратегическую основу для взаимовыгодных связей с зарубежными партнерами;
- активное участие в развивающемся процессе мировой информационной революции;
- создание максимально благоприятных условий для интеллектуального творчества, активного проявления возможностей российского творческого капитала.

Примерно те же «дефекты конкурентоспособности» экономики России частично отражены и в официальных документах правительства РФ, например, в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 гг.), раздел 2.2. «Конкурентная политика». Здесь, однако, речь идет больше о мерах по созданию внутренних условий для добросовестной конкуренции, чем о конкурентоспособности России как субъекта мирового хозяйства. Эта тематика разнесена по другим разделам программы, что, на наш взгляд, идет в ущерб целостности государственной политики в данном вопросе.

Россия, по нашим оценкам, является в принципе вполне конкурентоспособной в рамках глобализирующейся мировой экономики. Вопрос состоит, во-первых, в реализации ее конкурентных преимуществ путем осуществления целенаправленной государственной политики. Во-вторых, необходима система критериев и показателей, позволяющих оценить конкурентоспособность России как субъекта мирового хозяйства адекватно современному этапу его развития. Некоторые методологические рекомендации на этот счет были сделаны авторами выше.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проекты 04-02-00131а и 03-02-00114а

Владимир ИГНАТОВ, Александр ПОНЕДЕЛКОВ

ПРОФСОЮЗЫ И ДЕМОКРАТИЯ: ОПЫТ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Сегодня профсоюзы России переживают непростую ситуацию. Ранее устойчивый социальный статус единственной организации, живущей интересами трудящихся, претерпел серьезные изменения.
На месте единых профсоюзов возникло большое количество независимых, альтернативных, свободных, локальных, профессиональных организаций. Сегодня в нашей стране действует более 100 профсоюзов. Какое же место они занимают в современном российском обществе? Какова их роль в процессах развития демократизации общественной и производственной жизни, становлении гражданского общества? В чем причина невысокого рейтинга профсоюзов как защитников прав наемных работников: в российском законодательстве или в слабости самих профессиональных союзов? Почему у многих трудящихся бытует неверие в силу профсоюзов?

Эти и многие другие вопросы были в центре внимания участников российско-германской научно-практической конференции «Профсоюзы и демократия: опыт России и Германии» (30 сентября – 2 октября 2004 года), проведенной Северо-Кавказской академией государственной службы совместно с Фондом имени Фридриха Эберта (Германия). Более ста функционеров районных, городских, региональных и федеральных профсоюзных объединений юга России, руководителей и специалистов администраций южнороссийских субъектов РФ, ученых Германии, Москвы, Ростова-на-Дону и других научных центров России проявили интерес к вынесенной на обсуждение проблеме, прислали тезисы выступлений и приняли участие в дискуссиях. Продуктивность конференции была предопределена не только представительством ученых и практиков, но и актуальностью ее темы, широким тематическим спектром докладов и выступлений. Тезисы докладов и выступлений были опубликованы в сборнике накануне конференции, что позволило вести дискуссии, не повторяя написанное и зная, о чем будут вести разговор другие участники.

Многие выступающие высказывали удовлетворение тем, что государственный вуз, готовящий профессиональных чиновников, поднял вопрос о повышении роли профсоюзов в современном российском обществе.

Дискуссионный характер обсуждения вопросов был задан докладчиками на пленарном заседании: ректором Северо-Кавказской академии государственной службы, профессором В. Г. Игнатовым, председателем избирательной комиссии Ростовской области, канд. юрид. наук Юсовым С. В., секретарем Федерации независимых профсоюзов России, представителем ФНПР в Южном федеральном округе Величко А. В., Дитером Шульте – зам. председателя Фонда имени Фридриха Эберта (Германия), экс-председателем объединения немецких профсоюзов (кстати, его выступления на пленарном заседании, в ходе дискуссий и на заседаниях

ИГНАТОВ Владимир Георгиевич – д. э. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор СКАГС

ПОНЕДЕЛКОВ Александр Васильевич – д. п. н., профессор проректор СКАГС

«круглого стола» вызывали неизменный интерес и большое количество вопросов), профессора РЮИ СКАГС Бердычевского В. С. (Ростов-на-Дону), главного советника аппарата полномочного представителя президента РФ в Южном федеральном округе Попова С. И. (Ростов-на-Дону), депутата Государственной думы РФ, зам. председателя Независимого профсоюза горняков Бадалова Р. М. (Москва), кандидата эконом. наук, доцента Академии труда и социальных отношений, зав. отделом ФНПР по взаимодействию с Федеральным собранием РФ Кузьмина Н. Н. (Москва) и др.

Выступавшие, указав на наличие опыта в решении вынесенных на обсуждение вопросов и проблем, были единодушны в том, что конференция приобретает особый смысл и значение в современных условиях, в связи с конкретными шагами, предпринимаемыми в нашей стране по усилению общественного влияния на государственные структуры, по формированию российского гражданского общества, важным элементом которого являются профсоюзы.

Активное обсуждение поднятых в докладах проблем состоялось в процессе дискуссий на тему «Место профсоюзов в формировании структур гражданского общества в России. В какой степени профсоюзы способны и готовы взять на себя функцию лоббистов интересов наемных работников?» и «Профсоюзы и современная политика: потенциал влияния, возможности и пути поиска консенсуса», а также на заседаниях выездного «круглого стола» «Профсоюзы и власть: взаимодействие и проблемы».

В фиксированных выступлениях и в процессе обмена мнениями были высказаны самые различные, порой противоположные точки зрения по теоретическим и практическим проблемам. Причем в высказываниях профсоюзных работников преобладали позитивные оценки деятельности профессиональных объединений, реже речь шла о нерешенных вопросах и лишь изредка звучал анализ упущений и недоработок, их причин и предлагались пути разрешения имеющихся противоречий. В то же время (и это очень важно) в их выступлениях и опубликованных материалах содержится богатый опыт развития производственной демократии, правозащитной деятельности, организации протестных выступлений, взаимодействия с работодателями и органами власти.

Научное осмысление проблем развития профсоюзного движения было представлено в выступлениях и материалах ученых вузов и НИИ.

Так, профессор Ставропольского госуниверситета Новикова О. С., раскрывая тезис «Гражданское общество – общество самоорганизующееся», обратила внимание на то, что в России самоорганизация и реструктурирование шло путем создания различных корпораций, которые в области трудовых отношений обусловили создание новой трудовой этики, новых профессиональных групп, созданных по инициативе самих людей (в их числе и профсоюзы), способных предотвратить эгоистические экономические интересы отдельных корпоративных структур.

Гражданское общество неразрывно связано с социальным партнерством, помогающим снимать напряжение между разными социальными группами, согласовывать позиции с властью при отстаивании интересов работников перед работодателем. Профессор Уколов В. Ф. (РАГС) и профессор Понеделков А. В. (СКАГС) считают, что в обеспечении социального партнерства призван сыграть важнейшую роль профсоюз как независимая, общенациональная, многофункциональная общественно-политическая организация, выражающая разные общегражданские интересы, объективно ориентированная на поиск социального консенсуса между обществом, бизнесом и властью.

Профессор Российского государственного гуманитарного университета Матвеев Р. Ф. (Москва) обратил внимание на расширение функций профсоюзов. В большинстве стран Западной Европы, где эти организации не только добились повсеместного заключения коллективных договоров, но и распространили практику свободных договоров и на другие области общественной жизни, они играют активную роль не только в сфере социально-трудовых отношений, но и в области развития демократии, в том числе и в политических вопросах.

Существенное замечание сделали доцент СКАГС Мархгейм М. В. (Ростов-на-Дону), ст. преподаватель филиала

СКАГС Валуйская А. А. (Пятигорск). Отметив, что одной из характеристик деятельности профсоюзов является правовая деятельность, которая основана на нормах права и обеспечивается правовыми гарантиями, признанными государством и обществом. Для ее осуществления профсоюзы используют представительскую функцию, которая выражается в представлении интересов работников на всех этапах правового регулирования труда: участие в нормотворчестве, профилактика трудовых правонарушений, защита незаконно нарушенных трудовых прав работников, принятие мер по привлечению к ответственности работодателей виновных в таких нарушениях.

Сравнительный анализ положения профсоюзов в системе гражданского общества в Германии и России был дан в выступлениях профессора СКАГС С. А. Кислицына (Ростов-на-Дону), представителей Германии Дитриха Шульте и Маттеса Бубе, проф. Матвеева Р. Ф. (Москва). Они отметили, что в Германии, других странах Западной Европы с мощным рабочим движением сложились профсоюзы, являющиеся влиятельными и самостоятельными организациями, играющими активную роль не только в сфере социально-трудовых отношений, но и в области демократии, в создании организаций, учреждений, структур, традиций, имеющих ярко выраженный социальный характер. Этот опыт, адаптированный к российским условиям, по их мнению, может быть полезен и нашей стране.

Несколько в ином ракурсе рассмотрена эта проблема доктором социологических наук Смоленским М. Б. (СКАГС Ростов-на-Дону). Тема его выступления «Профсоюзы – институт гражданского общества (проблемы становления в России»). Охарактеризовав гражданское общество как «необходимый на определенном этапе развития человечества рациональный способ сосуществования людей, основанный на разуме, свободе, праве, демократии, экономической стабильности при разумно необходимом вмешательстве государства», он в качестве основной, ограниченной функции профсоюзов выделил защиту экономических интересов рабочих и служащих. В этой связи он раскрыл отличительные черты профсоюзов как ассоциации гражданского общества.

Продолжая обсуждение темы, доценты СКАГС Овакимян М. А. и Кюрджиев С. П. (Ростов-на-Дону) рассмотрели вопрос о месте профсоюзов в системе формирования структур гражданского общества и развития демократии в России. Они обратили внимание на то, что российские профсоюзы, будучи независимыми от органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, работодателей, политических партий, сами вырабатывают и реализуют формы и механизмы участия населения в управлении современным государством, способствующие формированию у наемных работников понимания своей реальной роли в осуществлении конституционного положения о том, что народ является главным источником власти.

На конкретных примерах из жизни своей республики показал место и роль профсоюзов в формировании структур гражданского общества в многонациональном специфическом регионе зам. председателя Федерации профсоюзов Республики Дагестан Билалов М. И.

Значительное место в дискуссии занял обмен мнениями по поводу правозащитной миссии профсоюзов, их способности выражать и защищать интересы людей, работающих по найму и составляющих большинство населения. Выступление лидера кубанских профсоюзов – председателя Краснодарского краевого совета профсоюзов Чумаковой О. М. развернуло обсуждение проблемы в более узкую тематическую нишу – всестороннее рассмотрение деятельности профсоюзов по защите социально-трудовых прав и законных интересов граждан. Главный правовой инспектор Федерации профсоюзов Кабардино-Балкарской республики Маирова П. М. (Нальчик) раскрыла содержание правозащитной функции профсоюзов, предметом рассуждений канд. юрид. наук Гаркуши П. И. явились правовые основы деятельности профсоюзов по защите интересов работников, зам. председателя Карачаево-Черкесского республиканского объединения организаций профсоюзов Керчелаева Н. П. (Черкесск) осветила практику и проблемы осуществления правозащитной миссии профсоюзов, анализу практической деятельности профсоюзных организаций по защите интересов работников было посвящено

выступление председателя Ростовской областной организации профсоюза работников госучреждений и общественного обслуживания Щербаченко Т. В.

В этих и многих других выступлениях отмечалась недостаточность правозащитного опыта российских профсоюзов в условиях трансформации экономических и политических отношений, установления господства рынка.

Еще недавно, в советское время профсоюзы были частью системы государственного управления и в этом качестве выполняли функции социального обслуживания, а также роль медиатора между работниками и властями. Они были не социальным субъектом в системе трудовых отношений, а в некоторых случаях – посредниками, в некоторых – элементом государственного аппарата.

Политические и социально-экономические реформы привели к объективной необходимости изменений функций профсоюзов: появилась потребность в институтах, представляющих и защищающих интересы наемных работников в отношениях с работодателями и правительством.

Чтобы быть субъектами социального действия, способными влиять на общественно значимые события, профсоюзы должны были на ходу перестраивать свою организованную структуру и формировать осознанное членство в ней, доверие к лидерам, повышать способность структуры формулировать и реализовать цели своего социального слоя, иметь набор инструментов, социальных технологий для реализации целей и т. д.

Не всегда эти процессы шли гладко. Но независимые профсоюзы как наиболее массовые общественные объединения, профессионально защищающие профессиональные интересы работников, состоялись.

Многие из них активно используют свои правомочия и возможность в деятельности по защите трудовых прав рабочих и служащих. В выступлениях проф. Бердычевского В. С., секретаря ФНПР Величко А. В., проф. Агапонова А. К., проф. Понеделкова А. В., препод СКАГС Харченко Л. И. и др. приводились данные, подтверждающие этот тезис.

Профсоюзы, работающие в гуще трудового народа, по определению обязаны быть не только активной, организованной частью российского гражданского общества, но и призваны возглавлять выступления работников в защиту своих прав и законных интересов.

По мнению выступавших среди форм и методов, используемых профсоюзами в качестве акций протеса, оказывающих заметное воздействие на органы власти и работодателей, наиболее активно использовались в южнороссийских регионах пикеты, митинги, коллективные обращения и заявления в адрес руководства страны и регионов. Только в регионах юга России в 2004 г. работники бюджетной сферы провели шествия и митинги в 5 городах и районах Ростовской области (7000 чел.), 11 городах и районах Кабардино-Балкарии (4000 чел.), 5 городах и районах Астраханской области (1000 чел.), в Северной Осетии-Алании в акциях протеста приняли участие 12 тыс. чел. Протестуя против решения правительства РФ по федеральному бюджету 2004 г., в Краснодарском крае 88 960 учителей не вели часовой урок, в Ростовской области – 1400 учителей. В первомайских мероприятиях 2004 г. под лозунгом «Достойная заработная плата – путь к преодолению бедности» приняли участие более 333 000 работников Южного федерального округа. Эти и многие другие выступления возымели действие. В Адыгее, Астрахани, Волгограде, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Северной Осетии-Алании и других регионах прошли переговоры участников акций протеста с руководством субъектов Федерации, после которых был осуществлен ряд неотложных мер.

Вместе с тем профсоюзы, организуя протестное движение, сами нередко выполняют роль трансформатора, понижающего уровень избыточного социально-психологического напряжения, вводя его в организованное русло переговоров, заключение соглашений и т. п.

Большинство участников конференции или в прямой постановке, или в контексте выступления обращались к вопросам развития социального партнерства (Молдованова В. М. – вице-президент КЧР, Радченко А. А. – ведущий специалист администрации Ростовской области, Чечина Т. И. – зам. председателя Федерации профсоюзов Ставропольского края, Быховенко В. С. – зам. председе-

дателя Федерации профсоюзов Ростовской области и многие другие).

И отечественная, и зарубежная практика свидетельствует о том, что система конструктивного сотрудничества профессиональных союзов и работодателей при активном участии органов власти доказала свою жизнеспособность. Система социального партнерства многоуровневая, она функционирует на федеральном, отраслевом и региональном уровнях, на уровне предприятий. Практически во всех южнороссийских регионах созданы трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений как органы, которые ведут коллективные переговоры и подготавливают соглашения и коллективные договоры, осуществляют контроль реализации достигнутых договоренностей, рассматривают другие актуальные вопросы социально-экономического характера, требующие согласованных решений и действий сторон, что позитивно влияет на социально-экономическую обстановку в регионах.

Как отмечали выступавшие, еще не везде окончательно оформилось представительство сторон, принимающих участие в процессе регулирования социально-трудовых отношений. Если с профсоюзами и органами власти никаких вопросов о легитимности их представительства не возникает, то в отношении постоянного представительства работодателей в комиссиях сложившегося мнения еще нет (несмотря на наличие в Трудовом кодексе специальной статьи 33 «Представители работодателей»). Многие объединения работодателей объединяют в своих рядах представителей отдельных групп крупного, малого бизнеса, фермеров, «отраслевиков» и т. п. Практика же востребовала объединение работодателей, способное интегрированно представлять интересы бизнеса разного уровня: крупного, среднего и мелкого. В Ростовской области таким объединением стала новая общественная организация – Союз работодателей, сплотивший в своих рядах около 3 тыс. персональных и ассоциированных членов. В Карачаево-Черкесской республике – это Союз промышленников, предпринимателей и работодателей. Подобные союзы, как правило, признаются в качестве полноправных партнеров как профсоюзов, так и администраций субъектов Федерации.

Участники конференции отмечали, что социальное партнерство на юге России набирает силу, разнообразными становятся формы и методы реализации достигнутых соглашений. Но в то же время реальность свидетельствует, что даже придя к соглашению по большинству вопросов, нельзя считать задачу выполненной. Необходимо добиваться строгого соблюдения достигнутых договоренностей: составлять и согласовывать планы мероприятий по реализации положений документа, обеспечивать жесткий контроль за выполнением всех его разделов. Только после этого соглашение да и любое другое решение можно считать вступившим в силу.

К сожалению, практика показывает, что соглашения порой слабо реализуются и являются скорее трехсторонними декларациями о намерениях, которые договорившиеся стороны не торопятся воплощать в жизнь. Соглашения пока еще не воспринимаются управляющими структурами как юридически обязательный акт, выполнение которого влечет санкции в отношении виновной стороны. Поэтому на конференции высказывалось мнение, что следует установить порядок, при котором договоренности трех сторон, достигнутые на федеральном уровне, не могут игнорироваться при заключении региональных (территориальных) соглашений, а также коллективных договоров на предприятиях.

Договорные отношения между работниками и работодателями не ограничиваются заключением соглашения, в большой степени они реализуются через коллективные договоры. Принятие Трудового кодекса дало новый импульс к качественному развитию коллективных договорных отношений на российских предприятиях. И здесь оказался весьма полезным опыт Германии и других европейских стран. О расширении договорных отношений, о возрастании значения коллективных договоров обстоятельно говорили на конференции профессор СКАГС Бердычевский В. С., доцент РГЭУ «РИНХ» Еремеева Т. А., руководители профсоюзных объединений Чумакова О. М. (Краснодар), Керчелаева Н. И. (Черкесск), Быховенко В. С. (Ростов-на-Дону), глава города Горячий Ключ Шварцман Н. И. и др.

Только в системе ФНПР коллективные договоры заключены более чем на 175 тысячах промышленных предприятий и в организациях. Сегодня, как отмечали выступавшие, задача заключается не столько в увеличении заключенных коллективных договоров, сколько в повышении их качества, правовой обоснованности, не допускающей ухудшения условий работников не столько по сравнению с трудовым законодательством, но и по сравнению с отраслевыми тарифными соглашениями.

Начавшаяся на конференции дискуссия о взаимоотношениях профсоюзов и власти нашла свое продолжение на выездном заседании «круглого стола» в г. Горячий Ключ и Туапсинском районе, где к участникам дискуссий присоединились руководители отраслевых профсоюзов Краснодарского края, Адыгеи, профсоюзных комитетов городов Горячий Ключ, Сочи, Туапсе, Новороссийска, ряда профкомов промышленных предприятий и предприятий сферы курортного обслуживания.

На «круглом столе» анализу подверглись вопросы обеспечения представительства профсоюзов в органах законодательной власти и участия в избирательном и законотворческом процессе (Юсов С. В. – Ростов-на-Дону, Кузьмина Н. Н. – Москва), использования права законодательной инициативы в Ростовской области (Бердычевский В. С.), решения проблем согласованности действий профсоюзов и власти в урегулировании социально-трудовых отношений (большинство участников конференции), подготовки, информирования и повышения квалификации профсоюзных функционеров и специалистов администраций в Ростовской и Астраханской области (Быховенко В. С., Смолко П. А.), организации деятельности трехсторонних комиссий (о чем говорили все представители региональных объединений профсоюзов и администраций субъектов РФ) и др.

Особенностью хода рассмотрения на «круглом столе» поставленных вопросов явилась «привязка» к специфике территорий, на которых шло их обсуждение, – г. Горячий Ключ и Туапсе относятся к курортной зоне с развитым туризмом. Поэтому анализ участия профсоюзов в развитии туризма, проведенный профессором Самедовым В. А. (СКАГС), подвергся активному обсуждению с участием местных профсоюзных и муниципальных работников этого южного региона, где местная власть и профсоюзы в неразрывной связи решают вопросы оздоровления российских тружеников.

Общим для выступлений на «круглом столе» было то, что все участники отмечали реальные шаги профсоюзных объединений и организаций власти навстречу друг другу, разнообразных форм взаимосвязи на пути обеспечения консенсуса в разрешении социальной напряженности, повышении роли наемных работников в обеспечении их социально-трудовых прав.

В подтверждение этого приводились убедительные примеры «встречного движения» профсоюзов и власти. Так, в Астраханской области потери рабочего времени из-за забастовок составляли в год более полумиллиона часов или 50 тыс. человеко-дней. Причем во многих случаях это объяснялось непрофессиональным подходом к разрешению конфликтогенных ситуаций, неподготовленности сторон к ведению переговоров. Администрация области приняла решение: организовать подготовку специалистов, способных выступать третьей стороной в конфликтах работников и работодателей – трудовых арбитров. В течение двух лет из числа представителей профсоюзов, работодателей, органов исполнительной власти было подготовлено 50 трудовых арбитров для всех районов области. Обученные специалисты органично влились в систему социального партнерства, получили признание в трудовых коллективах. Благодаря их участию практически все трудовые споры разрешаются на предконфликтной стадии.

В Ростовской области, Краснодарском крае и некоторых других регионах юга России профсоюзы, получив право законодательной инициативы, активно участвуют в законотворческом процессе, вносят в законодательные органы законопроекты, осуществляют экспертизу проектов законов по социально-трудовым вопросам.

Приводились и другие примеры эффективного взаимодействия профсоюзов и власти. В выступлениях отмечалось, что хотя период функционирования профсоюзов в условиях демократизации жизни и становления рыночных отноше-

ний еще краток, все же за это время профессионально окрепли кадры, среди которых большой отряд специалистов, способных на равных говорить с работниками аппаратов министерств и ведомств, с работодателями.

И все же, как показывают исследования, проведенные профессором Агапоновым А. К. (СКАГС), в 9 регионах Северного Кавказа лишь только один из четырех экспертов отмечает активизацию взаимодействия органов власти и профсоюзов.

И ученые, и практики отмечали, что далеко не всегда удается добиться, чтобы и правительство РФ, и органы исполнительной власти на местах признавали себя стороной трудового спора и вступали в переговоры с представителями работников. Имеют место случаи, когда дело доходит до объявления забастовок (например: Всероссийская забастовка работников бюджетной сферы).

Конечно, в условиях рыночной экономики, противоречия между работниками и работодателями полностью никогда не будут устранены. Но сократить их количество и уменьшить их остроту, как показывает небольшой отечественный опыт и опыт стран с устоявшимися демократическими отношениями и сложившимся рынком, — вполне разрешимая задача. Обсуждение вынесенных на конференцию вопросов явилось конкретным шагом в научном осмыслении проблем повышения роли профсоюзов в укреплении демократических основ российского общества и обогатило профсоюзы опытом защиты социально-трудовых прав граждан.

5 Заказ 5080

Ольга ЛИПАТОВА

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТЬЮ ВЫБОРОВ ПО КРЕСТЬЯНСКОЙ КУРИИ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(на материалах Владимирской губернии)

К XX веку российская власть уже накопила определенный опыт организации выборов, связанный с органами местного самоуправления. Население центрально-европейских губерний с 1864 г. принимало участие в выборах в земские, а с 1870 г. и в городские органы самоуправления.
В основу земской избирательной системы положены сословный принцип, высокие возрастной и имущественный цензы; выборы были косвенными и многостепенными для крестьян; некоторые группы населения (женщины, осужденные и другие) вообще не были наделены избирательными правами.
Земская избирательная система обеспечивала преобладание крупного и среднего дворянства и ограничивала представительство крестьян и городских предпринимателей в органах местной власти. Так, в центральных губерниях России в период думской монархии дворянская курия делегировала в земства в 3,7 раза больше гласных, чем разночинная; крестьяне-общинники избирали менее трети всех гласных.
Следует заметить, что именно дворянство в силу исторических условий России конца XIX – начала XX века, когда имущественный ценз одновременно был цензом образовательным, а широкие массы населения оставались неграмотными, являлось наиболее подготовленным к общественной деятельности сословием[1].

В то же время избирательная система, основанная на сословных принципах, приходила в противоречие с новыми условиями развития российского общества. По «Земскому положению» 1890 г. крупнопоместные дворяне должны были составлять 56,6% уездных гласных. На практике же из-за обеднения и обезземелевания дворянства по представлении губернаторов в состав земств и их управ нередко вводились дворяне, не имевшие полного ценза, а также купцы, владевшие землей, и зажиточные крестьяне.

Необходимость изменения принципов избирательного права ощущалась и общественностью, и властью. В начале XX в. правительство искало пути постепенного расширения круга избирателей, прежде всего за счет «крепких» крестьян. Был предпринят ряд мер, увеличивавших в земствах число гласных от крестьян.

ЛИПАТОВА Ольга Владимировна – главный специалист Российской академии госслужбы при президенте РФ

По первому думскому избирательному закону – «Положению о выборах в Государственную думу» от 6 августа 1905 г.[2], к которому 18 сентября добавились «Правила о применении положения о выборах в Государственную думу»[3], в наиболее выгодное положение были поставлены две группы населения империи: крупные и мелкие землевладельцы и крестьяне, являвшиеся, по мнению властей, наиболее надежной опорой трона. Власть, стремясь расширить

свою социальную базу, традиционно сделала главную ставку на крестьянство.

Для крестьян устанавливалась четырехступенчатая система выборов. Крестьянский сельский сход избирал уполномоченных на волостной сход. Тот выдвигал из своей среды двух делегатов на съезд уполномоченных от волостных сходов. Волостной съезд избирал выборщиков в губернское избирательное собрание (ст. 17)[4].

Законы о выборах позволяли волостным сходам и съездам уполномоченных от волостей в отличие от избирательных собраний и съездов других сословий останавливать свой выбор не только на ком-то из числа присутствующих. Они могли избирать из всех «местных крестьян». Быть «местным крестьянином» означало быть приписанным к местному сельскому обществу, то есть входить в податное сословие при свободе проживания вне волости. Таким образом, уполномоченные, члены губернского избирательного собрания и даже депутаты Государственной думы от крестьян могли давно отойти от занятий сельскохозяйственным трудом и крестьянского образа жизни, но формально они продолжали числиться крестьянами.

Крестьяне-общинники, владевшие купчею землею (надельная земля, выкупленная в собственность, не была причислена к этой категории) или приобретшие землю с помощью Крестьянского банка, могли использовать «право двойного голоса» и участвовать в выборах от сельского общества и в съездах мелких землевладельцев. В свою очередь крестьяне, содержавшие торгово-промышленные предприятия или уплачивавшие промысловый или квартирный налог, могли участвовать в выборах в съезде городских избирателей «на одинаковых с лицами других сословий основаниях, ибо в законе никаких ограничений по отношению к ним не устанавливалось»[5].

Итак, самое большое представительство крестьян в думе гарантировалось особенностями избирательной системы: отсутствием избирательных цензов для крестьян-общинников, кроме возрастного, возможностью их «двойного» участия в выборах – на сходах и как собственников земли, недвижимости, торгово-промышленного предприятия (это положение было отменено перед вторыми думскими выборами), значительным числом выборщиков от крестьянской курии в губернском избирательном собрании, а также самим порядком хода губернского избирательного собрания. Закон предусматривал, что в губернском избирательном собрании прежде всего избирался член Государственной думы из присутствующих выборщиков от съездов уполномоченных от волостей отдельно от остальной части собрания. Только после этого собрание переходило к совместным выборам остальных, положенных по расписанию, числа членов думы.

После разгона первой думы летом 1906 г. в условиях еще продолжавшихся народных волнений коронная администрация, не решаясь еще менять избирательное законодательство в целом, активно вносила в него частичные изменения и «разъясняло» различные статьи и пункты. Довольно значительные изменения затронули крестьян. Теперь крестьяне-общинники, купившие землю с помощью ссуды от Крестьянского банка, не могли одновременно с участием в волостных сходах по выборам уполномоченных принимать участие в предварительных съездах уездных землевладельцев. По разъяснению Министерства внутренних дел от 20 ноября 1906 г. в этих съездах не могли участвовать и крестьяне, «владеющие в пределах земель принадлежащих сельским обществом, сельскими постройками, приносящими доход» (мельницами, кузнецами, маслобойнями и т. д.)[6].

С весны 1907 г. революция явно пошла на убыль. Политическая ситуация явно стабилизировалась, активность народных масс перестала быть определяющим фактором общественно-политического процесса. И правительство П. А. Столыпина стало готовить разгон второй Думы, еще более оппозиционной, чем предыдущая. Одновременно был поставлен вопрос о принятии нового избирательного закона.

По мнению властей, практика проведения первых двух избирательных кампаний показала, что существовавшая избирательная система была неудачной, так как дважды привела к образованию в думе чрезмерного представительства левого крыла буржуазии, а также крестьян и рабочих, «склонных к крайним политическим течениям». Основная цель издания нового избирательного закона со-

стояла в том, чтобы создать такое народное представительство, которое добросовестно работало бы в рамках существовавших законов и не пыталось бы изменить государственный строй.

Новый избирательный закон – «Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г.[7] нес на себе отпечаток провала расчета властей на крестьянство как на массовую социальную опору и вводил ряд существенных изменений, затрагивающих крестьянскую курию. В него были внесены сенатские разъяснения относительно участия в выборах крестьян. В ст. 62 говорилось, что «лица, принадлежащие к составу сельских и волостных обществ в уезде, не подлежат внесению в список землевладельцев и городских избирателей по всему уезду, хотя бы и владели установленным для этого цензом». Для недопущения влияния «фабричной заразы» на выборы от крестьян согласно ст. 61 рабочие, являвшиеся членами крестьянских общин, имевшие право участия в выборах на своих предприятиях, не допускались до участия в избрании уполномоченных от сельских сходов.

Ст. 37 «Положения» оговаривала, что в съезде уполномоченных от волостей «участвуют избранные из числа крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу общины данной волости, которые владеют надельной или приобретенной в собственность землей, и, проживая на ней не менее года, лично ведут хозяйство». По этому поводу «один из прогрессивных общественных деятелей» Владимирской губернии сказал в беседе с корреспондентом «Старого владимирца»: «Если учесть, что из здешних деревень, за очень редким исключением, все работоспособное население уходит на отхожий промысел, а земледелие... ведется женщинами и стариками», то получается, что в выборах уполномоченных от волостных сходов принимали участие в основном крестьяне, придерживающиеся «старинных представлений о жизни»[8].

Закон от 3 июня запрещал переизбрание десятидворных перед выборами в думу. Анализируя новый избирательный закон, С. А. Муромцев обратил внимание еще на одну его особенность. Если раньше в губерниях один обязательный депутат от крестьянской курии «избирался исключительно крестьянскими выборщиками, которые для этой цели выделялись каждый раз в особую избирательную коллегию», то теперь избрание крестьянского депутата возлагалось на все избирательное собрание в полном его составе. По мнению известного кадетского деятеля, совершенно неправильно, что «коллегия, состоящая по преимуществу из землевладельцев, должна определить крестьянского депутата, посылаемого в Государственную думу для защиты крестьянских интересов»[9].

Во «Владимирских губернских ведомостях» в редакционной статье, наоборот, высказывалась мысль, что такое изменение в законе пойдет на пользу прежде всего крестьянам. «Раньше юркие «товарищи» бессовестно обманывали деревенскую простоту и темноту... Как в избирательной кампании, так и в самой думе крестьяне были жалкою игрушкою в их руках, их голосами проводились в думу левые депутаты... Теперь в губернском избирательном собрании будет значительно ослаблено влияние революционных агитаций на состав крестьянских депутатов»[10].

Ситуация во владимирской деревне во время первой избирательной кампании, как и по всей стране, была непростой. Настроение крестьян было неспокойное. Как отмечали современники, «в деревне ощущалось некое брожение». Крестьяне чувствовали, что жизнь их становится невыносимой, что им во что бы то ни стало надо добиться земли. Но они не знали, как это сделать. Каждая деревня видела лишь своего ближайшего врага – соседнего помещика: крестьяне захватывали помещичью землю, уничтожали помещичьи усадьбы. Но крестьянское движение, даже по мнению представителей левых партий, не было в тот момент еще политическим, не ставило своей целью борьбу с правительством»[11].

Во Владимирской губернии не было массовых крестьянских выступлений и волнений, как в земледельческих районах Российской империи. Кадетские губернские газеты в «тревожные дни освободительного движения» писали о том, что некоторые уезды «охвачены сильным брожением среди крестьян». В отдельных местностях крестьяне под воздействием отходников поговаривали о неуплате податей. Все чаще на сельских сходах поднимались вопросы о снижении жалова-

нья выборным должностным лицам, о ненужности волостного суда и т. д. Наблюдались в различных уездах случаи самовольной вырубки помещичьих лесов, покосов на частных землях, крестьяне не позволяли вывозить срубленный лес промышленникам на продажу, поджигали стога сена помещиков и «сильных хозяев». В Юрьевском уезде группа молодых крестьян, вернувшись на праздники домой с фабрики, разорила помещичий яблоневый сад, испортив около трехсот деревьев[12].

В своем циркуляре от 22 сентября 1905 г. министр внутренних дел поручил «особливому вниманию» губернаторов «наблюдение за тем, чтобы должностные лица и учреждения... никакого, даже самого отдаленного, вмешательства в производство выборов от крестьян не производили»[13]. Однако губернатор И. М. Леонтьев, обеспокоенный ситуацией во владимирской деревне, своеобразно воспринял смысл этого документа. По мнению местных властей что, собственно, соответствовало действительности, все «противоправительственные настроения» в деревню приносились извне, из городов. Почтовых чиновников обязали проверять все посылки из земских управ в волостные правления с целью выявления агитационной литературы.

5 декабря 1905 г. губернатор предписал уездным исправникам «принять самые решительные меры к прекращению дальнейшей выписки волостными правлениями газет и других периодических изданий противоправительственного направления». Несколькими днями позже он предложил полицейским властям обязать волостные правления выписывать «Владимирские губернские ведомости»[14]. Еще в ноябре губернатор поручил уездным исправникам открыть в полицейских управлениях подписку на эту газету и «оказать со своей стороны... самое деятельное содействие к привлечению возможно большего числа подписчиков»[15].

Губернатор в своем циркуляре потребовал от уездных исправников принять «самые тщательные меры к охранению общественного порядка в местах производства выборов»[16]. Чтобы избежать «проникновение на сходы посторонних агитаторов», И. М. Леонтьев отдал распоряжение «надлежащим учреждениям» установить «вполне обеспечивающее наблюдение за тем, чтобы в помещение, где производятся выборы, не могли проникнуть лица, не имеющие права в них участвовать»[17].

В ответ уездные исправники докладывали о своих действиях по выполнению циркуляра. О неблагополучной ситуации в промышленном Ковровском уезде, где крестьяне многих деревень работали на фабриках и «заражались» там «противоправительственными настроениями», свидетельствует рапорт местного исправника. Сообщая губернатору о принятых им мерах, исправник связывает свои действия с «настроениями крестьян, степенью и развитостью агитации неблагонадежными лицами» в каждой конкретной местности. «В Малышевскую волость, где высказывалось крестьянами о неплатежах судьям жалованья и убавки содержания должностным лицам волостного правления, мною откомандированы становой пристав, местный урядник и 10 стражников. Во Всегодическую волость, населенную главной частью ходячими портными, интересующимися выборами, – полицейский надзиратель с фабрики Треумова, местный урядник и 6 пеших стражников. В Вознесенскую волость, где агитация особенно имела успех, – пристава третьего стана и 5 пеших стражников...»[18].

Юрьевский исправник писал: «Мною будут разосланы на 26 февраля во все селения, где будут проводиться выборы, по несколько стражников, которые поступят в распоряжение урядников. Урядникам вменено в обязанность не вмешиваться в производство выборов, но иметь тщательное наблюдение, чтобы в помещение, где будут производиться выборы, не были допущены посторонние лица. Как урядникам, так и стражникам разъяснено, чтобы они держались сдержанно, чтобы каждому было ясно, что они прибыли только для поддержания порядка и законности, но не для производства какого-либо давления на тот или иной исход выборов»[19].

Еще дальше в своих инструкциях подчиненным пошел вязниковский исправник. Он командировал в каждый волостной сход по одному стражнику, приказав «стоять у дверей, посторонних не пускать и немедленно арестовывать реальных агитаторов»[20]. Становым приставам Вязниковского уезда дано было распоряжение закрыть все винные лавки в селениях на время волостных сходов[21].

Гороховецкий исправник доложил губернатору, что все земские начальники его уезда разъяснили старостам «о непозволительности присутствия посторонних лиц на сходах»[22].

Урядники и стражники с еще большим усердием обеспечивали порядок на выборах. Поскольку по закону полицейские чины не имели права находиться в помещении, где проходил волостной сход, в некоторых правлениях они снимали с петель двери и наблюдали за ходом выборов, стоя снаружи. В селе Борисовском Владимирского уезда стражники «не ограничились одним только недопущением посторонних лиц в волостное правление, но даже не выпускали из волостного правления десятидворных до самого окончания выборов»[23].

Еще более энергичные меры были предприняты местными властями во время второй думской кампании, хотя ситуация в губернии уже несколько стабилизировалась. Новый губернатор И. Н. Сазонов, совершивший инспекционную поездку, 14 ноября 1906 г. сообщал в МВД: «Из объездов своих я вынес впечатление, что настроения крестьян изменились везде к лучшему... От платежа повинностей никто из крестьян не отказывается. Местами только просят об отсрочке вследствие плохого урожая»[24]. И все же губернская и уездная администрация сделала все возможное, чтобы обеспечить «порядок и спокойствие» при выборах уполномоченных от волостей.

Спад революции в стране, накопление опыта проведения избирательных кампаний и довольно спокойное отношение крестьян к выборам в думу в первые две избирательные кампании дали возможность местной администрации более уверенно чувствовать себя во время третьей и четвертой думских кампаний. Тем более что наиболее «опасный элемент» — отходники на фабрики были исключены новым избирательным законом из процесса выборов от крестьян.

Владимирский губернатор регулярно перед третьими и четвертыми выборами не уставал напоминать земским начальникам, что «согласно ст. 61 Положения о выборах рабочие, имеющие право участия в выборах, указанных в ст. 43 того же Положения, не участвуют в избрании уполномоченных от волостных сходов». Вследствие этого «рекомендовалось» земским начальникам, «в участках которых имеются фабрики и заводы, имеющие право избрания уполномоченных, сделать распоряжение, чтобы заблаговременно в списках десятидворных и должностных лиц волостного и сельского управления были сделаны отметки, кто из них состоит рабочими, и означенные лица распоряжением волостного старшины не должны быть допущены на волостные сходы для избрания уполномоченных по выборам в Государственную думу»[25].

Накануне третьей избирательной кампании уездные исправники по распоряжению губернатора «препроводили» огромное количество экземпляров «Обязательного постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности» волостным старшинам, предписав, чтобы «в каждом селении были таковые известны и по одному экземпляру было бы выставлено к дому старосты или десятского. О сделавшихся известным нарушениях сих постановлений доносить немедленно становому приставу»[26].

В «Обязательном постановлении» запрещалось созывать самовольные волостные и сельские сходы «для обсуждения неподлежащих их ведению вопросов» (п.10), а также не позволялось присутствовать на сходах посторонним лицам и «принуждать должностных лиц к составлению незаконных приговоров» (п.11)[27].

Во второй половине лета 1907 г. по различным уездам губернии в русле «карательных мер» П. А. Столыпина прошел ряд «показательных» судов над крестьянами. Так, из Вязников сообщали во «Владимирец»: «У нас на очереди несколько судов по делу местных крестьян: об оскорблении бывшего волостного урядника (случилось это еще в январе), о «демонстрации» с красным флагом по селу, о хождении некоторых крестьян «за чайком» к соседским помещикам, что нередко случалось весной...»[28]

Во время избирательных кампаний власти вели борьбу за голоса крестьянских избирателей всеми доступными им средствами. Самыми традиционными, хорошо освоенными властью и привычными для крестьян были методы «силового давления». Во «Владимирской еже-

недельной газете» после первых выборов было помещено письмо крестьянина К. из большого промышленного села Лежнево Ковровского уезда. В письме автор жалуется, что староста запрещал читать на улице оппозиционные газеты и «грозился отправить меня в кутузку и донести, что я революционер». «А когда были выборы в думу, он все старался оказать на нас давление, чтобы не выбирали тех, кто ищет новых прав»[29].

По сведениям газеты «Речь» (№ 2 1906 г.), 15 февраля 1906 г. земские начальники Владимирского уезда вызвали к себе всех волостных старшин, которым сделали внушение, как вести выборные сходы по волостям, при этом строжайшим образом наказывали, чтобы сходы были изолированы от постороннего влияния. Становой пристав Гороховецкого уезда говорил крестьянам, что если в уполномоченные будут выбраны нежелательные для администрации лица, то они доедут только до уездного города и там будут арестованы[30].

Часто уездные исправники посылали в волостные правления сообщения о своем прибытии на выборы. Когда волостной староста объявил об этом крестьянам на волостном сходе в селе Лаптево Владимирского уезда, «это очень неприятно повлияло на них» и «из-за страха отвечать перед исправником присутствующие боялись слово какое-нибудь сказать»[31].

К моменту начала первой избирательной кампании владимирские крестьяне, так же, как и все российские крестьяне, совсем плохо были знакомы с новым избирательным законом. «Орловский вестник» писал: «Несмотря на то, что со времени 6 августа прошло почти 5 месяцев, в общей массе крестьяне совершенно не знакомы с порядком выборов в Государственную думу и не понимают его...»[32]

Корреспондент «Клязьмы» сообщал из Чаадаевской волости Муромского уезда Владимирской губернии: «О Государственной думе и манифестах 6 августа и 17 октября немногие здесь знают и начальство не позаботилось сообщить...»[33]. Ни губернские, ни уездные власти не прикладывали особых усилий к разъяснению крестьянам их прав. Например, в Суздальском уезде из 4 земских начальников только один лично посещал сельские сходы и «растолковывал крестьянам царские манифесты»[34].

Более того, пользуясь неграмотностью крестьян, их малой доступностью к информации, а следовательно, практически полным незнанием законов о выборах, местные власти охотно и активно использовали такие методы «ведения предвыборной агитации», как замалчивание о правах крестьян и прямая дезинформация. В Муромском уезде земельные начальники объясняли крестьянам, что дума вряд ли соберется. В Гороховецком уезде земский начальник Высокосов намеренно исказил содержание избирательного закона, объявив крестьянам, что волостные сходы могут избирать уполномоченных только из состава сходов, а не из всего состава крестьянского населения, приписанного к волостям[35].

В своей жалобе в Уездную по делам о выборах комиссию крестьянин села Семеновского Одерихинской волости Владимирского уезда М. И. Дмитриев сообщает: «Большая часть селений не была осведомлена относительно переизбрания уполномоченных на волостные сходы, почему и явились которые были выбраны ранее»[36].

Крестьяне села Давыдово Владимирского уезда 16 января 1907 г. послали жалобу земскому начальнику, в которой писали, что сельский староста ничего им не сообщил о возможности переизбрания десятидворных. А старые десятидворные, по их словам, «мало компетены» *(искаженное от слова «компетентны». —* **О. Л.***)*, «некоторые совсем остарели... а некоторые выбыли за смертию...»[37]. О конкретном факте выборов новых десятидворщиков лишь однажды упоминает «Клязьма». Происходили они в селе Лыково Владимирского уезда, причем «шли вяло, при полной халатности»[38].

Бывали такие случаи и во время выборов в 1-ю думу, когда крестьянам не сообщали, для чего их собирают на сходы, а раз к выборам не готовились, то и не знали, кого выбирать.

Церковные власти в ходе избирательных кампаний активно сотрудничали со светскими. Ведь зачастую именно сельские священники зачитывали по всей России крестьянам царские манифесты и растолковывали их. Современник первых выборов в думу сохранил для нас рассказ об «удивительной проповеди, сказанной сельским батюшкой П. в одном из российских провинциальных ме-

стечек». Отец П. вышел из церкви к народу и прочитал указ местной духовной консистории, в котором, в частности, говорилось, «чтобы священники выбирали представителей в Государственную думу по совести». Поскольку указ начинался словами: «По указу Его Императорского Величества...», крестьяне подумали, что это царский манифест и толком ничего не поняв, попросили батюшку разъяснить. Священник П. истолковал так: «Крестьяне не имеют права собираться на сход по производству выборов в Думу без участия священника»[39].

Епархиальное начальство еще к началу первой избирательной кампании отдало распоряжение настоятелям церквей ориентировать своих прихожан на избрание «людей достойных, богобоязненных, готовых послужить царю и Отечеству». Из села Дроздово Шуйского уезда накануне вторых думских выборов сообщалось: 24 декабря была прочитана местным священником проповедь против «крамольников-ораторов», которые ведут агитацию против Бога, попов и правительства. Крестьяне нашей местности совсем не слыхивали упомянутых слов, так как у нас царит неописуемая темнота»[40].

Добровольно присоединялись к процессу агитации крестьянства и губернские общественные деятели. Меленковский предводитель дворянства А. А. Дубенский, консерватор по своим политическим убеждениям и активный участник общественной жизни губернии, проявил личную инициативу и взял на себя труд по разъяснению крестьянам манифеста 17 октября. В ноябре 1905 г. «ввиду крайне разноречивых слухов, сопровождающих манифест», он «нашел необходимым разослать особые письма» крестьянам своего уезда. В этих письмах, содержащих «просьбу» прочитать их духовенству на собраниях прихожан, старшинам и старостам на сходах и собраниях крестьян, разъяснение смысла царского манифеста сводилось к следующему: государю было угодно призвать выборных людей на помощь в составлении законов. По царскому слову эти выборные люди должны быть достойнейшими, то есть наиболее разумными, знающими народные нужды и умеющими отстаивать благо русского государства. Завершалось «разъяснение» бескомпромиссным утверждением о том, что царская воля должна быть исполнена: в Государственной думе должны сойтись внуки Сусанина, русского крестьянина, и внуки Минина и Пожарского, чтобы в трудную минуту поддержать своего государя[41].

Как видим, письмо Дубенского, имевшее своей целью максимально использовать монархические настроения крестьянства в ходе выборов, содержало чисто абстрактные, идейные рассуждения, а не конкретные разъяснения хода избирательных процедур, целей и смысла участия в них крестьян.

Перед выборами в третью и четвертую думы нередки были случаи, когда власти пытались договориться с подходящими кандидатурами о выборе их уполномоченными[42] и оказывали давление на крестьян, добиваясь избрания именно своих ставленников. Так, Суздальский уездный исправник докладывал губернатору: «Мне лично обещано служащим в уездном съезде крестьянином Яневской волости и села Никифиром Китаевым, лицом довольно популярным и, несомненно, принадлежащим к правым партиям, выставить свою кандидатуру...»[43]

Очень интересные сведения о съезде уполномоченных от волостей в Вязниковском уезде во время третьих выборов, на который явились 35 человек, находим в газете «Владимирец». Баллотировались на этом съезде 9 человек и «все были забаллотированы». После перерыва председательствующий уездный предводитель дворянства предупредил, что если на этот раз выборы не состоятся, то он не будет просить губернатора о повторных выборах. После долгих «прений» решили баллотировать всех по порядку списка. Когда очередь дошла до крестьянина Беляева, то он попросил отложить его баллотировку, а председатель съезда поддержал его. После повторного голосования выяснилось, что опять все кандидатуры забаллотированы. Остался один Беляев, за которого еще не голосовали. «И тут председатель сказал, что нехорошо оставлять уезд без выборщика, а Беляев – человек уже пожилой, хороший хозяин и что он самый достойный». Беляев и стал выборщиком от Меленковского уезда.

Подводя итоги рассмотрения вопроса об организации коронной и местной администрацией Владимирской губернии выборов по крестьянской курии в Государственную думу Российской империи,

отметим, что анализ этого процесса позволяет сформулировать следующие выводы. Первые выборы явились тяжелым испытанием для власти в силу отсутствия должного опыта и сложной социально-политической ситуации в стране. По мере накопления практического опыта и создания соответствующего юридического и бюрократического механизма во время первых и вторых выборов власть стала чувствовать себя гораздо увереннее. В ее арсенале постепенно стали появляться не только репрессивные силовые меры давления, но и чисто политические, выборные технологии меры привлечения избирателей.

---

1 Петровичева Е. М. Земское самоуправление центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности. Автореферат дисс. доктора ист. наук. М., 2003, стр. 19

2 Положение о выборах в Государственную думу. 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III Т. XXV. Отд. I. Ст. 26662. СПб., 1908

3 Свод главнейших узаконений, преподанных Министерством внутренних дел по применению Высочайше утвержденного 6 августа Положения о выборах в Государственную думу. 25 сентября 1905 г. // ГАВО. Ф. 14, оп. 5, д. 1587, лл. 3–7

4 Положение о выборах в Государственную думу. 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III Т. XXV. Отд. I. Ст. 26662. СПб., 1908

5 Свод главнейших узаконений, преподанных Министерством внутренних дел по применению Высочайше утвержденного 6 августа Положения о выборах в Государственную думу. 25 сентября 1905 г. // ГАВО. Ф. 14, оп. 5, д. 1587, лл. 3–7

6 ГАВО. Ф. 205, оп. 1, д. 1237, л. 45

7 Положение о выборах в Государственную думу. 3 июня 1907 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXVII. Отделение I. Ст. 29240. СПб., 1910

8 «Старый владимирец», 13 сентября 1912 г.

9 Муромцев С. А. Будущее думы: статьи, речи. Вып. V. М., 1910, стр. 107

10 «Владимирские губернские ведомости», 15 июня 1907 г.

11 Б-ов М., Дан Ф. Рабочие депутаты в первой Государственной думе. СПб., 1906, стр. 11

12 ГАВО. Ф. 703, оп. 2, д. 165, л. 64

13 ГАВО. Ф. 990, оп. 1, д. 147, л. 3

14 ГАВО. Ф. 981, оп. 3, д. 17, л. 417, 421

15 ГАВО. Ф. 703, оп. 2, д. 8, лл. 440–442

16 ГАВО. Ф. 14, оп. 5, д. 1867, л. 4

17 ГАВО. Ф. 991, оп. 1, д. 134, л. 8

18 ГАВО. Ф. 991, оп. 1, д. 134, л. 2

19 ГАВО. Ф. 14, оп. 5, д. 1867, л. 1

20 ГАВО, Ф. 990, оп. 1, д. 147, л. 62

21 Там же Л. 66

22 ГАВО. Ф. 991, оп. 1, д. 134, л. 13

23 «Клязьма», 28 февраля 1906 г.

24 ГАВО. Ф. 14, оп. 14, д. 105, л. 16

25 ГАВО. Ф. 205, оп. 2, д. 2221, л. 10.

26 Здесь приводится выдержка из распоряжения Гороховецкого уездного исправника волостным старшинам от 11 июня 1907 г.// ГАВО. Ф. 983, оп. 1, д. 427, л. 1

27 «Владимирские губернские ведомости» 8 июля 1907 г.

28 «Владимирец» 29 сентября 1907 г.

29 «Владимирская еженедельная газета», 2 июня 1906 г.

30 Кр-ль М. А. Как прошли выборы в Государственную думу. СПб., 1906, стр. 12

31 ГАВО. Ф. 423, оп. 1, д. 20, л. 49

32 Цит. по: Вл. Н. Перед думой. // Русская мысль. № 2, стр. 251

33 «Клязьма», 22 января 1906 г.

34 «Клязьма», 28 февраля 1906 г.

35 Кр-ль М. А. Как прошли выборы в Государственную думу. СПб., 1906, стр. 12

36 ГАВО. Ф. 423, оп. 1, д. 20, л. 40

37 ГАВО. Ф. 423, оп. 1, д. 19, л. 82

38 «Клязьма», 28 февраля 1906 г.

39 Вл. Н. Перед думой. // Русская мысль. № 2, стр. 250

40 «Владимирец», 31 декабря 1906 г.

41 ГАВО. Ф. 14, оп. 14, д. 86, л. 166

42 Скорее всего подобные методы, судя по косвенным данным, и раньше использовались местными властями, но прямых документальных подтверждений этого у нас не имеется

43 ГАВО. Ф. 704, оп. 1, д. 855, л. 22

Ирина ГУСЕВА

ИСТОРИОСОФИЯ ЛЬВА КАРСАВИНА

Обостренный интерес к русской философии Серебряного века – как в концептуальном плане, так и в персональном – одна из примет наших дней. Дошедшие до нас из глубины времени голоса русских мыслителей услышаны, они часто звучат в споре наших современников, у них мы ищем ответы на многие непростые вопросы дня сегодняшнего. Одно из ярких имен в этой блестящей плеяде – имя выдающегося русского историка, философа и богослова Льва Платоновича Карсавина. Многогранное наследие Л. П. Карсавина включает в себя и вопросы христианской метафизики, и разработку онтологических оснований персонализма, и изучение религиозных движений и ересей Средневековья. Но один из самых непосредственных выходов на проблемы бытия современного российского общества связан, на наш взгляд, с его историософскими размышлениями, поскольку они выводят на проблемы исторической памяти и исторического сознания. Новейшая российская история отмечена небывалой актуализацией прошлого. «Разрушение прошлого» в конце 80-х – начале 90-х гг. привело к кризису идентичности на всем постсоветском пространстве, к утрате целей и смысла существования бывших советских людей.
Именно историческая память и историческое сознание формируют коллективную культурную идентичность во временной перспективе, устанавливая связи между прошлым, настоящим и будущим.

Карсавин следует укоренившейся традиции двузначного употребления термина «история», когда под историей подразумевается и сам процесс исторического бытия, и наука об этом процессе.

Объективность исторического процесса и обусловленность ею исторической науки – несомненная истина для русского мыслителя. Вне признания объективной ценности исторического знания был бы невозможен один из ключевых постулатов карсавинской философии истории: «Всеобщая история – действительность, а не выдумка или недосягаемый идеал»[1]. В самом начале своего фундаментального труда «Философия истории» Л. П. Карсавин формулирует свое видение основных задач этого раздела философии: «Во-первых, она исследует первоначала исторического бытия, которые вместе с тем являются и основными началами исторического знания, истории как науки. Во-вторых, она рассматривает эти основоначала в единстве бытия и знания, то есть указывает значение и место исторического в целом мира и в отношении к абсолютному Бытию. В-третьих, задача ее заключается в познании и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса»[2]. Для него не подлежит сомнению существование глубокой связи «основоначал истории» с бытием абсолютным (знание – это модус бытия). Историческую действительность он рассматривает как становление всеединого человечества в его стремлении к совершенству.

ГУСЕВА
Ирина Ивановна – к. ф. н., доцент кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета

[1] Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993, стр. 182
[2] Карсавин Л. П. Указ. соч., стр. 15.

С точки зрения принципа всеединства, высшая цель исторического мышления – познание всего космоса, мира в целом. Но это предназначение философии. Поэтому, полагает Карсавин, удел «собственно» истории – это развитие отдельной личности и развитие человечества. Историческая наука, по выражению Карсавина, есть «качествование самой исторической действительности», поэтому ее идеальная цель была бы достигнута, если бы завершилось самопознание субъекта истории. Но реальное самопознание «может быть только стяженным, то есть неполной познавательной актуализацией каждого момента как такового и всех прочих моментов в нем»[1]. Исследовательница творчества Карсавина Ю. Б.Мелих, проводя параллели в интерпретации стяженности средневековым богословом и представителем русского философского Ренессанса, отмечает: «То, что делает единичность отличной от Абсолютного, как раз и есть стяженность. В Универсуме есть все, но стяженно, это первый момент дифференции Абсолютного по отношению к Универсуму»[2]. Стяженность – это и «стягивание в единство», и «сжатие» Абсолютного к единичному.

Из принципа всеединства и представления о стяженности – одновременно и неполноты актуализации Абсолютного в индивидуальном, и невозможности их четкого различения – следует карсавинская трактовка возможностей исторического знания: каждому субъекту познания (индивидууму, народу, культуре), помимо него самого, открывается момент высшей индивидуальности – всеединого человечества, точнее, эти субъекты познают себя в высшей индивидуальности. Но кроме наивысшей исторической индивидуальности, есть еще и Абсолютное. Возможен только один выход, преодолевающий репрезентационизм и иллюзионизм: «Признание всех качествований, в том числе и познавательного, не только качествованиями человечества, а и качествованиями самого Абсолютного...»[3]

Вследствие этого непрерывного взаимопроникновения индивидуального и Абсолютного историческая наука не может быть ни генерализирующей, ни индивидуализирующей, в ней сочетаются оба эти момента. Самопознание всеединого человечества – одно из «качествований» истории. Поэтому подлинное историческое исследование, каков бы ни был его конкретный предмет, всегда «всемирно-исторично», в каждом моменте «просвечивает» общечеловеческое развитие. Размышляя в этой связи о религиозно-онтологическом значении исторической науки, Карсавин говорит о том, что христианская культура может достичь возможной для нее степени историчности, если она сумеет «научно-историческим качествованием восполнить недостаточную историчность других культур. А это возможно, если в ней, как в стяженном всеединстве, эти культуры оживут и достигнут исторического своего качествования с большей полнотой, чем они обладали в себе самих»[4]. Так всеединство человечества осуществляется в христианской культуре.

Обоснование объективной ценности исторического знания у Карсавина отнюдь не означает жесткого следования эмпирии. Русский мыслитель трактует связь действительности и теории вполне в духе конструктивистской парадигмы, утвердившейся в современной методологии гуманитарных наук. И в самом деле, историк конструирует «систему феодализма», которая никогда в таком виде эмпирически не существовала, но к которой эмпирия приближалась, отражаясь в уме какого-нибудь Бомануара». Момент «конструирования» необходим в истории, поскольку он «задает» те интеллектуальные «координаты», которые позволят увидеть в соответствующем историческом моменте проявление всеединства. С помощью конструирования также «достигается понимание того, что историей «недоделано», то есть понимание самой эмпирии, которая осуществляет «систему» фрагментарно и неполно»[5].

В чем видит Карсавин задачи историка? По его мнению, теоретик истории обязательно должен ответить на вопросы: в чем заключается специфичность исторического бытия и существует ли эта специфичность, каковы основные кате-

[1] Карсавин Л. П. Указ. соч., стр. 178
[2] Мелих Ю. Б. Персонализм Л. П. Карсавина и европейская философия. М., 2003, стр. 76
[3] Карсавин Л. П. Указ. соч., стр. 179
[4] Карсавин Л. П. Указ. соч., стр. 215
[5] Там же, стр. 112

гории исторического познания, основные исторические понятия, те же ли они, что и в области познания природы, или другие, и т. д.». Как относится изучаемое историком к прочим моментам истории и к собственным идеалам и ценностям историка?

Историк не может судить об истинности своих взглядов, только сопоставляя их со взглядами других ученых: «Необходимо обратиться к последним основаниям, то есть в конце концов к природе исторической действительности. И тогда откроется, что в данном конкретном случае историк усматривает незамеченный еще никем аспект исторического процесса и это открытие может быть обосновано лишь при условии какого-то знания о процессе в целом». Приводя в качестве иллюстрации изучение городского строя XI–XIIIвв., Карсавин говорит о качествовании этого субъекта развития в XX в., поскольку его познает историк XX в. Но с XX веком предмет развития связан не непосредственно, а опосредованно, через развитие XIII–XX веков. Историк, чтобы преодолеть субъективизм, должен показать значение городского движения для XI–XIII веков, для истории в целом и для современности. Далее мыслитель отмечает, что обычно историк воспринимает идеалы и «качествования» своей эпохи как некую данность, не задумываясь над их обоснованием. Проблема, здесь упомянутая, стала одной из доминирующих в методологии науки, особенно со второй половины XX века.

Знание одного историка об историческом развитии иное, чем знание другого историка. Но каждое из этих знаний как определенная индивидуализация знания высшей личности есть «необходимый момент знания, субъектом которого является усовершенное человечество в целом»[1]. Лев Платонович приводит следующий пример: для историка-идеалиста развитие религиозной идеи влечет соответствующее изменение социально-экономического строя, с точки зрения историка-материалиста, напротив, хозяйственные и экономические изменения приводят к изменениям религиозного плана. Но лишь на первый взгляд эти тезисы абсолютно исключают друг друга. Если не рассматривать один из факторов как «причину» другого, не считать каждый из них всей полнотой реальности, тогда можно увидеть в знании каждого историка момент актуализации знания высшей личности. Карсавин формулирует эту идею по сути тождественно принципу дополнительности Н. Бора: «Разумеется, мое знание отлично от знания о том же развитии у другого историка. Однако наши «знания» противоречат друг другу только в силу ограниченности каждого из них. На самом деле, они друг друга восполняют»[2]. Сопоставление этих своеобразных моментов знания (в чем-то ограниченных, в чем-то необходимых) и составляет содержание «истории истории», то есть историографии.

Объективность истории, по остроумному замечанию Карсавина, – это не «покой кладбища», не полная свобода от субъективных оценок. Кажущаяся субъективность в рамках концепции всеединства предстает как индивидуализация абсолютной ценности. Размышляя в этом контексте о революции в России, философ утверждает, что и негативная оценка большевизма как апофеоза насилия, ограниченности мышления, и положительная оценка его воли к государственности, морально-религиозного пафоса равно возможны, так как в большевизме есть и то, и другое – как разные качествования Абсолютного. Поскольку в Абсолютном укоренены разные ценности, диалектика объективного и субъективного в историческом познании, по Карсавину, заключается в следующем: «Если историк может быть объективным, то никак не путем уничтожающего историю изъятия из нее «субъективных оценок», а только путем восхождения над ними. Объективность историка покоится на том, что объективное бытие, истина и ценность – всеединство, ограниченное и только по ограниченности своей недостаточно сущее, истинное и ценное во всем своем обнаружении»[3].

Проблема, которую невозможно обойти стороной, если речь идет о методологии исторического исследования, – это проблема источников. Прошлое присутствует в настоящем, как присутствует в жизни человека воспоминание. Близка современным взглядам и мысль Карса-

[1] Карсавин Л. П. Указ соч., стр. 260

[2] Карсавин Л. П. Указ соч., стр. 256

[3] Там же, стр. 240

вина о том, что всякий источник в различной степени представляет прошлое, но не копию с него. Источник – своего рода посредник в диалоге историка со временем, но не зеркало, без помех отражающее историческую действительность. В этой связи философ оценивает как нелепую классификацию источников по степени их достоверности, негативно отзывается о своеобразном историографическом фетишизме – склонности преувеличивать значение надписей и актов. Любой источник – всегда выражение отношения между прошлым и настоящим, отношение осмысленное и сформулированное историком: достоверность знания зависит совсем не от материала или рода источников, а от вопросов, с которыми обращается к источнику историк.

Попытка свести историю к общим схемам, отрыв от живого процесса, от источников, по глубокому убеждению Карсавина, омертвляет историческую науку: «Чтобы стать историком, необходимо проделать «черную работу», пережить годы искуса, изучать источники, пока они не «заговорят», пока в них не явит себя само историческое»[1]. Лев Платонович акцентирует внимание на том, что, обращаясь к материально-вещественным «остаткам» прошлого, важно увидеть целостность источника. И тогда развалины дворца или отдельная надпись становятся ключом к пониманию исторического бытия ушедшей эпохи в его различных проявлениях. Когда исследователь изучает вещественные следы прошлого, он использует методы естествознания. Карсавин подчеркивает, что «в познании прошлого при помощи познания вещественных его остатков следует отличать познание их от познания самого прошлого». Мыслитель настаивает на том, что единственная возможность для истории познать «непрерывное развитие человечества» – сосредоточиться на социально-психическом. Если же историк останавливается на предварительных работах (собирании материала, констатировании внешних соотношений) и они превращаются для него в самоцель, то «он опускается на уровень ученого, описывающего внешний мир, и... тщетно пытается найти естественно-научное там, где его нет и быть не должно». С жесткой иронией пишет Карсавин о «яде мнимо-научной точности»: преувеличении роли технической стороны истории, подмене историчности «беспринципной точностью»[2]. Даже ошибки в датировке, по его мнению, извинительны, если уловлена сущность исторического.

Неоднократно на страницах своих произведений Карсавин выступал против неограниченной экспансии естественно-научного метода в историю. Показательны в этой связи его размышления на вполне классическую тему о роли случайности в истории. Для естествоиспытателя случайность должна быть устранена, как только откроется необходимость. Беря за образец эту стратегию, историк также устраняет случайность и всюду видит только необходимость, ею подменяя свободу и вытравляя историческое. Карсавин придает огромное значение необходимости в историческом процессе, но трактует ее иначе. Он говорит о том, что под «судьбою», «роком», «Провидением», «Промыслом» следует иметь в виду «внутреннюю необходимость процесса», ускользающую от историка. Если события увидеть в их целостности, то случайность предстанет обусловленной высшей необходимостью. Но это выглядит не как поглощение уникального, конкретного неумолимой логикой истории, а напротив – как «индивидуализация высшего объекта»[3]. Карсавин отмечает, что использование терминов «случайность», «судьба», «Промысел» вполне возможно и даже неизбежно, однако эти термины ничего не объясняют, а лишь указывают на нечто необъяснимое в данном конкретном исследовании.

Одним из наиболее ярких проявлений «вторжения» естественно-научной методологии в историческую науку мыслитель считает гипостазирование причинно-следственной связи. Не раз возвращаясь к этой теме на страницах «Философии истории», он усматривает в обращении к причинно-следственному объяснению исторических фактов ложный признак «научности» истории[4].

На наш взгляд, глубинные истоки карсавинского неприятия причинного

[1] Карсавин Л. П. Указ соч., стр. 216

[2] Карсавин Л. П. Указ соч., стр. 216–218

[3] Там же, стр. 299

[4] Там же, стр. 21–34, 271–272

объяснения в истории в том, что оно предполагает разъединенность фактов, а это противоречит концепции всеединства. Причинная связь изучается рационалистической диалектикой, а для постижения исторического развития в его всеединстве необходима, по Карсавину, историческая диалектика, которая содержит в себе «и логику сердца, и логику ума».

Неприязнь Карсавина к причинно-следственному объяснению направляет его критику против «генетической истории», одержимой «манией» происхождений и классификаций. Ей противопоставляется так называемая статическая история, для которой главное – поиск имманентного единства, внутренней, не принесенной извне связи собранных историком фактов.

Историк-статик, по характеристике Карсавина, «старается дать как бы разрез процесса, описать «состояние», а не само развитие или движение во времени»[1]. Он рассматривает сосуществующие моменты, отвлекаясь от временного различия между ними. Это как бы «поперечное сечение» эпохи. Таким образом, речь идет о конкретно-исторической неповторимости некоей культурной эпохи, ее структурном единстве. По мнению А. Л. Ястребицкой, именно перенос центра тяжести исторического анализа с проблемы генезиса структуры явления на ее функционирование объединяет исследовательские усилия Карсавина и его французского современника Марка Блока[2].

Не отрицая значения материальных, хозяйственных основ общественного бытия, Лев Платонович выступал против гиперболизации материального фактора общественной жизни. Изучение материальной культуры и повседневности (история костюма, оружия, земледельческих орудий) приобретает смысл и ценность только в том случае, если материальные предметы предстанут как символическое воплощение общих принципов культуры: «Материальное само по себе, то есть в оторванности своей, неважно. Оно всегда символично и в качестве такового необходимо для историка во всей своей материальности. Оно всегда выражает, индивидуализирует и нравственное состояние общества, и его религиозные или эстетические взгляды, и его социально-экономический строй»[3].

В наши дни, когда так велик интерес к так называемым структурам повседневности, в том числе и в их материально-вещественном воплощении, ретроспективный взгляд на творчество Карсавина позволяет оценить его как одного из первопроходцев того направления, которое сейчас часто называют исторической антропологией.

Поскольку одной из главных областей исторического исследования является, по Карсавину, область развития отдельной личности, философ уделяет особое внимание таким жанрам, как автобиография и биография, оценивая их как удачное применение исторического метода. В качестве параллели между автобиографией и историческим исследованием обычно отмечают взгляд на действительность через призму ценностей и идеалов автора. Это сходство часто выступает основой для упреков в субъективизме. Карсавин же, парируя эти упреки, отмечает, что это не искажение действительности, а познание ее «единственно возможным способом – как осуществление и раскрытие всеединства... личности в данном моменте». Отказывая научной психологии в праве на изучение развития отдельной личности, такое право Карсавин признает за автобиографическим и биографическим жанрами, рассматривая их как историческое исследование индивидуальной души.

Оппонентам, выступающим против отнесения биографии к истории, Карсавин возражает, что хорошие биографы всегда рассматривают своего героя в контексте исторического развития: биография «тем более переходит в историю, чем более личность «поставлена в связь» с движениями ее среды, времени, культуры и с общими проблемами человеческого духа»[4]. В современной литературе отмечается, что стереотипное поведение чаще становится предметом исторического и социологического анализа, поскольку оно выражает доминанту эпохи, однако «исследование судеб «белых ворон» дает другое – представление о диапазоне вы-

[1] Карсавин Л. П. Указ соч., стр. 228

[2] Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья\\Одиссей, 1991, стр. 87

[3] Карсавин Л. П. Указ соч., стр. 101

[4] Там же, стр. 82

бора в данную эпоху, об ее альтернативных возможностях»[1]. Число таких «белых ворон» увеличивается в периоды культурно-цивилизационных сдвигов, радикальных перемен в обществе. Поэтому биография нетипичной личности представляет собой очень ценный материал для историка.

Еще одним видом «истории души» выступает художественная литература. Здесь русский мыслитель затрагивает мотивы, столь значимые для постмодернистской историографии. Он проводит следующие аналогии. С помощью вымысла художника познаваема объективная историческая реальность. Историк, стремящийся реконструировать прошлое и часто испытывающий недостаток фактических данных, «включает» воображение. В этом заключается «художественный» момент исторического исследования. Карсавин рассматривает использование художественного момента в историческом исследовании как применение символического метода: «Мы придаем значение не самой конкретности и стремимся к ней не ради нее самой, а ради выражаемого ею, без нее нам недоступного». Возможная вольность в деталях выступает допустимой погрешностью на пути создания в целом верной картины прошлого.

По Карсавину, именно история индивидуальной души является наиболее адекватной для установления основных исторических понятий, для понимания субъекта исторического развития в целом. Он подчеркивает, что суть здесь не в простом уподоблении коллективно-исторического индивидуально-историческому, и предостерегает от опасности «психологизирования»: сведения познавательного процесса «к психологическому воображению себя человеком вообще», к психологически-эмпирическому обоснованию.

Цель всякого историка — «выразить историческую действительность в специфичности данного момента»[2]. Она достигается при выяснении значения и смысла данного момента через сопоставление его с другими, а это возможно только при обращении к Абсолютному. Останавливаясь на основных принципах онтологии всеединства, Карсавин говорит о том, что для христианства общественное бытие, как и любое эмпирическое бытие, не иллюзия, оно не отвержено от Абсолютного. Полнота же всеединства возможна лишь в актуализации всех модусов эмпирического бытия. В этом и заключается, по Карсавину, содержание христианского общественного идеала: «всевременное единство», которое не воплощается ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, но открывается лишь в восполнении всех моментов эмпирии до их завершенности, в наивысшем эмпирическом выражении. Без представления об идеале истории нельзя познать историческую действительность. Для историка же идеальное всеединство открывается через что-то конкретное, индивидуальное, подобно тому, как характер человека познается часто не путем длительных наблюдений, а постигается «вдруг», в каком-то жесте или фразе.

Карсавин возражает против трактовки истории как науки о прошлом, поскольку невозможно познавать прошлое в отрыве от настоящего. Более того, настоящий историк, познав не осуществленные возможности прошлого, не может — хотя бы в общих чертах — не уловить тенденции будущего. С этой направленностью исторического познания связана такая форма исторической науки, как философская публицистика. Предъявляя последней серьезные упреки в «безответственном пророчествовании» (прежде всего речь идет о русской философской публицистике), Карсавин вместе с тем возлагает на нее большие надежды, предполагая, что при методическом использовании исторического метода она «может действительно стать, чем она должна быть, «историею настоящего»[3]. И в этом смысле в обличье философской публицистики историческая наука выступает созидательницей будущего.

---

[1] Березовая Л. Г. Нетипичная личность в историческом пространстве, или Эффект «белой вороны» //Общественные науки и современность. 1998, № 6, стр. 130.

[2] Карсавин Л. П. Указ соч., стр. 267

[3] Карсавин Л. П. Указ соч., стр. 281

ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА: ПРОБЛЕМЫ АППАРАТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Учебное пособие В. Д. Граждана «Государственная гражданская служба»[1] представляет собой первый в России систематизированный курс по государственной гражданской службе. В нем сформулированы объект и предмет данной науки, даны основные ее понятия, главные положения и особенности административной (аппаратной) деятельности.

Государственная гражданская служба — это специфический социально-правовой институт, без которого невозможно не только нормальное функционирование, но и само существование современного государства. С точки зрения автора, эффективная гражданская служба служит ключевым фактором прочности государственной власти, ее авторитета и высокого динамизма. Она призвана решать целый комплекс задач: обеспечивать единство законодательного процесса и императивов правоприменения в работе над документами; профессионального сопровождения формирования правового поля при осуществлении целей и задач государства; создание политически и юридически благоприятных условий для реализации каждым человеком своих конституционных и социальных прав, свобод и интересов.

Автор показывает, что потребность общества в гражданских служащих, независимых от внешних политических воздействий, работающих в структуре государства основательно и на пользу людям, зафиксирована в федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. Отсюда государственная гражданская служба — это практическое и профессиональное участие граждан в осуществлении целей и функций государства посредством обеспечения исполнения полномочий федеральных государственных органов и органов субъектов Федерации.

Как известно, государственная власть, помимо внешнего разделения по вертикали и по горизонтали, внутри себя функционально делится еще на две части — известный принцип дихотомии (раздвоения) государственной власти на работников, осуществляющих политическую власть в государственных органах, и на работников, осуществляющих в этих же органах административную власть или гражданскую службу. Хотя политика устанавливает задачи для гражданской службы, не должно быть терпимо положение, когда политика манипулирует административными структурами. Здесь необходим правовой барьер, через который не смогут и не должны переступать политики.

Представленное учебное пособие выгодно отличается комплексным подходом к изложению вопросов государственной административной власти, рассматривает гражданскую службу как целостное явление, необходимый элемент государства. Стремление уйти от сложившихся шаблонов и стереотипов позволило автору написать солидную и добротную в научном отношении работу. Он проявляет хорошую эрудицию по избранной отрасли знания, умело использует научный аппарат при анализе поставленных вопросов, демонстрирует определенную оригинальность при их решении.

Учебное пособие В. Д. Граждана «Государственная гражданская служба» производит положительное впечатление, является самостоятельным и оригинальным исследованием, заключающим в себе значительный запас научной информации. На его основе дается ряд важных рекомендаций, которые могут быть использованы в управленческой, научной и социальной деятельности.

В. М. УТЕНКОВ,
д. ф. н., профессор,
заведующий кафедрой социологии и политологии Московского государственного открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова

[1] Граждан В. Д. Государственная гражданская служба: Учебное пособие. М., Юркнига, 2005